

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюмГУ)
Фэр-Дюэзр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрещенных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГППУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГППУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Сидорова О. Г.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Бобырева Н. Н. ТЕРМИНЫ, НОМЕНЫ И ПРАГМАТОНИМЫ В СПЕЦИАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ СПОРТА (на материале эпонимических единиц)	5
Громова Н. В., Суегина Ю. Г., Фаттахова А. Р. ЭВОЛЮЦИЯ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ	12
Запольских Е. В., Подюков И. А. НАЗВАНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ И РУДНИКОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА	19
Леонтьева М. О. ИЗ ЭТИМОЛОГИЙ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ НА «ТАЛ-//ТОЛ-»	30
Попова Т. И. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ	40
Савицкая Е. В. КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН «МЕНТАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	51
Черноусова А. С. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРМСКИХ СТУДЕНТОВ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	60
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	70
Бочкарева Н. С. ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА КНИГИ А. С. БАЙЕТТ «ПАВЛИН И ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА»	70
Бурдин И. В. КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	79
Куликова Д. Л. МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА КЛАДБИЩА В ХОРРОРЕ (на материале современной русской литературы)	86
Пантелеева Л. М. ОБРАЗ ШАХТЕРА В СТИХАХ СОЛИКАМСКИХ ПОЭТОВ-КАЛИЙЩИКОВ	94
Проскурнин Б. М. ЧИТАЯ «НЬЮКОМОВ» ТЕККЕРЕЯ ПО-РАЗНОМУ: ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ «ДУЭЛЬ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ДРУЖИНИНА	101
Трахтенберг Л. А. САТИРИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ Н. И. СТРАХОВА И «МОДНАЯ КНИГА» Л.-А. КАРАЧЧИОЛИ	112
ЖУРНАЛИСТИКА	118
Дементьева К. В. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УСЛОВИЯХ (на примере медиа Республики Мордовии)	118

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Bobyreva N. N. TERMS, NOMENS AND PRAGMATONYMS IN THE SPECIAL LANGUAGE OF SPORT (Based on Eponymous Terms)	5
Gromova N. V., Suetina Y. G., Fattakhova A. R. THE EVOLUTION OF ARABIC LOANWORDS IN THE LANGUAGES OF EAST AND WEST AFRICA	12
Zapolskih E. V., Podyukov I. A. THE NAMES OF DEPOSITS AND MINES IN PERM KRAI: HISTORY, REGIONAL SPECIFICS	19
Leont'eva M. O. FROM THE ETYMOLOGY OF RUSSIAN DIALECTAL WORDS WITH THE ROOT 'TAL-//TOL-'	30
Popova T. I. METACOMMUNICATIVE PRAGMATIC MARKERS: GENDER ASPECT	40
Savitskaya E. V. THE COGNITIVE PATTERN 'MENTAL PHENOMENA' IN THE ENGLISH LINGUOCULTURE	51
Chernousova A. S. PERM STUDENTS' IDEAS OF THE LANGUAGE NORM AND SPEECH CULTURE: EXPERIMENTAL STUDY	60
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	70
Bochkareva N. S. GENRE POETICS OF A. S. BYATT'S BOOK 'PEACOCK & VINE'	70
Burdin V. I. THE CONCEPT 'TEA' IN THE POEM 'DEAD SOULS' BY NIKOLAI GOGOL	79
Kulikova D. L. MYTHOPOETICS OF THE CEMETERY SPACE IN HORROR FICTION (Based on the Material of Modern Russian Literature)	86
Panteleeva L. M. THE IMAGE OF A MINER IN VERSES OF SOLIKAMSK POETS – POTASH WORKERS	94
Proskurnin B. M. READING 'THE NEWCOMES' IN DIFFERENT WAYS: LITERARY AND CRITICAL 'DUEL' OF CHERNYSHEVSKY AND DRUZHININ	101
Trakhtenberg L. A. N. I. STRAKHOV'S WORKS OF SATIRE AND 'THE FASHIONABLE BOOK' BY L.-A. CARACCIOLI	112
JOURNALISM	118
Dementieva K. V. REGIONAL MEDIA AND THEIR FUNCTIONING IN MODERN COMMUNICATION CONDITIONS (a Case Study of the Media of the Republic of Mordovia)	118

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'37

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-5-11

ТЕРМИНЫ, НОМЕНЫ И ПРАГМАТОНИМЫ В СПЕЦИАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ СПОРТА (на материале эпонимических единиц)

Наталья Николаевна Бобырева

к. филол. н., доцент кафедры европейских языков и культур

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18. Nathalienb@yandex.ru

SPIN-код: 5597-7069

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

ResearcherID: M-2702-2013

Статья поступила в редакцию 14.07.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бобырева Н. Н. Термины, номены и прагматонимы в специальном языке спорта (на материале эпонимических единиц) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 5–11. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-5-11

Please cite this article in English as:

Bobyreva N. N. Terminy, nomeny i pragmatonimy v spetsial'nom yazyke sporta (na materiale eponimicheskikh edinit) [Terms, Nomens and Pragmatonyms in the Special Language of Sport (Based on Eponymous Terms)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 5–11. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-5-11 (In Russ.)

В статье рассматривается проблема разграничения терминологической и номенклатурной лексики спорта на материале эпонимических единиц. Осуществляется обзор научных работ, посвященных выявлению различий терминов, номенов и прагматонимов. Поскольку экстралингвистические факторы влияют на исследование различных особенностей конкретного специального языка, в том числе и статуса его единиц, выполнен обзор научной литературы, в которой освещаются проблемы типологизации специальной лексики спорта. Эпонимическая лексика рассматривается как особый, исторически, культурологически и профессионально значимый арсенал единиц специального языка. Имя собственное как составляющая эпонимических терминов, номенов и прагматонимов предопределяет сходство данных типов лексики. Функциональными признаками, общими для эпонимических терминов, номенов и прагматонимов, являются их интернациональность и стилистическая нейтральность, т. е. способность функционировать во всех регистрах коммуникации. В основу разграничения эпонимической терминологии и номенклатуры закладывается семантический критерий, а именно идея единичности референта, а также принципы номинации. Принимаются во внимание семантическое значение и тематическая отнесенность единицы. К эпонимическим терминологическим единицам относятся образованные при помощи имен собственных наименования действий, систем упражнений, оборудования, правил, формул подсчета результатов и т. п. Эпонимическую номенклатуру образуют наименования спортивных сооружений, соревнований, призов, команд и клубов. Названия серийно выпускаемой продукции представляют собой прагматонимы. Методология, заложенная в предлагаемую классификацию единиц, может быть использована при исследовании специальных языков других сфер, эпонимических единиц различных тематик, а также при выполнении лингвистического анализа единиц специального языка спорта.

Ключевые слова: термин; номен; прагматоним; имя собственное; специальный язык; спортивная терминология; спортивная номенклатура; спортивный дискурс.

Проблема типологизации специальной лексики является одной из ключевых при изучении специальных языков. В научной литературе выделяются такие единицы специальной лексики, как термины, номены, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и др. [Головин, Кобрин 1987; Гринев-Гриневиц 2008; Лейчик 2009; Суперанская, Подольская, Васильева 2012; Исмаева 2012]. Разнообразие лингвистических средств, составляющих специальный язык, обусловлено множеством коммуникативных задач, решаемых в рамках профессионального общения.

Вопрос о разграничении терминов, образующих терминологическую систему, и номенов, образующих номенклатуру, на протяжении десятилетий рассматривается учеными, тем не менее на современном этапе развития теоретического терминоведения не выработано его единое понимание [Какзанова 2010; Ходакова 2012; Миньяр-Белоручева 2014]. При этом ученые выделяют типы лексем согласно разным критериям: формальным, семантическим и функциональным. В. М. Лейчик описывает термины, по формальным признакам отграничивая их от номенклатурных единиц и имен собственных, которые могут включать цифры и другие знаки, характеризоваться особыми способами словообразования, нетипичными для естественного языка; номенклатура является совокупностью названий технических продуктов (наименований товаров, например лампа «Юпитер», ВАЗ 2121 «Лада»), а специальные имена собственные называют наиболее существенные единичные объекты науки и производства [Лейчик 2009]. В данной трактовке акцент ставится на компонентную структуру лексем специального языка, особенности образования.

Соотнесенность языковой единицы с выражаемым понятием, специфика семантики также закладывается как критерий разграничения типов лексем. Согласно точке зрения А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой, научные номены имеют ослабленную связь с понятием, называя обобщенный предмет как типичного представителя именуемого класса; при этом выделяются так называемые коммерческие номены, относящиеся к товарам массового производства (булочка «Гребешок», автомобиль «Волга») [Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 34–35]. Соотнесенность номенов с единичными понятиями и актуализация предметных связей подчеркивается Б. Н. Головиным и Р. Ю. Кобриным, при этом номены рассматриваются как особые типы терминов (например, ТУ-154, холодильник «Минск») [Головин, Кобрин 1987: 17–19]. Схожее понимание прослеживается и в более современных работах, при этом подчеркивается, что номены важны в прикладном аспекте и обладают

большой субъективностью, чем термины, что дает им возможность переходить в разряд терминов [Ходакова 2012: 416]. Исходя из этого, номены обозначают конкретные объекты действительности, термины относятся к абстрактным понятиям или явлениям. Согласно Т. Р. Кияку, номен отличается от термина также тем, что его значение не выводится из суммы значений составляющих, то есть номен является немотивированным языковым знаком, представляя собой «относительно произвольный “ярлык” предмета» [Кияк 1989: 12]. Представленные интерпретации открывают вопрос о взаимосвязях терминологии и номенклатуры, то есть о том, являются ли номены терминами либо представляют собой лексемы нетерминологические. Е. М. Какзанова придерживается мнения, что термины-эпонимы не входят в номенклатуру, а представляют собой самостоятельное явление, характерное для научного дискурса различных специальностей [Какзанова 2010: 25]. Отсюда можно заключить, что наличие имени собственного в компонентном составе лексической единицы влияет на ее тип в составе специального языка.

Функциональный принцип разграничения терминов и номенов заложен в подходе С. В. Гринева-Гриневица: термины коррелируют с общими понятиями и выполняют сигнификативную функцию; номены соотносятся с единичными предметами, и основная реализуемая ими функция – номинативная, что сближает номенклатурную единицу с именем собственным [Гринева-Гриневиц 2008: 37–38]. На схожих основаниях А. П. Миньяр-Белоручева исследует проблему разграничения исторических терминов и номенов, подчеркивая связь языковой формы и функции единицы, и относит к номенклатуре названия документов, исторических событий, политических партий, а также топонимы, антропонимы, этнонимы, этнотопонимы и прецизионную лексику; при этом указывается, что номен именуется, но не раскрывает понятие и существует, в отличие от термина, и вне терминологического поля ввиду неизменности свойств референтов [Миньяр-Белоручева 2014: 169]. В рамках исследования антропонимических номенов транспортной лексики (фирменный поезд № 91/92 «Георгий Береговий», пассажирский поезд № 32А/31А «Лев Толстой») Н. В. Никулина указывает на их информативно-популяризационную функцию [Никулина 2013: 111–112]. Сфера функционирования номенов указывается в определении номенклатуры, данном в словаре Н. В. Подольской: «номенклатура – совокупность специальных названий объектов, употребляемых в данной научной области, в данной области знания» [Подольская 1988: 87]. Таким образом, номены служат

номинации и характеристики объекта, в них выражены исторические факты, национально-культурные ценности. Эпонимические номены способствуют популяризации имени собственного и сохранению памяти о носителе имени. Номен имеет конкретное значение, а термин – абстрактное, контекст не влияет на значение номена, оно сохраняется и в рамках специального дискурса, и в повседневном общении.

Специфика реалий сферы деятельности, отраженных в специальном языке, неизбежно влияет на его формирование и развитие. И экстралингвистический фон оказывает воздействие на изучение статуса единиц специального языка. В связи с этим считаем важным обратиться к исследованиям, направленным на изучение типов специальной лексики спорта. Например, Е. И. Гуреева выделяет три группы единиц в спортивной терминологии: 1) собственно термины (термины с прозрачной внутренней формой, заимствованные термины, метафорические термины); 2) эпонимические термины, образованные от имен собственных; 3) номенклатурные обозначения, где номенклатурным маркером является метафора, аббревиатура или буквенно-цифровая нотация; 4) судейские термины контроля над состязаниями [Гуреева 2011]. Отметим, что в данной классификации эпонимические единицы и номены – типы терминов. Понятие спортивной номенклатуры было затронуто Б. А. Зильбертом [Зильберт 1982: 92–93]. Ученый относит номены к полутерминологической лексике, имея в виду названия спортивных федераций, обществ, команд, марок и видов спортивного инвентаря и средств передвижения (например, *ФИФА*, «*Спартак*»). Согласно нашему пониманию состава и структуры специального языка спорта, термины и номены можно разграничить, не прибегая к такой категории, как «полутерминологическая лексика». Более того, для уточнения и детализации в определении типов спортивной лексики можно выделить такой тип, как прагматонимы, который объединяет наименования торговых марок. Прагматонимы представляют собой словесные товарные знаки [Крюкова 2004: 5]. Специфика семантики прагматонима заключается в том, что он относится не к одному предмету, а ко всем, что выпускаются серийно. И поскольку прагматонимы характерны для спортивного дискурса, в частности, для рекламы спортивных товаров, а также спортивных массмедийных текстов, повествующих о товарах, названных в честь спортсменов, мы относим данные единицы языка к кодифицированному слою специальной лексики.

В фокусе нашего внимания находятся особые единицы специального языка – эпонимическая

лексика. Изучение роли имен собственных в специальных языках также сопряжено с решением вопроса о соотношении терминологии и номенклатуры, их взаимосвязи и взаимовлиянии. Это обусловлено тем, что особенности антропонимов как производящей основы осложняют типологизацию лексического состава специального языка.

Установление научной традиции, разработанной учеными, изучающими специальный язык спорта, является целесообразным для совершенствования и уточнения имеющихся положений. Спортивная лексика, образованная от имен собственных, не имеет традиционного решения относительно ее типов. Тем не менее на материале эпонимических единиц специального языка спорта предлагаемая проблематика практически не разрабатывалась. Интересное исследование именной нетерминологической лексики было проведено А. А. Елистратовым, который выделил на материале 40 единиц устаревшие окказионализмы; историзмы; жаргонизмы и/или профессионализмы, лексемы с отрицательной коннотацией; сокращенные варианты терминов, употребляющиеся в разговорной речи; одну мифологему [Елистратов 2009]. Столь детализированное описание обусловлено изучением формы, семантики и особенностей употребления каждой конкретной единицы. Тем не менее номенклатура как тип и кодифицированная лексика в принципе в рамках данной беспрецедентной работы не изучались.

Наличие имени собственного в составе эпонимических терминов и номенов является характеристикой, объединяющей данные типы лексики, однако номены не рассматриваются нами как термины особого рода. С функциональной точки зрения термины и номены изучаются нами как составляющие кодифицированного слоя специального языка спорта, поскольку они функционируют в спортивном дискурсе во всех регистрах общения, включая высокие (правила соревнований, научные статьи, учебная литература). Критерий, разграничивающий термины и номены в нашей типологической классификации, является семантическим. Мы принимаем во внимание значения рассматриваемых единиц и их тематическую принадлежность. Для отнесения единицы к номенам ключевым фактором считаем единичность референта и принцип номинации (естественность или искусственность номинации).

Немаловажным в рамках типологизации эпонимической лексики является установление взаимосвязи между номеном и именем собственным. Так, Н. П. Козел относит к именам собственным достаточно широкий спектр лексем, а именно: официальные названия и прозвища клубов и сборных команд; имена и прозвища

лиц, задействованных в спорте; неофициальные названия клубов болельщиков; названия спортивных организаций; названия мест проведения спортивных мероприятий; названия соревнований; названия талисманов команд; названия спортивных СМИ; неофициальные названия видов спорта [Козел 2015: 614–615]. Мы полагаем, что при разграничении номенов и имен собственных необходимо также затронуть такой аспект лексем, как официальность / неофициальность и стилистическая нейтральность / экспрессивность. Исходя из двух данных параметров неофициальные названия различных объектов и прозвища целесообразно относить к некодифицированной лексике. Неофициальные названия видов спорта мы предлагаем относить к профессиональным жаргонизмам, поскольку официальные названия видов спорта являются терминами, а не номенами или именами собственными. Основываясь на определении номенклатуры Н. В. Подольской [Подольская 1988: 87] и классификации Б. А. Зильберта [Зильберт 1982: 92–93], приведенных выше, спортивными номенами считаем специальные названия объектов, используемых в спортивной сфере (клубов, команд, организаций, соревнований, мест проведения мероприятий, талисманов, СМИ). К именам собственным мы относим исключительно антропонимическую лексику.

К спортивным эпонимическим терминам мы относим единицы, которые содержат в своем составе имя собственное, а также имя нарицательное, обозначающее понятия спортивной сферы. К подобным лексемам мы причисляем следующие единицы: петля Корбут – Korbut flip (*упражнение на брусьях в спортивной гимнастике*); удар Паненки – Penenka penalty (*прием в футболе*); гамбит Блюменфельда – Blumenfeld Gambit (*дебют в шахматах*); правило Руни – Rooney Rule (*правило Национальной футбольной лиги*); скамья Скотта – Scott's bench, Scott bench (*специальная скамья с наклонной или вертикальной опорной поверхностью*); формула Уилкса – Wilks formula (*формула, предназначенная для определения лучшего атлета среди мужчин и женщин в пауэрлифтинге*). Также терминами-эпонимами мы считаем единицы, образованные аффиксальным или безаффиксным способом от антропонима: аксель – Axel (jump) (*прыжок в фигурном катании*); Мичалчук – Michalchuk (*трюк в сноубординге*); калланетика – Callanetics (*система упражнений*). Референтами терминологических единиц мы считаем действия, системы упражнений, оборудование, правила, формулы подсчета результатов и т. п., знакомые преимущественно людям, вовлеченным в спортивную деятельность на профессиональном или любительском уровне,

а также тем, кто владеет понятийным аппаратом спорта в рамках своей профессиональной деятельности (например, комментаторы, переводчики) или серьезно интересуется как болельщик.

Номены менее специфичны, чем термины, их смысл понятен всему языковому сообществу, в то время как сфера применения терминов – преимущественно профессиональное сообщество. Более того, номены репрезентуют не только профессиональную культуру, но и национальную и мировую культуру: они именуют мероприятия, являющиеся социально значимыми, а также объекты, представляющие собой часть городской среды, таким образом являясь частью лингвистического ландшафта города. В связи с этим появление номена в спортивной сфере – результат действия многих факторов.

Номены, производящей основой которых является имя собственное, образуют эпонимическую номенклатуру специального языка спорта. К номенам мы причисляем языковые единицы, референтами которых являются единичные реалии. В первую группу входят наименования соревновательных мероприятий и призов, которые получает их победитель, а также призов, присваиваемых за определенные достижения (лучшему нападающему, лучшему вратарю и т. д.): Кубок Солхейма – Solheim Cup (*командный турнир, в котором участвуют лучшие гольфистки Америки и Европы и приз, вручаемый победительнице данного турнира*); приз Везины / Везина Трофи – Vezina Trophy (*награда лучшему вратарю Национальной хоккейной лиги*); Морис Ришар Трофи – Maurice 'Rocket' Richard Trophy (*награда лучшему снайперу чемпионата Национальной хоккейной лиги*). Вторую группу составляют названия мест, где проходят спортивные мероприятия (стадионов, бассейнов, теннисных кортов, спортивных центров и др.): Йоохан Кройфф Арена – Johan Cruyff Arena (*футбольный стадион в Амстердаме*); стадион «Альфредо ди Стефано» – Alfredo Di Stéfano Stadium (*футбольный стадион в Мадриде*). Третья группа объединяет названия команд и клубов: Салават Юлаев – Salavat Yulaev Ufa (*хоккейный клуб*); Академия тенниса Шамиля Тарпищева – Tennis Academy of Shamil Tarpishchev. Русскоязычные номены могут включать в свою структуру компонент в виде слова имени, что является формально-семантическим усилителем номинативности единицы и дополнительным маркером того, что в составе номена содержится имя собственное. Например: Легкоатлетический комплекс имени Е. Елесиной (*г. Челябинск*); Стадион имени Эдуарда Стрельцова (*г. Москва*). В случае, если номен основан на имени знаменитой личности, заслуги которой представляют важность для государства, регио-

на, города, можно говорить о том, что эта лексема кодирует национально-культурную информацию.

Использование имени спортсмена для наименования товара, причем не только спортивного, но и относящегося к другой категории, является интересным коммерческим ходом. Например, наименования баскетбольной обуви, в структуру которых входят имена американских баскетболистов Майкла Джордана и Джеймса Леброна: *Air Jordan u LeBron*. Ассоциации и коннотации, связанные с именем собственным, основаны на информации о достижениях спортсмена, его стиле, характере, спортивных и социальных успехах. Эти ассоциации и коннотации, заложенные в прагматониме, символизируют свойства, качества и признаки товара, что и вызывает интерес потенциального потребителя. Номинатор рассчитывает на появление положительных реакций покупателя при распознавании имени конкретного лица в прагматониме. Образ известной личности и, соответственно, имя способствуют росту популярности товара, известности производящей его компании.

Итак, терминология, номенклатура и прагматонимы входят в кодифицированный слой специального языка, при этом термины образуют его ядро, номены и прагматонимы находятся на периферии. Термины, номены и прагматонимы спорта характеризуются особенностями семантики, имеют свою специфику появления и развития. Разграничение лексем специального языка возможно благодаря определению характерных им признаков и выполняемых ими функций. Наличие имени собственного в структуре лексемы специального языка усложняет установление типа рассматриваемой лексемы. Определение ее типа происходит в результате изучения формальных, семантических и функциональных особенностей в единстве. Эпонимические номены, относящиеся к менее специфичным понятиям, чем термины, имеют существенную культурную значимость и обладают большей экспансией в речи представителей лингвокультурного социума. Эпонимические прагматонимы связаны с задачами рекламы и, как правило, успешно решают их благодаря ассоциациям и коннотациям, присущим известному имени собственному. Отметим, что номены и прагматонимы представляют собой продукты искусственной номинации.

Список литературы

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.

Гринева-Гринева С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.

Гуреева Е. И. Разновидности специальных обозначений в современной спортивной терминологии // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 24(239), вып. 57. С. 71–73.

Елистратов А. А. Именная нетерминологическая лексика спорта // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 34(172), вып. 36. С. 26–32.

Зильберт Б. А. К вопросу о составе специальной лексики физической культуры и спорта и ее месте в лексической системе современного русского языка // Язык и общество. Социолингвистические проблемы лексикологии: межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. Вып. 6. С. 76–93.

Исмаева Ф. Х. Языковая личность спортсмена. Казань: Казан. ун-т, 2012. 164 с.

Какзанова Е. М. Номенклатура и термины-эпонимы: обзор мнений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 5. С. 21–25.

Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения: учеб. пособие. Киев: УМК ВО, 1989. 104 с.

Козел Н. П. Нетерминологические трудности перевода спортивной хроники // Древняя и Новая Романия. 2015. Вып. 15. С. 608–624.

Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 42 с.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Миньяр-Белоручева А. П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 166–170.

Никулина Н. В. Номен как составляющая профессиональной коммуникации (на материале транспортной терминосистемы) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31(322), вып. 84. С. 111–113.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.

Ходакова А. Г. Термины и номены // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 411–416.

References

- Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh: ucheb. posobie dlya filol. spets. vuzov* [Linguistic Foundations of Terminology Science: Textbook for philological specialties of universities]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 104 p. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Terminology Science: Textbook for university students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)
- Gureeva E. I. Raznovidnosti spetsial'nykh oboznameniy v sovremennoy sportivnoy terminologii [Varieties of special denominations in modern sport terminology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2011, no. 24(239), issue 57, pp. 71–73. (In Russ.)
- Elistratov A. A. Imennaya neterminologicheskaya leksika sporta [Anthroponomical and toponymical nonterminological vocabulary of sports]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2009, no. 34(172), issue 36, pp. 26–32. (In Russ.)
- Zil'bert B. A. K voprosu o sostave spetsial'noy leksiki fizicheskoy kul'tury i sporta i ee meste v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka [On the composition of special lexis of physical culture and sports and its place in the lexical system of the modern Russian language]. *Yazyk i obshchestvo. Sotsiolingvisticheskie problemy leksikologii: Mezhvuz. nauchnyy sbornik* [Language and Society. Sociolinguistic Issues of Lexicology: Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, Saratov State University Press, 1982, issue 6, pp. 76–93. (In Russ.)
- Ismaeva F. Kh. *Yazykovaya lichnost' sportmena* [Language Personality of the Athlete]. Kazan, Kazan University Press, 2012. 164 p. (In Russ.)
- Kakzanova E. M. Nomenklatura i terminy-eponimy: obzor mneniy [Nomenclature and eponymous terms: Opinion survey]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, issue 5, pp. 21–25. (In Russ.)
- Kiyak T. R. *Lingvisticheskie aspekty terminovedeniya: ucheb. posobie* [Linguistic Aspects of Terminology Science: Textbook]. Kiev, UMK VO Publ., 1989. 104 p. (In Russ.)
- Kozel N. P. Neterminologicheskie trudnosti perevoda sportivnoy khroniki [Non-terminological problems of sport chronicle translation]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and New Romania], 2015, issue 15, pp. 608–624. (In Russ.)
- Kryukova I. V. *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretседentnosti: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Advertising name: From invention to precedent. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2004. 42 p. (In Russ.)
- Leychik V. M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology Science: Subject, Methods, Structure], 4th edition. Moscow, 'LIBROKOM' Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)
- Min'yar-Beloruicheva A. P. O skhodstve i razlichii terminov i nomenklaturnykh obrazovaniy [On similarities and differences of terminology and nomina]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Chuvash University Bulletin], 2014, issue 4, pp. 166–170. (In Russ.)
- Nikulina N. V. Nomen kak sostavlyayushchaya professional'noy kommunikatsii (na materiale transportnoy terminosistemy) [Nomen as a component of professional communication (based on the transport terminological system)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Arts], 2013, no. 31(322), issue 84, pp. 111–113. (In Russ.)
- Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, Nauka Publ., 1988. 192 p. (In Russ.)
- Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology: Theoretical Issues]. Ed. by T. L. Kandelaki. 6th edition. Moscow, 'LIBROKOM' Publ., 2012. 248 p. (In Russ.)
- Khodakova A. G. Terminy i nomeny [Terms and nomens]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, issue 4(1), pp. 411–416. (In Russ.)

**TERMS, NOMENS AND PRAGMATONYMS
IN THE SPECIAL LANGUAGE OF SPORT
(Based on Eponymous Terms)**

Natalia N. Bobyreva

**Associate Professor in the Department of European Languages and Cultures
Kazan (Volga Region) Federal University**

18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. Nathalienb@yandex.ru

SPIN-code: 5597-7069

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4680-7902>

ResearcherID: M-2702-2013

Submitted 14.07.2021

The article deals with the problem of distinguishing between terminology and nomenclature in the eponymous lexis of sports. It starts with a review of research works concerned with the differences between terms, nomens, and pragmatonyms. As the extralinguistic factors influence research into peculiarities of a particular special language, including the status of its units, there is also provided a review of works covering the problems of special sports lexis classification. Eponymous lexis is considered as a special and significant inventory of special language units, from the historical, cultural, and professional points of view. The proper name as a constituent of eponymous terms, nomens, and pragmatonyms predetermines the similarities between these types of lexis. The functional features common for eponymous terms, nomens, and pragmatonyms are their international character and stylistic neutrality, i. e. the ability to function in all the registers of communication. Distinguishing between eponymous terminology and nomenclature is based on the semantic criteria, namely the idea of the referent's oneness. The semantic meaning and thematic relatedness of the unit, as well as the nomination principles, are taken into account. Eponymous terms are the units formed on the basis of proper names and denoting actions, systems of exercises, equipment, rules, formulae for counting the results. Eponymous nomens are the units naming sports facilities, competitions, prizes, teams, and clubs. The names of products manufactured in lots are considered to be pragmatonyms. The methodology upon which the suggested classification is based may be used in research on special languages of other spheres, eponymous units related to different themes, and while analyzing the linguistic features of units belonging to the special language of sports.

Key words: term; nomen; pragmatonym; proper name; special language; sports terminology; sports nomenclature; sports discourse.

УДК 811.411.21: (811.432.875.2 + 811.414.231)

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-12-18

ЭВОЛЮЦИЯ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Нелли Владимировна Громова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой африканистики

Институт стран Азии и Африки

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11. gromova@iaas.msu.ru

SPIN-код: 7766-2756

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2397-2948>

ResearcherID: AAJ-5848-2021

Юлия Георгиевна Суетина

к. филол. н., доцент кафедры африканистики

Институт стран Азии и Африки

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11. kaduna2007@mail.ru

SPIN-код: 4693-2499

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3564-5960>

ResearcherID: AAJ-7732-2021

Аида Ринасовна Фаттахова

к. филол. н., доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения

Институт международных отношений

Казанского (Приволжского) федерального университета

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18. gaidaf@mail.ru

SPIN-код: 5353-3960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1891-265X>

ResearcherID: H-6249-2013

Статья поступила в редакцию 28.03.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Громова Н. В., Суетина Ю. Г., Фаттахова А. Р. Эволюция арабских заимствований в языках Восточной и Западной Африки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 12–18. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-12-18

Please cite this article in English as:

Gromova N. V., Suetina Y. G., Fattakhova A. R. Evolyutsiya arabskikh zaimstvovaniy v yazykah Vostochnoy i Zapadnoy Afriki [The Evolution of Arabic Loanwords in the Languages of East and West Africa]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 12–18. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-12-18 (In Russ.)

Предпринимается попытка рассмотрения процесса эволюции арабских заимствований в двух крупнейших африканских языках – суахили и хауса – начиная с середины XX в. до настоящего времени. Словарь С. Балди «Первое этнолингвистическое сравнение арабских заимствований в языках хауса и суахили» используется авторами статьи как основа для проведения сравнительного анализа, в результате которого выявляются особенности бытования арабизмов на современном этапе развития африканских языков. Это перекодировка на фонологическом уровне, лексико-семантические вариации интродукции заимствования (расширение или сужение семантики, приобретение нового, отличного от исконного значения), грамматические трансформации (изменение частеречной принадлежности, деривационная активность). Показано, что при адаптации арабских заимствований языки суахи-

ли и хауса придерживаются вполне определенных стратегий, в основном общих для обоих языков. Основное внимание уделяется изучению лексико-семантических отношений между прототипом и коррелятивным заимствованием в современных языках суахили и хауса, выявлению изменений исходной семантической структуры слова в заимствующем языке или ее консервации с сохранением мотивировочного признака. Выделяются тематические группы используемых арабских заимствований, наиболее многочисленные из которых представлены корпусом слов религиозного содержания и торговли. Отмечается ряд арабских заимствований, исчезнувших за прошедшие 70 лет из активного словоупотребления, в особенности в языке хауса, имеющем меньший срок контактов с арабским языком.

Ключевые слова: арабские заимствования; современные языки суахили и хауса; фонетические преобразования; лексико-семантические изменения; грамматическая атрибуция.

Введение

Арабский язык – самый значительный донор лексики в африканские языки начиная со Средних веков. В качестве репрезентанта языков Восточной Африки выбран язык суахили, а Западной Африки – язык хауса. Это два наиболее известных африканских языка с разной степенью реализации коммуникативных функций. Язык суахили является родным лишь для жителей узкой береговой и островной части Восточной Африки, численность которых не превышает 2 миллионов человек. Однако он закреплен в конституциях Танзании, Кении и Уганды как государственный язык, как один из официальных языков – в Демократической Республике Конго и широко используется во всей Центральной Африке, от восточного побережья до западного. Также суахили – рабочий язык Восточноафриканского Сообщества и Африканского Союза. Общая численность говорящих на нем в Африке и за ее пределами достигает, по некоторым данным, 260 миллионов [Овчинников 2013: 187].

Язык хауса насчитывает более 60 миллионов говорящих по всей Африке и является родным для большей части населения Северо-Западной и Северо-Центральной областей Нигерии [Большая российская энциклопедия 2017: 792]. В настоящее время он является официальным региональным языком и играет значимую роль в административной и политической жизни Северной Нигерии.

Суахили первым столкнулся с арабским языком. Первые арабские поселения появились на восточном побережье Африки и близлежащих островах уже в первые годы возникновения ислама. В VII–X вв. в этом регионе в результате интеграции культур начала складываться новая этническая общность – суахили [Мисюгин 1958: 143]. Начальный период арабского взаимодействия с местными африканскими этносами отличается скудостью письменного исторического материала, но начиная с XII в. «мы располагаем уже письменными хрониками на языках суахили и арабском» [там же]. Историю социокультурного развития региона можно проследить по историческим преданиям и легендам о переселении мусульман в города восточноафриканского побережья.

Установить точное время первых территориальных контактов между арабами и хауса не представляется возможным, поскольку язык хауса, как собственно и язык суахили, – младописьменный, и до появления письменности на аджамии в начале XIX в. письменных источников по истории хауса не существовало. Большинство исследователей истории хауса связывают арабские заимствования с проникновением ислама в XIV в. [Ольдерогге 1960: 42], также отмечается активный контакт хауса с арабским языком в связи с транссахарской торговлей, соединяющей страны на побережье Средиземного моря и территории, расположенные по берегам Гвинейского залива. При этом транссахарские торговые пути контролировались народом хауса и арабскими купцами [Greenberg 1947].

Таким образом, оба языка – суахили и хауса, типологически и географически далекие, существовали долгое время в тесном взаимодействии с арабской культурой. Оказавшись под влиянием высокоразвитой для своего времени культуры, эти африканские культурно-языковые общности адаптировали значительное количество арабской лексики.

Результаты исследования

1. Как правило, любой язык-рецептор не пассивно воспринимает чужое слово, а в той или иной мере подчиняет его своим внутренним закономерностям и включает его в свои внутренние системные отношения. В процессе трансмиссии в чужую языковую среду заимствованная лексика подвергается изменениям, которые затрагивают фонетический, лексико-семантический и грамматический аспекты иноземного слова. В нашу задачу входит рассмотрение особенностей бытования арабизмов и выявление изменений, которые произошли с заимствованиями арабского происхождения в языках суахили и хауса к настоящему моменту.

За отправную точку анализа принят словарь Серджио Балди «Первое этнолингвистическое сравнение арабских заимствований в языках хауса и суахили» [Baldi 1988]. Поскольку С. Балди опирается в основном на словари первой половины XX в. [Abraham 1946; Johnson 1939], то, по

существо, анализируемый отрезок времени составляет более полувека. В работе С. Балди отмечено 541 арабское заимствование, которое вошло как в хауса, так и в суахили. В основном это существительные (489 единиц), значительно менее обширную группу составляют глаголы (24 лексемы), несколько предлогов и союзов (20), а также небольшое количество дискурсивных слов (9 единиц).

При адаптации арабских заимствований языки суахили и хауса придерживаются вполне определенных стратегий, в основном общих для обоих языков.

1.1. Формально-фонетическая адаптация. Так, специфическая реализация арабских заимствований в языке суахили проявляется на фонетическом уровне следующим образом: фонетический строй суахили пополнился рядом не характерных для него звуков /dh/, /th/, /gh/: *arḍ*¹ > *ardhi* (sw)² 'земля', *ṭulūj* > *theluji* (sw) 'снег', *ḡafr* > *ghofira* (sw) 'прощение'.

Поскольку все существительные в языке суахили распределяются по именным согласовательным классам с присущим каждому классу определенным префиксальным показателем, при интродукции заимствования язык суахили использует формально-фонетическое сходство инициальной части исходной лексемы с классным показателем-префиксом и помещает заимствование в соответствующий класс: *mu'allim* > *mwalimu* 'учитель' (1 класс, мн. ч. *walimu*), *kitāb* > *kitabu* (sw) 'книга' (7 класс, мн. ч. *vitabu*). Неопознанный языком суахили инициальный слог заимствования определяет его размещение в классах с нулевым показателем (5/6 или 9/10 классы) в соответствии с лексико-семантическим принципом адаптации заимствований, согласно которому каждый именной класс содержит существительные с определенным семантическим значением (условно называемые классы людей, вещей, круглых предметов и т. п.).

Адаптированные арабские глаголы отличаются от исконно бантуских вокалической финалью, не равной /a³, при пятифонемном вокализме суахили: *-arifu* (sw) 'сообщать', *-samehe* (sw) 'прощать', *-fikiri* (sw) 'думать'. Выбор вокалической финали происходит в результате действующего в языке суахили правила сингармонизма.

Поскольку для суахили характерен открытый слог, в примерах можно наблюдать такой прием адаптации, как вокалическая разрядка консонантных групп заимствованного слова: *mašhūr* (CVC-CVC) > *mashuhuri* (sw) (CV-CV-CV-CV) 'известный'. Этот процесс продолжается и до настоящего времени. Так, отмеченные в словаре С. Балди арабские лексемы с закрытым слогом в современном суахили соответствуют правилу открытости слога, например: *lafz* > *lafudhi* /

lafidhi (sw) 'произношение', *ḥarf* > *herufi* (sw) 'буква'.

Арабские слова, войдя в язык хауса, также подвергаются фонетическим изменениям согласно фонетической структуре хауса. Так, в хауса ни существительное, ни глагол не могут иметь в ауслaute согласный звук, поэтому при адаптации те арабские заимствования, которые имели в финали согласный, получают дополнительную вокалическую огласовку: *murād* > *muraadii* (hs) 'желание', *wājib* > *waajibii* (hs) 'долг, обязанность'. Арабские глаголы, имеющие вокалическую финаль *-a*, заимствуются языком хауса без изменения своей структуры, которая характерна и для всех транзитивных глаголов хауса и большинства интранзитивных: *kamala* > *kammālaa* (hs) 'заканчивать', *zāna* > *zaanāa* (hs) 'украшать'.

Так же, как и в суахили, в заимствованиях в языке хауса наблюдается тот же прием фонетической адаптации, а именно вокалическая разрядка консонантных групп: *mašhūr* (CVC-CVC) > *māshahurii* (hs) (CV-CV-CV-CV) 'известный'. В хауса закрытым может быть только первый слог как имени, так и глагола, причем этот слог может заканчиваться только на *-l/-r*, *-n/-m* или *-s*. В остальных случаях также наблюдается вокалическая разрядка консонантных групп: *rizq* (CV-CC) > *?arzikii* (hs) 'богатство', *naḥs* (CVC) > *numfaashii* (CVC-CV-CV) 'дыхание'.

1.2. Семантическая эволюция заимствований. Интенсивность и глубина влияния арабского языка особенно ощутима в области лексики. По мнению некоторых исследователей, количество арабских заимствований колеблется от 25 до 35 % в суахили и от 20 до 25 % в хауса. Назвать точное число подобных заимствований не представляется возможным. Подсчет арабизмов затруднен тем, что некоторые исследователи причисляют к заимствованиям слова, образованные от арабских корней по словообразовательным моделям языков-реципиентов. Так, в работе С. Балди указаны два глагола хауса, заимствованные из арабского, но имеющие суффикс *-ta*, который в хауса участвует в образовании глаголов от имен: *ḥakama* > *hakumta* (hs) 'судить; выносить приговор; приговорить', *qasama* > *kasafta* (hs) 'делить'.

Арабизмы заполнили многие лексические лакуны языков-реципиентов, при этом сферы заимствования арабской лексики в языки суахили и хауса связаны с особенностями контактных отношений. Наибольшим количеством арабских заимствований отличаются разделы «религия» и «торговля».

Так, вместе с исламом в языки суахили и хауса вошло большое количество лексических единиц, связанных с исполнением религиозных обязанностей: *imām* 'имам' > *imamu* (sw), *liman* (hs),

raka'a 'коленипоклонение' > *rakaa* (sw), *raka'a* (hs), *ṣalāh* 'молитва' > *sala* (sw), *salla* (hs); названия молитв, совершаемых правоверным мусульманином в течение дня, например *maḡrib* 'молитва, совершаемая на закате солнца' > *maghari-bi* (sw), *magariba* (hs).

Ислам принес с собой на африканские земли институт ученых знатоков Корана, учителей: *mu'allim* 'учитель' > *mwālimu* (sw) 'учитель, наставник', *malam* (hs) 'знаток, учитель'. А вместе с исламом пришли арабизмы, связанные с наукой: *ta'rīk* 'история' > *tarehe* (sw), *taariha* (hs), *nahw* 'грамматика' > *nahau* (sw), *nahawu* (hs), *qāmūs* 'словарь' > *kamusi* (sw), *kaamus* (hs), *murabba'* 'квадрат' > *mraba* (sw), *mūrabba'i* (hs) и мн. др.

В языках суахили и хауса существует значительный пласт арабизмов, так или иначе связанных с торговлей. Это меры веса: *ratl* 'ратль' (0,449 кг) > *ratli* (sw), *ratal* (hs); длины: *ḍirā'* 'локоть' (45 см) > *dhiraa* (sw), *zira'a* (hs); названия товаров, ввозимых из арабских стран, например, тканей: *ḥarīr* 'шелк' > *hariri* (sw), *alharini* (hs), *aṭlas* 'атлас' > *atlas* (sw), *?adalašii* (hs); некоторых продуктов питания: *zaitūn* 'оливки' > *zeituni* (sw), *zaitun* (hs), *sukkar* 'сахар' > *sukari* (hs), *sukari* (sw), *laimūn*, *līmūn* 'лимон' > *limau* (sw), *lemo* (hs); названия драгоценных камней: *lu'lu'* 'жемчуг' > *lulu* (sw), *lu'u-lu'u* (hs), *'aqīq* 'сердолик' > *akiki* (sw), *akiku* (hs), *marjānī* 'красный коралл' > *marjani* (sw), *murjani* (hs) и мн. др.

Часть терминов, заимствованных из арабского языка, связана с обозначением различных качеств, чувств, эмоций и др.: *ḵair* 'благо' > *heri* (sw), *alheri* (hs), *balā'* 'бедствие' > *balaa* (sw), *bala'i* (hs), *ḵasāra* 'потеря, ущерб' > *hasara* (sw), *hasara* (hs) и др.

Бытовая лексика языка-донора также составляет немалый процент в словаре языка-реципиента, например: *ṣābūn* 'мыло' > *sabuni* (sw), *sabulu* (hs), *'uṭīr* 'духи' > *turare* (hs), *uturi* (sw), *maqaṣṣ* 'ножницы' > *almakashi* (hs), *mkasi* (sw) и др.

Выше были отмечены лишь некоторые лексико-семантические группировки заимствований, но, повторим, арабизмы пронизывают практически весь словарный состав обоих принимающих языков, и ярче всего они проявляются в семантике. Семантическая стратегия интродукции арабских заимствований в языки суахили и хауса может быть представлена следующим образом: а) заимствования, адаптированные без изменения семантики; б) заимствованная лексика, сузившая семантику исходного слова; в) заимствования, расширившие свою семантическую структуру; г) заимствования, которые приобрели значения, не свойственные языку-источнику. Приведем примеры каждой из групп:

1.2.1. Заимствования, адаптированные обоими языками без изменения семантики: *qahwa* 'ко-

фе' > *kahawa* (sw), *gahawà* (hs), *yāqūt* 'сапфир' > *yakuti* (sw), *yakutu* (hs), *ṣandal* 'сандаловое дерево' > *sandali* (sw), *sandal* (hs), *ra'd* 'гром' > *radi* (sw), *aradu* (hs), *dunya* 'мир, вселенная' > *dunia* (sw), *duniya* (hs), *'āfiya* 'здоровье' > *afya* (sw), *lafiya* (hs), *ḥaqīqa* 'истина' > *hakika* (sw), *hakika* (hs), *sabab* 'причина' > *sababu* (sw), *sababii* (hs), *rišwa* 'взятка' > *rushwa* (sw), *rašawà* (hs) и др.

1.2.2. Некоторые слова сузили сферу своего употребления и встречаются в языке лишь в особых стилистических контекстах. Так, *rabb* 'господь' > *rabi* (sw) в суахили используется только в поэтических текстах в значении 'владыка', а в языке хауса его стилистическая оценка проявляется в составе устойчивых словосочетаний, преимущественно фразеологического характера: *'kasashe yan rabbana ka wadata mu* букв. 'страны дети отец мой ты обеспечь нас' = 'беднейшие страны'. Лексема *ḡaib* 'невидимый' > *ghaibu* (sw) в языке суахили выявляет свою семантику также лишь в составе некоторых фразеологизмов: *-ta-zama kwa ghaibu* 'смотреть отсутствующим взглядом', *-soma kwa ghaibu* 'читать по памяти', *-zungumza kwa ghaibu* 'говорить свободно, не глядя в текст'.

Приведем еще ряд заимствований, сузивших семантику исходного слова: *kurrāsa* 'буклет' > *ukurasa* (sw) 'страница', *janā'iz* 'похороны' > *jeneza* (sw) 'гроб', *murād* 'желание' > *muraadi* (hs) 'смпать', *silsila* 'цепь; ряд, серия' > *silisili* (sw) 'металлическая цепь, цепочка'.

1.2.3. Заимствования с расширением исходной семантической структуры. Так, слово *ṣarī'a*, согласно словарю С. Балди, обозначает 'закон'. В современном хауса эта лексема используется для обозначения суда как процесса (в противоположность заимствованию из английского *kotu* 'суд как учреждение'). Добавим еще ряд примеров заимствований с расширением семантики: *sūra* 'сура (глава Корана)' > *sura* (sw) 'глава (любой книги)', *luḡa* 'язык' > *luga* (hs) 'возвышенная речь', *faṣāḥa* 'красноречие' > *fassaha* (hs) 'искусство', *yāqūt* 'сапфир' > *yakuti* (hs) 'драгоценный камень', *sūr* 'стена' > *soro* (hs) 'четырёхугольный дом' и др.

1.2.4. Заимствования, которые приобрели значения, не свойственные языку-донору: *rizk* 'средства к существованию' > *?azzikii* / *?arzikii* (hs) 'богатство', *naṣīḥa* 'совет' > *nasiha* (sw) 'искренний, преданный друг', *'ajīb* 'удивительный' > *?al?ajibii* (hs) 'чудо', *laḍḍa* 'наслаждение' > *ladha* (sw) 'вкус', *jarīda* 'газета' > *jarida* (sw) 'журнал', *ḡalaṭ* 'ошибка' > *ghalati* (sw) 'ложь, обман', *ṣa'n* 'дело' > *shani* (sw) 'чудо', *jāhil* 'неграмотный' > *jahili* (sw) 'бандит', *jawāb* 'ответ' > *jawabi* (hs) 'речь', *imān* 'вера' > в словосочетании *ba tare da wani imani ba* (hs) 'безжалостно, жестоко'. Лексема *burj* 'знак зодиака', сохраняя минимальное

мотивировочное значение, в языках суахили и хауса приобретает значения, не присущие арабскому слову: *buruji (sw)* ‘движение звезды’, *buruji (hs)* ‘Млечный путь’.

1.2.5. Ряд арабских заимствований редко используются в современных суахили и хауса, получив эквивалент в виде исконного слова, например: *gharadhi* ‘цель’ = *lengo (sw)*, *kalima* ‘слово’ = *neno (sw)*, *merikebu* ‘судно, корабль’ = *meli (sw)*, *hawā* ‘воздух’ = *iska (hs)*, *baħr* ‘море’ = *teku (hs)*, *kinzīr* ‘боров, свинья’ = *nguruwe (sw)*, *talj* ‘снег’ = *dusan kankara (hs)*, *ibn* ‘сын’ = *mwana (sw)*, *da (hs)*, *nūr* ‘свет’ = *haske (hs)* и др.

1.2.6. Следует также отметить, что некоторое количество лексем, приведенных в словаре С. Балди, не зафиксированы в современных словарях языков суахили [Kamusi ya karne ya 21 2014, Kamusi kuu ya Kiswahili 2015] и хауса [Herms 1987, Nicholas Awde 1996]. Так, лексема *ra’-īs* ‘лидер’ > *rais (sw)* в суахили приобретает значение ‘президент’, а в хауса она уже давно вышла из употребления, и ее заменил семантический неологизм *jagora* с производными от него дериватами *jagoranci* ‘руководство, лидерство’, *jagoranta* ‘руководить, возглавлять’.

В суахили не используются такие лексемы из словаря С. Балди, как *hawia* ‘нижний круг ада’, *-enda matu* ‘умирать’, *daulati* ‘сила’, *galab* ‘победа’. Кроме этих четырех слов современный язык суахили не пользуется арабскими названиями месяцев, заменив их английскими эквивалентами или описательными вариантами типа *Januari* ‘январь’ = *mwezi wa kwanza* ‘первый месяц’. В целом утерянный арабский фонд составляет менее двух процентов.

Из 541 арабской лексемы, приведенной в работе С. Балди, из языка хауса выпали, согласно словарю И. Хермс [Herms 1987], 154 единицы и в соответствии со словарем Н. Оуд [Nicholas Awde 1996] – 138 заимствований, что составляет соответственно 25,5 и 28,5 %. Скорее всего, такой высокий процент вышедших из употребления арабизмов объясняется значительно меньшим объемом словарей хауса по сравнению с современными словарями суахили.

2. Грамматическая интродукция арабизмов. Формально-фонетический и семантический принципы адаптации арабизмов сочетаются с грамматическим освоением заимствованных лексем. Арабизмы встречаются во всех частях речи обоих языков, однако с преобладанием имен существительных. При этом наблюдается некоторое частеречное несовпадение: арабское имя, согласно арабской грамматике, включающее в себя существительное, прилагательное, местоимение и числительное, может оказаться в заимствующем языке глаголом, например: *tauba* ‘раскаяние’ > *tuba (hs)* ‘раскаяние’, *-tubu (sw)* ‘раскаиваться’,

ħadra ‘собрание мусульманской конгрегации на вечернюю пятничную молитву’ > *hallara (hs)* ‘собираться’, *zulm* ‘угнетение’ > *dhuluma (sw)* ‘насилие’, *-dhulumu (sw)* ‘угнетать’. Возможно также и обратное явление, то есть глагол языка-донора заимствуется в качестве существительного: *tamma* ‘заканчивать’ > *tama / tamati (sw)*, *tamat (hs)* ‘конец, окончание’, *zāna* ‘украшать’ > *zana (sw)* ‘прибор, инструмент’, *ta’ada* ‘угрожать’ > *ta’adi (hs)* ‘бедствие’, *šāwara* ‘спрашивать совета’ > *šaawarāa (hs)* ‘совет’.

2.1. Грамматически адаптированные заимствования в обоих языках образуют множественное число по соответствующим моделям принимающего языка: *tuumini* ‘верующий’ (sw) > *waumini* ‘верующие’, *daraja (sw)* ‘ступенька’ > *madaraja* ‘ступеньки’, *darasi (hs)* ‘урок’ > *darasusuka* ‘уроки’, *sha’ani (hs)* ‘дело’ > *sha’anoni* ‘дела’, *jarida (hs)* ‘газета’ > *jaridu* ‘газеты’.

2.2. Интенсивность трансмиссии арабских заимствований в языки суахили и хауса проявляется как в их восприятии носителями этих языков, которые зачастую считают арабизмы словами родного языка, так и в активном участии заимствованных единиц в деривационном процессе.

Так, от арабизма *ħarām* ‘запрет’ образуется в языке хауса целый ряд производных слов: глагол *ħaramta* ‘запрещать’, отглагольное прилагательное *ħaramtacce* ‘запрещенный, незаконный’, существительное *ħaramci* ‘запрет’ (вторичное образование от глагола *ħaramta*). От слова *jarīda* ‘газета’ образованы лексические единицы *dan jarida* ‘журналист’, *mai jarida* ‘владелец газеты’; от прилагательного *‘ādil* ‘справедливый’ образовано существительное *adalci* ‘справедливость’.

Таким же образом и в суахили арабизм может служить основой образования целой серии именных и глагольных дериватов, например: *-fasiri* ‘толковать, переводить’ > *mfasiri* ‘переводчик’, *-fasirisha* ‘заставить переводить’, *-fasiriana* ‘переводить друг другу’ и т. п. Все глаголы, заимствованные из арабского языка, оказываются полностью адаптированными языком суахили: им свойственны способы выражения категорий актантных отношений, категорий вида, времени, таксиса, наклонения и отрицания, например: *Wazazi hawadharauliwi na watoto* ‘Дети не презирают родителей’, где в глаголе *ha-wa-dharau-li-w-i* используются показатели категорий индикатива и отрицания настоящего времени с помощью конфикса *ha-...-i*, показатель 3-го лица мн. ч. *wa-*, аффикс транзитива *-li-* и аффикс пассива *-w-*.

В хауса вид и время глагола передаются приглагольными местоимениями, сами глаголы никаких аффиксов не получают. Но возможно изменение конечного /a/ на /e/, являющегося показателем полноты действия, на /o/ – указывающего направление действия на субъекта, или на /u/ –

являющегося, по мнению некоторых исследователей, в частности Ф. Джагара [Jagar 2001], показателем пассива: *zana* ‘украшать’ > *zane* ‘украшить полностью’, *zani* ‘быть украшенным’.

Выводы

Анализ всего корпуса арабских заимствований, зарегистрированных в словаре С. Балди, позволяет сделать несколько заключений. С принятием ислама африканские языки оказались под значительным влиянием более развитой для того времени культуры. Оба языка заимствовали значительную часть арабизмов с разнообразным семантическим наполнением. Семантический перенос арабской лексемы на почву африканских языков суахили и хауса сопровождается ее формально-фонетической, лексико-семантической и грамматической адаптацией, позволяющей заимствованию встроиться в принимающий язык. Адаптация зафиксированных С. Балди арабизмов продолжается и в настоящее время.

Арабские заимствования с течением времени полностью встраиваются в лексико-грамматическую систему языков-реципиентов. Однако при этом язык суахили за последние 70 лет практически не потерял заимствований, в отличие от языка хауса, утратившего почти треть арабизмов. Такую ситуацию можно объяснить как длительностью контактов языков-реципиентов с арабским языком и исламской культурой, так и степенью пуристических тенденций, свойственных обоим языкам, но более явно проявляющихся в современном хауса.

Примечания

¹ Транскрипция арабских заимствований приводится так, как она обозначена в словаре С. Балди. Слова хауса также даны в написании С. Балди.

² В круглых скобках приводится сокращенное название языка: (*sw*) – суахили, (*hs*) – хауса.

³ Приведем в качестве примера несколько глаголов суахили: *-soma* ‘читать, учиться’, *-andika* ‘писать’, *-simata* ‘стоять’, *-chora* ‘рисовать’, *-kaa* ‘находиться, жить’ и др.

Список литературы

Большая российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33. 799 с.

Мисюгин В. М. Происхождение городов восточноафриканского побережья // *Вестник Ленинградского университета*. Серия истории, языка и литературы, 1958. № 20, вып. 4. С. 142–152.

Овчинников В. Е. Суахили – мировой язык XXI века // *К 190-летию Службы языковой подготовки МИД России. К 85-летию Высших курсов иностранных языков: метод. бюллетень*. М.: Ключ-С, 2013. С. 187–193.

Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV–XIX вв. // *Очерки по истории и истории культуры: труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*. М.; Л.: АН СССР. Т. LIII, 1960. 267 с.

Abraham R. C. *Dictionary of the Hausa Language*. L.: University of London Press Ltd, 1946.

Awde N. *Hausa-English / English-Hausa Dictionary*. N. Y.: Hippocrene Books, 1996. 454 p.

Baldi S. A first ethnolinguistic comparison of Arabic loanwords common to Hausa and Swahili. *Supplemento n. 57 agli ANNALI*. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1988. Vol. 48. 82 p.

Greenberg J. H. Arabic Loanwords in Hausa // *Word*. 1947. № 3(1–2). P. 85–97.

Herms I. *Wörterbuch Hausa-Deutsch*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987. 184 p.

Jagar Ph. J. *Hausa*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 754 p.

Johnson F. A. *Standard Swahili-English Dictionary*. London-Oxford, 1939. 548 p.

Kamusi kuu ya Kiswahili. Nairobi; Kampala; Dar es Salaam: Longhorn Publishers, 2015. 1264 p.

Kamusi ya karne ya 21. Nairobi; Kampala; Dar es Salaam: Longhorn Publishers, 2014. 621 p.

References

Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2017, vol. 33. 799 p. (In Russ.)

Misyugin V. M. Proiskhozhdenie gorodov vostochnoafrikanskogo poberezh'ya [The origins of the cities of the East African coast]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury* [Bulletin of the Leningrad State University. Series: History, language and literature], 1958, vol. 2, issue 4, pp. 142–152. (In Russ.)

Ovchinnikov V. E. Suakhili – mirovoy yazyk 21 veka [Swahili as the world language of the 21st century]. *K 190-letiyu Sluzhby yazykovoy podgotovki MID Rossii. K 85-letiyu Vysshikh kursov inostrannykh yazykov. Metodicheskiy byulleten'* [On the occasion of the 190th anniversary of the Language Training Service of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. On the occasion of the 85th anniversary of Higher Language Training Courses. Methodological Bulletin]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2013, pp. 187–193. (In Russ.)

Olderogge D. A. Zapadnyy Sudan v 15–19 vv. [Western Sudan in the 15th – 19th centuries]. *Ocherki po istorii i istorii kul'tury. Trudy instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya* [Essays on history and cultural history. Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography]. Moscow, Leningrad, Academy of Science of the USSR Publ., 1960, vol. LIII. 267 p. (In Russ.)

Abraham R. C. *Dictionary of the Hausa Language*. London, University of London Press, 1946. 992 p. (In Eng.)

Awde N. *Hausa-English / English-Hausa Dictionary*. New York, Hippocrene Books, 1996. 454 p. (In Eng.)

Baldi S. A first ethnolinguistic comparison of Arabic loanwords common to Hausa and Swahili. *Supplemento n. 57 agli ANNALI*. Naples, University of Naples 'L'Orientale' Press, 1988, vol. 48. 82 p. (In Eng.)

Greenberg J. H. Arabic Loanwords in Hausa. *Word*, 1947, vol. 3, issue 1–2, pp. 85–97. (In Eng.)

Herms I. *Wörterbuch Hausa-Deutsch*. Leipzig, VEB Verlag Enzyklopädie, 1987. 184 p. (In Ger.)

Jagar Ph. J. *Hausa*. Amsterdam / Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2001. 754 p. (In Eng.)

Johnson F. A. *Standard Swahili-English Dictionary*. London-Oxford, 1939. 548 p. (In Eng.)

Kamusi kuu ya Kiswahili. Nairobi, Kampala, Dar es Salaam, Longhorn Publishers, 2015. 1264 p. (In Swah.)

Kamusi ya karne ya 21. Nairobi, Kampala, Dar es Salaam, Longhorn Publishers, 2014. 621 p. (In Swah.)

THE EVOLUTION OF ARABIC LOANWORDS IN THE LANGUAGES OF EAST AND WEST AFRICA

Nelli V. Gromova

Professor, Head of the Department of African Studies

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

11, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russian Federation. gromova@iaas.msu.ru

SPIN-code: 7766-2756

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2397-2948>

ResearcherID: AAJ-5848-2021

Yulia G. Suetina

Associate Professor in the Department of African Studies

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

11, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russian Federation. kaduna2007@mail.ru

SPIN-code: 4693-2499

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3564-5960>

ResearcherID: AAJ-7732-2021

Aida R. Fattakhova

Associate Professor in the Department of Oriental, African and Islamic Studies

Institute of International Relations, Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. gaidaf@mail.ru

SPIN-code: 5353-3960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1891-265X>

ResearcherID: H-6249-2013

Submitted 28.03.2021

The article deals with the evolution of words borrowed from the Arabic language in two major African languages – Swahili and Hausa, from the mid-20th century to the present day. We used S. Baldi's dictionary *A First Ethnolinguistic Comparison of Arabic Loanwords Common to Hausa and Swahili* as a basis for comparative analysis. The analysis allowed us to identify the peculiarities of the functioning of Arabic loanwords in the Swahili and Hausa languages at the contemporary stage of their development. These are code-switching at the phonological level, lexical and semantic variations of linguistic borrowings introduction (semantic broadening or narrowing, acquisition of a new meaning different from the original one), grammar transformation (change of the part of speech, derivational activity).

When adapting Arabic loanwords, the Swahili and Hausa languages adhere to certain strategies, which are generally common to both languages. The paper is mainly focused on the study of the lexical and semantic relations between the prototype and the correlative borrowing in the modern Swahili and Hausa languages, the identification of changes in the original semantic structure of a word in the recipient language or its conservation with the motivational feature being preserved.

There are distinguished thematic groups of Arabic loanwords, with words related to religion and trade constituting the largest groups in number. Many Arabic loanwords have disappeared from active use in the past 70 years, especially in the Hausa language that has a lesser period of contacts with the Arabic language.

Key words: Arabic loanwords; Swahili and Hausa modern languages; phonetic transformations; lexical and semantic variations; grammatical attribution.

УДК 81–2
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-19-29

НАЗВАНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ И РУДНИКОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА¹

Евгения Владимировна Запольских
магистрант кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zapolskih.ev@mail.ru
SPIN-код: 7189-1816
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1926-559X>

Иван Алексеевич Подюков
д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru
SPIN-код: 8516-2258
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1844-5038>
ResearcherID: T-5603-2019

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Запольских Е. В., Подюков И. А. Названия месторождений и рудников Пермского края: история, региональная специфика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 19–29. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-19-29

Please cite this article in English as:

Zapolskih E. V., Podyukov I. A. Nazvaniya mestorozhdeniy i rudnikov Permskogo kraja: istoriya, regional'naya spetsifika [The Names of Deposits and Mines in Perm Krai: History, Regional Specifics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 19–29. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-19-29 (In Russ.)

В статье рассматривается пермская промышленная топонимия – исторические и современные названия месторождений и рудников природных ископаемых (уголь, железо, медь, нефть). Данная группа топонимов антропогенного ландшафта описывается тематически, исследуется с точки зрения ее происхождения, характеризуется как носитель историко-культурной информации об экономическом освоении края. Названия в описании распределены по объекту номинации – более старые названия месторождений угля, меди и железа и сравнительно недавно появившиеся названия месторождений газа и нефти. Внутри этих групп рассматриваются исторические и поздние наименования, распределяемые по географии распространения, раскрывается их происхождение, связанное с развитием горнорудной промышленности Прикамья. Устанавливается, что в образовании названий месторождений доминирует метонимия, с помощью которой указывается на соответствие между объектами пространства посредством ассоциаций по смежности. Описаны группы топонимов, выполняющих выделительную, адресную и мемориальную (направленную на увековечение значимых событий, имен первооткрывателей и выдающихся людей) функции. Отмечается, что для промышленной топонимии наиболее значима собственно номинативная функция. В ряде случаев исследованные названия рассмотрены как отражение ментальных представлений о членении человеком геологического пространства. Делается вывод о том, что названия месторождений отражают основные этапы экономиче-

ского развития края и представляют определенный интерес для исследования историко-культурной и языковой специфики региона. Отмечается, что для получения по этим названиям культурной информации важно учитывать их тесную связь с гидронимами, ойконимами и антропонимическими названиями (имена, фамилии, прозвища).

Ключевые слова: промышленная топонимия; региональная специфика топонимов; названия месторождений; происхождение топонимов; функции и способы оформления топонимических номинаций.

Исследования топонимии Прикамья отличаются разнообразием тематики, учитывают историю заселения и хозяйственного освоения края, его особое геологическое строение (в регионе сочетаются различные формы рельефа: горы, возвышенности и низменности, а вся территория покрыта густой речной сетью). Субстратная финно-угорская топонимия детально описана А. С. Кривошековой-Гантман, Е. Э. Ивановой [Кривошекова-Гантман 1983; Иванова 1987]. Собственно русская топонимия края проанализирована Е. Н. Поляковой: топонимы, связанные с народной географической лексикой [Полякова 1988], и историческое развитие местной славянской топонимии [Полякова 1985а]. Происхождение современных пермских гидронимов и ойконимов популярно представлено в работе Е. Н. Шумилова [Шумилов 1991]. З. А. Мухаевой вскрыты особенности тюркской топонимии Прикамья [Мухаева 2003]. Описаны особенности топонимии отдельных районов Пермского края: Юсьвинского, Карагайского (см. [Подюков 2007: 32–45; Подюков 2015: 21–42]). Внимание современных исследователей привлекает также неофициальная городская топонимика [Боброва 2015], топонимический фольклор и топонимическое творчество [Пешина 2018; Подюков 2003]. При всей многоаспектности исследований остаются практически не изученными географические наименования природных скоплений полезных ископаемых и связанных с ними предприятий в Прикамье.

Отметим, что названия месторождений (а также приисков, рудников, шахт) описаны лишь эпизодически и для других территорий России – в отдельных работах по топонимии Кузбасса [Дударева 2019], Челябинска, Русского Севера, Уральских гор [Макарова 2020, Иванова 2020]. Наиболее полно и системно исследована «интерьерная» (подземная) область топонимии Донбасса: выделены стратонимы (наименования угольных пластов) автономные и связанные с наземной топонимией [Отин 1976].

Как показали исследования Е. Э. Ивановой [Иванова 2020], уникальная топонимическая система названий карьеров, копей, жил, приисков выявляется в так называемой «Самоцветной полосе Урала», в которой отразилась не только история этих месторождений, но и особый мента-

литет горщиков, свойственная старателям мифологизация природных явлений и вера в «фарт» (везение). Топонимикон территории является одним из источников сведений о хозяйственной деятельности человека и опыте освоения им окружающей среды, свидетельством народного речевого творчества. Так, приток Койвы р. *Золотуха* указывает на наличие золотых россыпей; название дер. *Шурпы* на р. Хохловка (Перм. р-н) связано с народным названием поискового колодца *шурф* из нем. *Schurf* – «колодец, яма» (в с. Хохловка с 1757 г. был медеплавильный завод); название скал на Вишере *Железнорудные* указывает на место, где добытую железную руду перегружали в суда для транспортировки; гидроним *Росол* (озеро в Березов. р-не) хранит память о месте, где когда-то добывали соль [Шумилов 1991: 154]. Специалисты отмечают необходимость ориентироваться на старые народные названия при разведке новых месторождений [Гаркуша 2000: 184].

В Пермском крае разведано почти 1400 месторождений различных видов полезных ископаемых. В настоящей статье рассматривается лишь часть топонимического материала, названий месторождений таких природных ископаемых, как уголь, железо, медь, нефть. Данная группа промышленных топонимов, именуемых созданные природой и осваиваемые человеком географические объекты, имеет свою специфику. Эти названия близки к оронимам, поскольку обращены к естественным, природным объектам. С другой стороны, они имеют признаки искусственных объектов, артефактов. Как термины антропогенного ландшафта, эти названия в значительной степени мотивированы не указанием на внешние признаки топообъекта (почвы, минералы, размер), а на его близость к более крупным ориентирам (река, село, город, гора). Известно, что в оронимии распространен метафорический способ образования, который позволяет выразить осмысление окружающего мира в наглядных образах, так или иначе интерпретировать его. В названиях месторождений и приисков доминирует другой принцип – метонимия, указывающая на соответствия между объектами посредством ассоциации по смежности и усиливающая адресную функцию топонима. Выделяют несколько разновидностей топонимической метонимии:

сопоставление промышленного топообъекта с другим топообъектом, топообъекта с человеком, топообъекта с событием, объекта с абстрактным понятием и пр. [Кондакова 2004].

Названия геологических объектов разнообразны по структуре и могут представлять единственный топоним или словосочетание. Составные наименования содержат идентифицирующую часть, оформленную аппеллятивом, географическим термином (*рудник, копь, шахта* и пр.), и квалифицирующую часть, например, *Куртымский рудник* – железный рудник графа П. П. Шувалова недалеко от Кусье-Александровского завода, названный так из-за близости к пос. *Куртым* (в свою очередь, поселок получил название реки; считается, что гидроним *Куртым* содержит элемент *-ым* из унаследованного от угров общепермского слова, когда-то использовавшегося для обозначения устьев рек). Название *Берзинское колчеданное проявление* носит месторождение серно-колчеданных руд на левом берегу р. Кутим (притоке р. Улс, Красновиш. р-н). В нем запечатлено имя соратника Дзержинского Э. П. *Берзина*, который в 1926–1931 гг. руководил строительным трестом «Вишхимз», возводившим на Урале силами заключенных секретный завод по производству боевых отравляющих веществ для РККА и бумажную фабрику. Имеющее историко-мемориальный смысл название связано с *Берзинской разведкой*, которую проводил Вишерский бумкомбинат в поисках сырья для бумажного производства (ср. также название *штольни Берзинская* в окрестностях пос. Кутим). Среди названий, оформленных одним словом, встречаются субстантивированные прилагательные: *Луньевская* – название копи в окрестностях Александровска, *Опалихинское* – название нефтяного месторождения в Частинском районе. Названия месторождений могут быть оформлены как существительные, совпадать с названием населенного пункта, рядом с которым находятся (*Опалиха* – нефтяное месторождение в Частин. р-не, по названию дер. *Опалиха*, которое, скорее всего, связано с *Опаля*, некалендарным древнерусским именем или прозвищем первопоселенца либо владельца угодий, поскольку имена на *-их(а)* редко восходят к нарицательным, а обычно связаны с личными именами [Житников 1975: 87]).

Особенность производственных топонимов состоит в том, что в них фиксируется прежде всего информация о местоположении, обычно отсылкой к названию смежного географического объекта. В названии может также содержаться указание на вид полезного ископаемого (*угольный бассейн, золотой прииск, нефтяное месторождение*), на способ освоения (*копь, рудник*). В мотивировке названия может быть отражена

информация о владельце предприятия (*Семеновская шахта* при закладке в 1904 г. получила название по имени владельца – князя *Семена Семеновича Абаменек-Лазарева*), о том, кто открыл месторождение (богатый красным железняком *Зыковский рудник* в окрестностях Пашийского завода в Горнозаводском районе был открыт заводским жителем *Иваном Зыковым*). Функционируя не только как официальные названия объектов промышленного ландшафта и связанных с ним предприятий, подобные топонимы в устной профессиональной речи могут варьироваться, использоваться для выражения корпоративной близости говорящих по функциям деятельности и по человеческим отношениям внутри организации. Так, в живой речи нефтяники называют *Травнинское нефтяное месторождение* (Очерский район) *Трава*, *Чашкинское месторождение* (Усол. р-н) – *Чашка*, *Уньвинское – Уньва*, *Сибирское – Сибирь*, *Дозорцевское нефтяное месторождение* (Октяб. р-н) – *Дозор*. Нередко в этих случаях вариантная форма наделена экспрессивностью, отражает стремление к речевой экономии, представляет речевую игру: *Ольховское* (Добрян. р-н) – *Ольха*, *Ольховка*, *Русакское* (Ильин. р-н) – *Русаки*, *Казаковское* (Октяб. р-н) – *Казаки*.

Названия месторождений угля

Разработка первого на Западном Урале месторождения угля началась немногим более двух столетий назад. Открытие в 1790 г. *Запрудного прииска* при постройке плотины Кизеловского завода и разработка на нем *Запрудной штольни* в 1797 г. положили начало существованию *Кизеловского угольного бассейна* (далее – *КУБ*), который со временем вытянулся длинным «поясом» с севера на юг от г. Александровска до г. Лысьвы. Название первый каменноугольный прииск получил по месторасположению на берегу Кизеловского *пруда*. В 1807 г. близ Александровского завода было открыто первое в Александровской даче месторождение – *Владимирское* (на вершине горы *Владимирская*, по которой оно и было названо), а в 1814 г. второе – *Ивановское* (на горе *Ивановской*). Оба они принадлежали предпринимателю В. А. Всевожскому, который в 1825 г. заложил здесь сразу несколько шахт, что стало началом существования *Луньевских копей*, которые получили свое название по месторасположению у слияния рек Сев. и Вост. *Луньва* (*Луньва*, ранее *Лунья* – «полуденная», т. е. «текущая с юга река», от коми *лун* – «день, юг, южный» [Кривошекова-Гантман 1983: 118]). В 1853 г. на этих же реках были открыты *Белоноговское* месторождение (вероятно, по антропониму из фамилии от некалендарного имени *Белоног* [Тупиков

1903: 77]) и *Никитинское*, разработанное впоследствии в *Никито-Луньевскую копи*. Последняя получила название в честь своего тогдашнего владельца – *Никиты* Всеволодовича Всеволожского (или же в честь его сына *Никиты* Никитича). Такая традиция именования и ранее была присуща Всеволожским: *Александровский* и *Никитинский* заводы были названы В. А. Всеволожским в честь его сыновей *Александра* и *Никиты*. Демидовы, выкупившие Луньевские копи у Всеволожских в 1884 г., также оставили свои имена в названиях новых шахт. Шахты *Елим* и *Павел* были названы по именам своих совладельцев *Елима* (иначе *Элима* – редкое русское календарное имя) Павловича Демидова и *Павла* Павловича Демидова. Именованием шахты *Акинфий* с помощью непереоформленного («абсолютного») антропонима была отдана дань уважения знаменитому предку династии – *Акинфию* Никитичу Демидову, основателю уральской горнозаводской промышленности. Антропонимы лежат и в основе названий луньевских шахт *Жонес № 1*, *Жонес № 2* и *Григорий*. Первые две получили свое имя в честь главного уполномоченного по демидовским имениям А. О. *Жонеса*-Спонвиля. Третья, возможно, была названа по имени *Григория Грасгофа*, управляющего Уральского Горнозаводского Товарищества, в арендном управлении которого состояли горнозаводские владения Всеволожских в 1873–1884 гг. (в честь него же был назван один из луньевских пластов каменного угля – *Грасгофский*). К ряду непереоформленных антропонимов можно отнести и название по агниому открытой в 1879 г. шахты *Варвара*. Тяжелая и опасная работа шахтера сказалась на создании культа святой покровительницы *Варвары Илипольской* (согласно житию, она укрывалась от гонителей в расселине каменной горы, а после смерти была сброшена в шахту; эту святую просят охранять от внезапной кончины, т. е. смерти без покаяния).

Южнее находились *Кизеловские копи*, названные по своему месторасположению рядом с *Кизеловским* заводом. Эти копи в свое время занимали первое место по производительности среди каменноугольных предприятий западного склона Урала. Вероятно, поэтому одна из *Кизеловских копей*, заложенная еще в 1881 г. князем С. Д. Абамелек-Лазаревым, непосредственно управлявшим всеми родовыми землями и предприятиями, сначала получила название в честь него самого – *Княжеская* или *Князь Абамелек*, а в советское время почетное имя – *шахта им. Ленина*. Характерные для советской эпохи переименования в честь государственных деятелей коснулись ряда кизеловских месторождений и шахт. Близлежащая копь через р. Кизел изна-

чально была названа *Княгининской* – в честь жены С. Д. Абамелек-Лазарева княгини Елизаветы Христофоровны, а в советское время была переименована в *шахту им. Фрунзе*. Другое богатое углем кизеловское месторождение – *Коришунская копь* или в просторечии *Коришун* (позднее *Старокоришунская* – вероятно, из фамилии от некалендарного имени *Коришун* [Тупиков 1903: 200]), разработанная еще в 1856 г., была переименована в *шахту им. Володарского*. Так было увековечено имя деятеля российского революционного движения, который был убит эсерами и воспринимался как мученик за революцию (его имя дано также многим российским мостам, станциям, проспектам, поселкам, рудникам). Далее на юг каменноугольный «пояс» КУБ тянулся по Уральскому хребту к *Губахинскому* месторождению, а на *полпути* к нему находилась *Половинкинская копь*, названная по расположению близ ж/д станции *Половинка* – от названия дер. *Половинка* (находящейся на *полпути* между г. Оханском и другой деревней [Шумилов 1991: 90]).

Губахинское месторождение было разделено Крестовой горой на *Верхне-Губахинское* и *Нижне-Губахинское*. По *Крестовой* горе была названа Верхне-Губахинская *Крестовая копь* на левом берегу Косьвы, переименованная в советское время в *шахту им. 1 Мая*. Само же *Губахинское* месторождение было названо по расположению близ *Губахинской* пристани на р. Косьве при устье р. *Губахи*, или, иначе, *Губаики* (возможно, от некалендарного имени *Губаха/Губаика* – «с толстыми губами, брыластый» [Кривошекова-Гантман 1983: 84]). Губахинские копи также были переименованы. *Верхне-Губахинская копь*, разработанная в 1882 г. горным инженером Д. И. *Захаровским* и названная в его честь *копью Захаровского*, в советское время стала *шахтой им. Калинина*. Севернее ее находилась *копь Курмаковская*, также названная по имени разработавшего ее в 1898 г. горного инженера *Курмакова*; позже была переименована в *шахту им. Куйбышева*. *Нижне-Губахинское* месторождение на правом берегу Косьвы было арендовано крупным заводчиком И. И. *Любимовым*, который и заложил на нем в 1890 г. угольную копь (изначально известна как *Любимовская*, в советское время стала *шахтой им. Крупской*).

Следующее из звеньев «пояса» КУБ – это *Усьвинское* месторождение, получившее свое название по р. *Усьве* (возможно, гидроним связан с субстратным хантыйским *Аус* – «нижний» с добавлением коми-форманта *ва* – «вода» [Смирнов 2001: 131]). Первым угледобычей на Усьвинских копиях занялся «ТД братьев *Бердинских*», который и заложил в 1896 г. на левом берегу Усьвы *Бердинскую копь*. Впоследствии она по-

лучила советское название *им. Чкалова*. Имя прославленного авиатора *Чкалова* воспринималось как обязывающее к трудовым подвигам (его носят улицы рабочих городов, заводы, шахты, прииски). К югу от копи располагались *Французские копи*, как их называли в народе, поскольку среди их владельцев была целая группа французских финансистов. Официальным же названием этой копи было *Баская копь* – по месторасположению близ ж/д станции *Баская* (из рус. диал. *баской* – «красивый», ср. название дер. *Баские* в Перм. р-не и р. *Баской*, приток Бисерти [Матвеев 2008: 33]). В советское же время неподалеку было разработано новое месторождение – *Гремячинское* (у р. Большая *Гремячая* – от рус. диал. *гремячий* – «гремящий» [Матвеев 2008: 74]). Однотипно с ним название месторождения Гремячинского района *Шумихинское* (по р. *Шумихе*, т. е. «текущей с шумом» [Шумилов 1991: 121]). Самым южным месторождением *КУБа* является *Обманковское* недалеко от г. Лысьвы, получившее свое наименование по р. *Обманка*, которая обманывает тем, что исчезает в скале и 15 километров течет под землей [Шумилов 1991: 80].

Названия месторождений железа и меди

Во времена становления уральской горнозаводской цивилизации государство и частные землевладельцы при поиске руд прибегали к помощи местных рудознатцев, которые могли им показать древние месторождения – так называемые «чудские копи» (т. е. копи древнего финно-угорского народа *чуди*). Крупные залежи меди на *Яйвинских*, или, иначе, *Романовских рудниках* были открыты еще в начале XVII в. близ с. Романово на р. Яйве, скалистый берег которой истари называли *Чудской горой*. Эти рудники были названы по реке *Яйве* (из коми-перм. *яй* – «мясо» и *ва* – «вода», то есть «изобильная рыбой и зверем река» [Матвеев 2008: 334]) и селу *Романово* (по фамилии из календарного имени *Роман*). Также на Яйве были открыты и другие рудники: *Кужгортский* на *Кужгортской* горе рядом с дер. *Кужгорт* (из коми-перм. *горт* – «дом, участок земли», принадлежащий лицу, названному в первой части топонима [Кривошекова-Гантман 1973: 33]) и *Жуклинский* на *Жуклиной* горе рядом с дер. *Жукина* (по фамилии из некалендарного имени *Жукола* – от названия *жуколицы* – «жучка-жужелицы» [Веселовский 1974: 116], ср. другие некалендарные имена *Жук*, *Жужелица*, *Жужолка* и пр. [Тупиков 1903: 154]). Эти месторождения меди можно назвать самыми старыми по промышленной разработке на территории России наряду с открытым еще при царе Михаиле Федоровиче *Григоровским рудником*, который находился на *Григоровой* горе на

р. Каме при дер. *Григорово*. Наименование богатого медью *Юговского рудника*, расположенного на р. *Юг*, правом притоке Бабки, содержит древнейший общепермский формант *юг* со значением «река». Он встречается и в других гидронимах, широко распространенных как в Пермском крае, так и за его пределами, что указывает на обширный ареал расселения прапермян в древности [Кривошекова-Гантман 1983: 163].

Известно, что власти нередко обращались к помощи рудознатцев среди татар, густо населявших более южные территории Пермского края. Поэтому и названия рудников, открытых ими, содержат тюркские элементы. *Мулинский рудник*, медь с которого выплавлялась на Егосинском заводе, давшем начало г. Перми, располагался близ татарской дер. Каяново на р. *Мулянке*, по которой он и был назван (название реки связано с наименованием дер. *Верхние Муллы*, где в свое время проживал сын татарского князя Маметкула, которого называли *муллой* – от перс. *мулла*, слова, известного как мусульманский религиозный титул [Мухаева 2003: 11]). *Бабкинский* и *Забабкинский рудники* в Кунгурском районе располагались по берегам р. *Бабки*. Основа названия реки – татарское *баба* («дед»), которое со временем было русифицировано посредством суффикса *-ка* [Матвеев 2008: 25]. Известен и *Татарский рудник* в верховьях р. Малый Юмьш на Бымовской даче.

Многочисленны медные рудники, названия которых восходят к ойконимам от фамилий из русских личных имен, как календарных христианских, так и некалендарных. К первым относятся рудники Пыскорского завода: *Ереминский* близ дер. *Еремина* и *Семанинский* под дер. *Семанина* (образованы от фамилий *Еремин*, *Семанин*, из имен *Ерема* и *Семаня*, производных от *Еремей*, *Семен*). К ним же можно добавить и рудник Юго-Осокинского завода – *Пыгасовский*, название которого не имеет прямого отношения к мифологическому *Пегасу*, а связано с именем *Пыгас/Пигас*, производным от редкого календарного имени *Пигасий*, что в переводе и есть «пегас» [Петровский 2000: 226]. Ко вторым можно отнести *Сметанинский рудник* на *Сметанинской* горе на р. Яйве под дер. *Сметанина* (по фамилии из имени *Сметана* [Веселовский 1974: 292]), *Тетеринский рудник* Пыскорского завода при дер. *Тетерина* (по фамилии из имени *Тетеря* – от *тетерев*, ср. др. некалендарные имена *Тетерев*, *Тетерка* и пр. [Веселовский 1974: 316]), *Усовский рудник* Пыскорского завода близ дер. *Усовой* (по фамилии из имени *Ус* – «усатый, усач» [Тупиков 1903: 410]) и пр. Любопытен своим названием *Балахонский рудник* Пыскорского завода, этимология которого на-

прямую связана с историей заселения края. Он был открыт в 1728 г. при дер. *Балохонцова*, получившей название по фамилии *Балохонцов* от катойконима *балахонец* – выходец из *Балахны*, центра солеварения Нижегородского края [Шуმიлов 1991: 121].

Медные рудники рано или поздно истощались, и заводы либо закрывались, либо переходили на железоделательное и чугуноплавильное производство. Сердце выплавки пермских черных металлов находилось в Горнозаводском районе с его главной транспортной артерией – рекой Чусовой. По рекам же и было названо большинство железных рудников этого района. Богатый железом *Койвенский рудник* дачи Кусье-Александровского завода находился на северо-западе от устья типичной горной реки *Койвы*, притока Чусовой, стремительность течения которой подчеркивает ее название «вода с брызгами» (из коми-перм. *кой* – «брызги» и *ва* – «вода» [Матвеев 2008: 131]). *Таранчинский*, или *Таранчихинский, рудник*, самый древний в даче Пашийского завода (с 1765 г.), находился на р. *Таранчихе*, название которой перекликается с названием *Койвы*: от рус. диал. *тарантить* – «говорить бойко, резко, скоро, торопливо; тараторить». Недалеко от него был *Комаровский рудник* красного железняка на р. *Комаровке* (возможно, по антропониму из фамилии от некалендарного имени *Комар* [Веселовский 1974: 152]).

Владельцы железных рудников, как и угольных месторождений, также называли их в свою честь. *Всеволодовский рудник* бурого железняка на левом берегу Чаньвы был назван в честь *Всеволода* Андреевича Всевожского (так же, как Всеволодо-Вильвенский завод, который он основал [Матвеев 2008: 67]). *Христофоровский рудник* Кизеловской дачи был назван в честь своего владельца *Христофора* Екимовича Лазарева. По имени *Сергия*, сына первых владельцев Пашийского завода А. А. и М. М. Голицыных, был назван *Сергиевский рудник* красного железняка. *Графский рудник* Кусье-Александровского завода, открытый в 1876 г., был назван в честь своего владельца – графа П. П. Шувалова, а *рудники Андреевский* и *Петровский* Бисерской дачи – в честь его сыновей *Андрея* и *Петра* Шуваловых.

Названия нефтяных (нефтегазовых) месторождений

Нефтяной промысел – самый молодой вид добычи природного полезного ископаемого. Значительная часть названий нефтяных (также нефтегазовых) месторождений мотивируется названием реки или селения, к которым оно примыкает. Нередко в названии месторождения опосредованно отражаются особенности при-

родного мира, истории заселения места, его физические характеристики. Название *Травнинское* (в Очерском районе) образовано от названия р. *Травная* (приток р. Очер; указание на траву в русской топонимии достаточно часто характеризует водный объект с сильно заросшими травой берегами, ср. р. *Травяная* в Мурманской области, оз. *Травное* в Касимовском районе Рязанской области). Кроме закрепленной формы среднего рода, средством оформления топонима выступает суффикс *-ск-*, отмеченный «географическим» смыслом. Название *Казаковское* соотносит месторождение с дер. *Казаки* (ее название указывает на существование на юге Пермского края казацких поселений). Название *Ескинского* месторождения связано с соликамской дер. *Ёскина*, в свою очередь названной по народной уменьшительной форме имени *Иосиф*. Месторождение *Русаковское* (*Русаки*) также названо по дер. *Русаки*, в основании названия которой нецерковное имя *Русак* (так называли человека с русыми волосами). *Павловское* месторождение (Чернуш. р-н) названо по смежной дер. *Павловка*, возникшей в конце XIX в. на землях, уступленных помещиком *Павлом* Дмитриевичем Фоком. *Дороховское* месторождение (Октяб. р-н) находится рядом с дер. *Дорохова*, которая названа по фамилии первого жителя, образованной от личного имени *Дорох*, или *Дорофей*.

Название месторождения *Сибирское* (*Сибирь*) (Усол. р-н) указывает не на регион России, простирающийся от Уральских гор до побережья Тихого океана, а на дер. *Сибирь* в составе г. Березники. Сибирские названия типичны для несибирских территорий России: починок *Сибирский* в Кировской области, дер. *Сибирь* в Пермском районе Пермского края на р. Хохловке, опустевшая деревня в Добрянском районе Пермского края на р. Малый Висим. Слово в прошлом достаточно активно использовалось как нарицательное при оценке отдаленных глухих мест (деревни с этим названием известны также в Республике Коми, на Алтае для характеристики удаленного, закрытого места, см.: [Карабулатова 2013]). *Сретенское* месторождение (встречается также написание *Стретенское* со вставным звуком), находящееся на границе Ординского и Уинского районов, скорее всего, названо по календарю (в честь одного из крайне значимых религиозных праздников *Сретение Господне*). Месторождение *Слудское* (локация Ильин. р-н, рядом с с. Слудка) названо словом, в древнерусском языке означавшим «утёс, гору» и родственным с *слода* – «горная порода с блеском» [Полякова 2013: 75].

Ольховское месторождение (как и *Пихтовое*, оба Добрян. р-н) соотносится названием с типичной растительностью. Кроме того, *Ольхов-*

ское месторождение названо из-за близости с р. *Ольховкой* (название месторождения горного хрусталя, цитрина и кварца в Красновиш. р-не *Ольховочное* также мотивировано гидронимом *Ольховка*, названием притока р. Б. Мойва, имея несколько отличную словообразовательную структуру). *Дубовогорское* месторождение расположено на территории Куединского и Чернушинского районов и получило название от дер. *Дубовая Гора* (приехавшие сюда переселенцы начали строиться внизу большой *горы*, поросшей *дубом*). *Каменское* месторождение (Октяб. р-н) находится недалеко от р. *Каменка* и д. *Усть-Каменка* (топоним отмечает характерную особенность дна реки – ее каменистое ложе).

В основах оттопонимических названий нефтяных месторождений обнаруживаются финно-угорские корни. Название *Уньвинское* (в профессиональной речи *Уньва*) недалеко от г. Березники образовано от *Уньва* (из коми «многоводная река»); название нефтегазового месторождения *Ожгинское* в окрестностях Кунгура содержит компонент *-га*, который считается гидроформантом, характерным для финно-угорских территорий. Финно-угорское происхождение имеет слово *кокуй* в названии месторождения *Кокуйское (Кокуй)* в Кунгурском и Ординском районах (ср. фин. *kokko* – «конусообразная куча» [Фасмер 2004, т. 2: 284]). Названия *Чашкинское* месторождение (Усол. р-н) рядом с *Чашкинскими озерами* и известной с XVII в. дер. *Чашкина*, по мнению Е. Н. Поляковой, связаны с древнепермским словом с корнем *чаи*, которое означает «отъединение, отщепление»: оз. *Чашкина* появилось на месте старого русла Камы [Полякова 1985б]. Коми-пермяцкое слово, скорее всего, лежит в основе названия дер. *Чураки*, притока Ирени р. *Чураковка* и месторождения *Чураковское* в Ординском и Уинском районах (от *чурк* – «бугор, возвышенность»). *Калмиарское* месторождение (Куедин. р-н) содержит в названии указание на выходцев из д. Старые *Калмиары* Уфимской губернии (Башкирии) – в перенесенном в Прикамье названии удмуртском *калым* – «залив/омут в реке» и *яй* – «изобилующее чем-либо» [Шагеев 2001:11].

Тюркские элементы очевидны в названиях месторождения *Таныпское (Танып)*. По башкирскому роду *Танып* (от связанного с этнонимом обозначения «пира, застолья» – *танып*, см. [Сальманов 2015: 97–99]) названа река, правый приток р. Белая, а также с. *Танып* в Бардымском районе. *Антугайское* месторождение (Куедин. р-н) получает название от д. *Антугай*, названной по диалектной форме имени *Габтукай* («раб божий, родившийся на лесной поляне»). От тюрк-

ских личных имен образовано название деревни *Батырбай* Бардымского района (из тюрк. *Батыр* – «смелый», «герой» и *Бай* – «богатый», «уважаемый»), а от него и название *Батырбайского* месторождения.

Названия ближайших к месторождению населенных пунктов мотивируют наименование *Капканское (Капкан)* Чернушинского района. На территории месторождения располагается дер. *Капкан*, а неподалеку *Капкан-гора* – охраняемый ландшафтный памятник. Лёгшее в основу названия заимствование из тюркских языков (где *капкан* – «западня, ловушка») обозначает территорию как охотничье место. *Юрманское* месторождение (Кунгур. р-н) названо по р. *Юрман* (приток Сылвы), то есть гидронима, связанного с тат. *урман/юрман* – «хвойный лес» [Фасмер 2004, т. 4: 168], слова, заимствованного русскими говорами. *Альняшское* месторождение (Куедин. р-н) соотносится с рекой и деревней *Альняш* (в переводе с тюркских языков «лебединая яма»). Деревня находится в низине с обширными лугами и болотами, где было гнездовье белых лебедей.

Распространены в Прикамье названия в честь известных геологов: *Шистеровское* – в честь Ю. Шистерова, первооткрывателя нефти в Чернушинском нефтяном районе, *Дозорцевское* (в профессиональной обиходной речи *Дозор*, Октяб. р-н) – в честь доцента кафедры геологии нефти и газа ПГТУ Р. *Дозорцева*, *Шершеневское (Шершеневка, Усол. р-н)* – в честь бывшего главного геолога треста «Пермнефтегеофизика» К. С. Шершнева, внесшего большой вклад в поиск нефти и газа на территории Пермской области, *Юрчукское* – в честь трагически погибшего главного геолога треста «Пермнефтеразведка» И. *Юрчука*, месторождение *им. Архангельского* (Усол. р-н; Ю. *Архангельский* – главный геолог Березниковского управления разведочного бурения), *Дулеповское* (Октяб. р-н) – в честь заслуженного геолога РСФСР Ю. Дулепова, *Софроницкое* – в честь профессора ПГУ П. *Софроницкого*, *Гавринское* (Куедин. р-н) – в честь известного пермского геолога Ю. *Гаврина*, *Шуруборское* (Октяб. р-н) – в честь геологов, братьев Юрия и Аркадия *Шурубора*, *Жилинское* (Солик. р-н) – в честь главного геолога Березниковского управления разведочного бурения трагически погибшего В. *Жилина*.

Заключение

Пермские названия месторождений иллюстрируют ряд закономерностей топонимизации. Наиболее продуктивный механизм создания производственных топонимов данного класса – перенос географического названия с одного объекта на другие, то есть переход онима одного

разряда в другой (трансонимизация). Являясь по большей части номенклатурным знаком для указания на конкретный объект антропогенного ландшафта, названия месторождений и рудников, отражающие основные этапы экономического развития края, представляют определенный интерес для исследования историко-культурной и языковой специфики региона. Культурная коннотированность названий месторождений проявляется во взаимосвязи двух, а иногда и более уровней топонимической системы: они связаны с обозначением населенных пунктов, которые часто предопределяются наименованиями рек; в их основе также может лежать название населенного пункта, восходящее к антропониму. Для получения по этим названиям культурно-исторической информации важно учитывать их тесную связь с другими группами топонимов: с гидронимами, ойконимами и с антропонимическими названиями (имена, фамилии, прозвища). Отражая восприятие человеком окружающего географического пространства, эти названия присваивают производственным объектам свойства обжитой, освоенной среды, как природно-географической, так и социальной.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-412-590002 «Промышленные горнозаводские субкультуры Прикамья в языковом отражении».

Список географических помет (районы Пермского края)

Березов. – Березовский

Добрян. – Добрянский

Ильин. – Ильинский

Красновиш. – Красновишерский

Куедин. – Куединский

Кунгур. – Кунгурский

Октяб. – Октябрьский

Перм. – Пермский

Солик. – Соликамский

Усол. – Усольский

Частин. – Частинский

Чернуш. – Чернушинский

Список литературы

Боброва М. В. Нумеративные компоненты эргонимов г. Перми: формально-грамматический аспект // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / гл. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 4. С. 44–51.

Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

Гаркуша В. И., Буслович А. Л. О топонимическом направлении в геологических исследованиях // Нетрадиционные методы поисков месторождений полезных ископаемых: сб. науч. тр. СПб., 2000. С. 184–190.

Дударева Я. А. Кузбасс и Кемеровская область как топонимические синонимы // Культура и текст. 2019. № 2. С. 178–188.

Житников В. Ф. К вопросу о происхождении некоторых топонимов на -их(а) на территории Архангельской и Вологодской областей // Вопросы ономастики. 1975. № 10. С. 82–88.

Иванова Е. Э. Происхождение некоторых гидронимов бассейна реки Чусовой // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 135–140.

Иванова Е. Э. Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 107–134.

Карабулатова И. С. и др. Лингвомифологическое пространство топонима «Сибирь» в современном языковом сознании / И. С. Карабулатова, Р. Р. Замалетдинов, Е. А. Федорова, Ф. С. Сайфулина // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 398–401.

Кондакова И. А. Образные средства, содержащие топонимы, в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2004. 225 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь: Перм. кн. изд-во, 1973. 109 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья (с кратким топонимическим словарем). Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. 174 с.

Макарова А. А. Маркеры рудных месторождений в топонимии Русского Севера и Урала // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4. С. 62–82.

Матвеев А. К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.

Мухаева З. А. Топонимия территории пермского говора татарского языка: (Юга Пермской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 21 с.

Отин Е. С. Структурно-семантические особенности названий угольных пластов Донбасса // Проблемы словообразования русского и украинского языков: сб. ст. Киев; Донецк: Вища школа, 1976. С. 72–86.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: Более 3000 единиц. 6-е изд., стер. М.: Русские словари: Астрель, 2000. 480 с.

Пешина К. С. Топонимические предания Пермского края: мотивирующие основы топонимов и группы сюжетов (по материалам XIX–XX вв.) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, вып. 5. С. 72–83.

Подюков И. А. Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 460–476.

Подюков И. А. и др. В каждой деревне что-то да разное / И. А. Подюков, С. М. Поздеева, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Соликамск: Типография купца Тарасова, 2007. 270 с.

Подюков И. А. и др. Юсьва – лебедина река: сб. тр. и мат. по традиционной обрядности Юсьвинского р-на / науч. ред. И. А. Подюков. Усолье, 2015. 450 с.

Полякова Е. Н. Особенности отражения топонимов в текстах XVII века (по материалам пермских памятников) // Топонимия Урала и Севера европейской части СССР. Свердловск, 1985а. С. 34–42.

Полякова Е. Н. Происхождение прикамских топонимов Чашкино озеро и Содом // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1985б. С. 64–70.

Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 180 с.

Полякова Е. Н. Старинные названия на карте Перми / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. 103 с.

Сальманов А. С. К проблеме происхождения этнонима «табын» // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Полиграфдизайн, 2015. С. 97–99.

Смирнов О. В. Мансийская топонимия реки Чусовая в записях Г. Ф. Миллера // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 7. С. 121–141.

Тутиковъ Н. М. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М., 2004. Т. 2. 672 с. Т. 4. 860 с.

Шагеев Р. Ш. Историко-лингвистический анализ микротопонимии Юго-Восточного Закамья Татарстана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2001. 21 с.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 271 с.

References

Bobrova M. V. Numerativnye komponenty ergonimov g. Permi: formal'no-grammaticheskiy aspekt [Numerical components of ergonyms in the city of Perm: formal-grammatical aspect]. *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovaniya* [Linguocultural space of the Perm region: Data and research]. Ed. by I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Press, 2015, issue 4, pp. 44–51. (In Russ.)

Veselovskiy S. B. *Onomastikon: drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomasticon: Old Russian Names, Nicknames, and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 382 p. (In Russ.)

Garkusha V. I. O toponimicheskom napravlenii v geologicheskikh issledovaniyakh [On toponymic direction in geological research]. *Netraditsionnye metody poiskov mestorozhdeniy poleznykh iskopayemykh: sb. nauch. tr.* [Non-traditional methods of prospecting for mineral deposits: Collection of scientific works]. Ed. by V. I. Garkusha, A. L. Buslovich. St. Petersburg, 2000, pp. 184–190. (In Russ.)

Dudareva Ya. A. Kuzbass i Kemerovskaya oblast' kak toponimicheskie sinonimy [Kuzbass and Kemerovo Oblast as toponymic synonyms]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2019, issue 2, pp. 178–188. (In Russ.)

Zhitnikov V. F. K voprosu o proiskhozhdenii nekotorykh toponimov na -ikh(a) na territorii Arkhangel'skoy i Vologodskoy oblastey [On the origin of some toponyms ending in -ikh(a) on the territory of the Arkhangelsk and Vologda regions]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1975, issue 10, pp. 82–88. (In Russ.)

Ivanova E. E. Proiskhozhdenie nekotorykh gidronimov basseyna reki Chusovoy [The origin of some hydronyms of the Chusovaya river basin]. *Formirovanie i razvitie toponimii* [Formation and development of toponymy]. Sverdlovsk, 1987, pp. 135–140. (In Russ.)

Ivanova E. E. Nazvaniya kopey Samotsvetnoy polosy Urala: nominativnye tipy i modeli [Names and naming patterns of the gemstone mines of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, issue 2. pp. 107–134. (In Russ.)

Karabulatova I. S. et al. Lingvomifologicheskoe prostranstvo toponima 'Sibir' v sovremennom yazykovom soznanii [Linguo-mythological space of the toponym 'Siberia' in contemporary Slavonic linguistic consciousness]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2013, issue 6, pp. 398–401. (In Russ.)

Kondakova I. A. *Obraznye sredstva, sodержashchie toponimy, v angliyskom yazyke*. Diss. ... kand. filol. nauk [Figurative means containing toponyms

in the English language. Cand. philol. sci. diss.]. Kirov, 2004. 225 p. (In Russ.)

Krivoshchekova-Gantman A. S. *Otkuda eti nazvaniya?* [Where Did These Names Come From?]. Perm, 1973. 109 p. (In Russ.)

Krivoshchekova-Gantman A. S. *Geograficheskie nazvaniya Verkhnego Prikam'ya (S kratkim toponimicheskim slovarem)* [Geographical Names of the Upper Kama Region (with a concise toponymic dictionary)]. Perm, 1983. 174 p. (In Russ.)

Makarova A. A. Markery rudnykh mestorozhdeniy v toponimii Russkogo Severa i Urala [Markers of ore deposits in the toponymy of the Russian north and the Urals]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, issue 4, pp. 62–82. (In Russ.)

Matveev A. K. *Geograficheskie nazvaniya Urala: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg, Sokrat Publ., 2008. 352 p. (In Russ.)

Mukhaeva Z. A. *Toponimiya territorii permskogo govora tatarskogo yazyka: (Yuga Permskoy oblasti)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Toponymy of the territory of the Perm dialect of the Tatar language: (South of the Perm region). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2003. 21 p. (In Russ.)

Otin E. S. Strukturno-semanticheskie osobennosti nazvaniy ugol'nykh plastov Donbassa [Structural and semantic features of the names of Donbass coal seams]. *Problemy slovoobrazovaniya russkogo i ukrainskogo yazykov: sb. statey* [Issues of word formation in the Russian and Ukrainian languages: Collection of articles]. Kiev, Donetsk, Vishcha shkola Publ., 1976, pp. 72–86. (In Russ.)

Petrovskiy N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen: Bolee 3000 edinit* [Dictionary of Russian Personal Names: More than 3000 units]. 6th stereotyped edition Moscow, Russkie slovari Publ., Astrel Publ., 2000. 480 p. (In Russ.)

Peshina K. S. Toponimicheskie predaniya Permskogo kraja: motiviruyushchie osnovy toponimov i gruppy syuzhetov (po materialam XIX–XX vv.) [Toponymic legends of the Perm region: Motivating stems of toponyms and groups of plots (based on the materials of the 19th–20th centuries)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2018, vol. 19, issue 5, pp. 72–83. (In Russ.)

Podyukov I. A. Sovremennoe gorodskoe toponimicheskoe tvorchestvo [Modern urban creation of toponyms]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. Moscow, RSUH Press, 2003, pp. 460–476. (In Russ.)

Podyukov I. A. et al. *V kazhdoy derevne che-to da razno* [There is Something Different in Each Vil-

lage]. Solikamsk, Publishing House of merchant Tarasov, 2007, 270 p. (In Russ.)

Podyukov I. A. et al. *Yus'va – lebedinaya reka: sbornik trudov i materialov po traditsionnoy obryadnosti Yus'vinskogo rayona* [Yusva as a swan river: Collection of works on the traditional rituals of the Yusvinsky District]. Ed. by I. A. Podyukov. Usolye, 2015. 450 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. Osobennosti otrazheniya toponimov v tekstakh XVII veka (po materialam permskikh pamyatnikov) [Features of the reflection of toponyms in texts of the 17th century (based on the materials of Perm monuments)]. *Toponimiya Urala i Severa evropeyskoy chasti SSSR* [Toponymy of the Urals and the North of the European part of the USSR]. Sverdlovsk, 1985, pp. 34–42. (In Russ.)

Polyakova E. N. Proiskhozhdenie prikamskikh toponimov Chashkino ozero i Sodom [The origin of the Kama toponyms Chashkino Lake and Sodom]. *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [The living word In Russian speech of the Kama region]. Perm, 1985, pp. 64–70. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Ot 'arainy' do 'yara': Russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskoy oblasti* [From 'araina' to 'yar': Russian Folk Geographic Terminology of the Perm Region]. Perm, Perm Book Publishing House, 1988. 180 p. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Starinnye nazvaniya na karte Permi: monografiya* [Ancient Names on the Map of Perm: Monograph]. Perm, Perm State University Press, 2013. 103 p. (In Russ.)

Sal'manov A. S. K probleme proiskhozhdeniya etnonima 'tabyn' [On the origin of the ethnonym 'Tabyn']. *Etnos. Obschestvo. Tsivilizatsiya: Chetvertye Kuzeevskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ethnos. Society. Civilization: Fourth Kuzeev Readings: Proc. int. sci. conf.]. Ufa, Poligrafizayn Publ., 2015, pp. 97–99. (In Russ.)

Smirnov O. V. Mansiyskaya toponimiya reki Chusovaya v zapisyakh G. F. Millera [Mansiysk toponymy of the Chusovaya river in the records of G. F. Miller]. *Etimologicheskie issledovaniya: sb. nauch. tr.* [Etymological studies: Collection of scientific articles]. Ekaterinburg, 2001, issue 7, pp. 121–141. (In Russ.)

Tupikov N. M. *Slovar' drevne-russkikh "lichnykh" sobstvennykh "imen"* [Dictionary of Old Russian Personal Proper Names]. St. Petersburg, Publishing House of I. N. Skorokhodov, 1903. 857 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols.; 4th stereotyped edition. Moscow, 2004, vol. 2, 672 p., vol. 4. 860 p. (In Russ.)

Shageev R. Sh. *Istoriko-lingvisticheskiy analiz mikrotoponimii Yugo-Vostochnogo Zakam'ya Tatarstana: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Historical and linguistic analysis of microtoponymy of the South-Eastern Trans-Kama region of Tatarstan. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2001. 21 p. (In Russ.)

Shumilov E. N. *Timoshka Permitin iz derevni Permyaki* [Timoshka Permitin from Permyaki village]. Perm, 1991. 271 p. (In Russ.)

Shumilov E. N. *Timoshka Permitin iz derevni Permyaki* [Timoshka Permitin from Permyaki village]. Perm, 1991. 271 p. (In Russ.)

THE NAMES OF DEPOSITS AND MINES IN PERM KRAI: HISTORY, REGIONAL SPECIFICS

Evgeniya V. Zapolskih

**Master's Student in the Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. zapolskih.ev@mail.ru

SPIN-code: 7189-1816

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1926-559X>

Ivan A. Podyukov

**Professor in the Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. podjukov@yandex.ru

SPIN-code: 8516-2258

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Submitted 15.04.2021

The article deals with industrial toponymy of the Perm region – the historical and modern names of deposits and mines of natural resources (coal, iron, copper, oil). This group of toponyms of the anthropogenic landscape is described thematically, studied in terms of its origin, and characterized as a carrier of historical and cultural information about the region's economic development. In the description provided, the names are grouped according to the object of nomination – the older names of the deposits of coal, copper and iron and the relatively recent names of the gas and oil fields. Within these groups, we study historical and recent names, which are grouped according to the geography of distribution, trace their origin, associated with the development of the mining industry of the region. We have established that the dominant role in the formation of the names of the deposits belongs to metonymy, with the help of which the correspondence between the objects of space is indicated by means of association by contiguity. The paper describes the groups of toponyms that perform identificatory, localizing, and memorial functions (with the last one being aimed at commemorating significant events, discoverers and outstanding people). The function most important for industrial toponymy is the nominative functions itself. In a number of cases, the studied names are considered to be a reflection of mental ideas about the division of geological space by a person. It is concluded that the names of the deposits reflect the main stages of the region's economic development and are of certain interest for the study of the historical, cultural and linguistic specifics of the region. In order to obtain cultural information on these names, it is important to take into account their close relationship with hydronyms, oikonoms, as well as with anthroponymic names (names, surnames, nicknames).

Key words: industrial toponymy; regional specifics of toposystems; names of deposits; origin of toponyms; functions and methods of toponymic nomination formation.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39

ИЗ ЭТИМОЛОГИЙ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ НА «ТАЛ-//ТОЛ-»¹

Мария Олеговна Леонтьева

лаборант-исследователь Топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. marileonteva@yandex.ru

SPIN-код: 4303-7590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Леонтьева М. О. Из этимологий русских диалектных слов на «тал-//тол-» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 30–39. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39

Please cite this article in English as:

Leont'eva M. O. Iz etimologiy russkikh dialektnykh slov na «tal-//tol-» [From the Etymology of Russian Dialectal Words with the Root 'tal-//tol-']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 30–39. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-30-39 (In Russ.)

В статье проводится этимолого-мотивационный анализ трех диалектных лексических групп с предполагаемым корнем *тал-//тол-*. Рассматриваемые диалектизмы автор относит к гнезду *талый/таять*, при этом для каждой лексической группы предпринимается попытка восстановить собственную мотивационную логику. В первой части статьи анализируется слово *талы (толы)* 'глаза', вопрос о происхождении которого в настоящий момент следует считать не вполне решенным. Приводятся известные автору гипотезы происхождения слова, среди которых есть как исконная версия (приведение к гнезду *таять*), так и предположение о заимствовании. Развивается и дополняется исконная версия происхождения слова с опорой на его семантические и функциональные характеристики, особенности восприятия органа зрения в языке и культуре и мотивационные закономерности в диалектных обозначениях глаз. Версия о заимствованном (тюркском) происхождении слова подвергается критическому анализу через обращение к закономерностям появления тюркских заимствований в русских говорах. Вторая часть статьи посвящена лексической группе *талики/толики* 'спелая морошка'. В разных источниках эти лексемы трактуются, с одной стороны, как финно-угорское заимствование, с другой – связываются с рус. *таять* и интерпретируются при этом как результат семантического калькирования финно-угорских языковых данных. Приводятся дополнительные аргументы в пользу версии о принадлежности названий спелой морошки к гнезду *таять*, при этом допускается возможность исконного (не калькированного) происхождения номинации. В заключительной части статьи автор обращается к диалектизму *талица* 'брюква', этимологические решения для которого неизвестны. Автор возводит данное слово к *таять*, что аргументируется особенностями выделения сока брюквой при ее приготовлении. В заключение сопоставляются некоторые другие названия морошки и брюквы, а также выводятся общие семантические линии «таяния» и «парения» для анализируемых фитонимов.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; этимология; мотивационный анализ; языковые контакты; соматическая лексика; пейоративы; фитонимия.

В русских говорах зафиксировано несколько темных слов с предполагаемым корнем *тал-//тол-*, которые заслуживают обстоятельного семантико-мотивационного изучения. Данная статья не претендует на исчерпывающий анализ всех русских диалектных слов на *тал-//тол-*, в круг нашего внимания вошли лишь некоторые из них – *та́лы/то́лы* ‘глаза’, *талики́/толики́* ‘спелая морошка’ и *та́лица, та́лика* ‘брюква’. Анализируемые диалектизмы, во-первых, представляют определенные сложности при этимологизации, во-вторых, по нашим наблюдениям, интересны в семантико-мотивационном отношении. Предположительно, они связаны с *таять, талый*, но мотивационная история у каждого из них, разумеется, своя.

Начнем с пейоративного обозначения глаз вят., пенз., перм., ср.-урал. *талы́* [Опыт: 226; СРНГ 43: 248; СПГ 2: 423; ДЭИС], представленного также в варианте с другой огласовкой – вят., перм., горьк., южн., яросл., костр. *толы́* [СРНГ 44: 220; ДЭИС; ОСВГ 11: 60–61]. Эти два варианта встречаются также с ударением в корне: башк., морд., пенз., ср.-урал. *талы́* [СРГБ: 336; СРГМ 2: 1297; СРНГ 43: 248; ДЭИС], башк., яросл. костр. *толы́* [СРГБ: 336; ЯОС 9: 107; Ганцовская 2015: 382]. Приведем некоторые контексты, в которых ярко проявляется экспрессивность рассматриваемой номинации: *Талы́-те вытарашиши, стамошарой* [СПГ 2: 423], *Толы́-то у нее большенные!* [ОСВГ 11: 60], *Толы́ твои бессовестные!* [Ганцовская 2015: 382]. Данный диалектизм входит в один ряд со множеством синонимичных «глазных» экспрессивов, таких как арх., влг. *бэлыши*, свердл. *лунди́щи*, влг. *пучеги, рачилы*, влг., новг, вят. *түски*, шир. распр. *зенки, шары́, шарёшки, шарёнки* [СРНГ 1: 259; 2: 234; 17: 194; 45: 288; ЛКТЭ; КСГРС] и др. Мотивационные особенности единиц из этой лексической группы были проанализированы, в частности, в [Власова 1997: 10–11, Ясинская 2018: 73–74; Леонтьева 2019: 411–416].

Как справедливо отмечает М. В. Ясинская, внутреннюю форму таких экспрессивов часто трудно объяснить однозначно [Ясинская 2018: 73]. Рус. диал. *талы́/толы́* является одним из самых темных слов из этого ряда. Прежде чем переходить к проблеме происхождения данной номинации, следует выявить ее семантические и функциональные характеристики. В целом *талы́/толы́* содержит устойчивую негативную коннотацию. Чаще всего данным словом обозначаются вытаращенные глаза, в этом случае слово употребляется в таких сочетаниях, как *талы́/толы́ выворачивать/пялить/шеперить* (и т. п.): *Чё*

ты на неё свои толы́ пялишь? [ОСВГ 11: 61]. Вытаращенные глаза, глазающий человек, сам акт «глядения» стабильно вызывают раздражение и осуждение². В языке это проявляется не только в богато представленной лексике, обозначающей сам орган зрения, но и в экспрессивных глаголах, обозначающих перцептивную функцию глаз, а также в относящихся к человеку бранных определениях, в которых акцент делается на больших, вытаращенных глазах. Ср. *вы́рачить, вы́стручить* ‘вытаращить (глаза)’ [СВГ 1: 97, 101], без указ. м. *буркала́стый*, влг. *рачегла́зый* ‘имеющий большие, широко открытые глаза’ [Даль 1: 145; СВГ 9: 45]. Вытаращенные глаза часто воспринимаются как проявление праздного поведения, отсюда, например, новг. *глазевон* ‘тот, кто из праздного любопытства заглядывает на что-либо, празднично шатается где-либо; зевака’ [СРНГ 6: 187], влг. *гла́зья вы́пучивать* ‘праздно проводить время, бездельничать’ [Золотые россыпи: 49], вятск. *толы́ выворачивать* ‘бездельничать, бесцельно проводить время в ожидании’ [ОСВГ 7: 61]. Помимо вытаращенных глаз *талы́/толы́* может обозначать глаза в состоянии алкогольного опьянения: *Налил толы́-то, дак такой уж баской идёт, такой баской: еле пакли <пакля ‘нога’> переставляет* [ОСВГ 7: 192]. Слово также достаточно регулярно обозначает бесстыжие глаза (*Не стыдно тебе толóв-то?*), плохо видящие или больные глаза (*Раскрой толы́-то; Ему надо лечить толы́*), бегающие глаза (*Чё ты своим толам-то завертел*) и употребляется в недобрых пожеланиях и угрозах вроде *лопнули бы толы́* (у кого-л.), *вытачу толы́* и пр. [ОСВГ 11: 60–61] Показательны также такие дериваты, как *больше́толы́* (неодобр.) ‘большеглазый’, ‘о завистливом и всё высматривающем человеке’ [ОСВГ 1: 89–90] и вятск., алт. *белотóлы́* ‘со светлыми глазами; белоглазый’ [ОСВГ 1: 67; СРГА 1: 55]: эти слова совмещают в своей семантике не только физические свойства глаз человека, но и его психическую характеристику (в негативной оценке). Слову *белотóлы́* уделено значительное внимание в [Березович 2016: 65–67], где рассматриваются с семантико-мотивационной точки зрения оба компонента лексемы. Но к мотивационной стороне вопроса мы обратимся позднее. На данном этапе важно указать на то, что *белотóлы́* встраивается в лексику, обозначающую светлые глаза (рус. диал. *белогла́зый, белозóрый, белоша́рый* ‘светлоглазый’ и др.). Человек с такими глазами систематически вызывает неприятие по народным представлениям, отраженным в языке: «носителями» светлых, «белых» глаз являются

инородцы (например, *чудь белоглазая*), слепые люди, мертвецы, люди в состоянии бешенства, люди с вытаращенными, страшными глазами и т. п. [Березович 2016: 65, 68–69]. В соответствии с вышесказанным, *белотольй*, обозначая сугубо физический признак, потенциально включает в свою семантику отрицательную характеристику психических свойств человека. Как видно из общего обзора, в целом устойчивая пейоративная окраска слова *талы/толы* часто может быть направлена не только на «телесные», физические свойства человека, но и на его негативно оцениваемые психические качества. См. о выраженной в языковых представлениях способности глаз содержать и отображать информацию о внутреннем мире их носителя также в [Ясинская 2015: 54–55].

Перейдем к проблеме происхождения *талы/толы* ‘глаза’. Нам известны две основных гипотезы. М. Фасмер относит слово к *талый, таять*, не аргументируя, однако, при этом представленную мотивационную связь [Фасмер 4: 16]. Е. Л. Березович, отталкиваясь от упомянутого выше *белотольй* ‘светлоглазый’, развивает гипотезу М. Фасмера и раскрывает смысловую сторону предлагаемой связи *талы* с *таять, талый*: приводятся данные, отражающие востребованность признака холода, мороза при пейоративном обозначении человека через указание на его глаза: ср. *ледяной взгляд, ледяные глаза, иркут. морóженные глаза*, перм. *обморóженные глаза, глаза заморóжены* ‘о бессовестном, наглom человеке’, иркут. *заморозить глаза* ‘стать бессовестным’. По этим данным можно допустить метафорическую базу для *талы/толы* ‘глаза’, основанную на актуализации признака холода, характерного для талых мест³. В пользу предполагаемой метафоры служит слово, свидетельствующее об обратном переносе (‘глаза’ > ‘талая вода’) – арх. *глазовина* ‘незамерзающее место на озере’ [Березович 2016: 65–67]. В настоящей статье мы попытаемся привести дополнительные аргументы, поддерживающие это этимолого-мотивационное решение.

Обособленной является версия о тюркском происхождении рассматриваемой номинации, представленная В. И. Абаевым в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка». Этимология рус. диал. *талы/толы* ‘глаза’ помещена в словарной статье на осетин. *taely, taeli* ‘обруч’, ‘обод колеса’, которое определяется как возможное заимствование из тюркских языков, ср. алт., шор. *talik* ‘кольцо’, саг. *tegilik* ‘колесо’ и др. По предположению В. И. Абаева, к этим тюркским данным (отличительная черта которых – семантика круглого) следует привести и

рус. диал. *талы* ‘глаза’, которое «следует, быть может, понимать как ‘круги’ (ср. *шары* в этом же значении)». При этом версия Фасмера о связи *талы* ‘глаза’ с *талый* представляется В. И. Абаеву сомнительной [Абаев 3: 259].

Гипотезу В. И. Абаева можно уверенно подтвердить мотивационными параллелями (помимо приводимого исследователем слова *шары*). Действительно, во внутреннюю форму обозначающих глаза экспрессивов достаточно часто закладывается идея округлой формы, например, в южн., зап., смол., кубан., курск. *баньки* – букв. ‘шарик, пузырек’, связанное с южн., зап. *баня* ‘шар, мыльный пузырь’ [Аникин РЭС 2: 183, 184], без указ. м. *плошки* [Даль 4: 399], ср. также *глаза как блюдца, глаза по пять рублей*.

Однако вернемся к версии М. Фасмера. Ранее мы уже предпринимали попытку ее раскрытия в [Леонтьева 2019: 416–421], кратко приведем основные наши положения. Помимо признака мороза и холода как свойства талых мест, в мотивационном отношении важно отметить, что слова, входящие в гнездо *талый* и *таять*, обозначают водные источники: арх., олон. *талó* ‘оттаявшее место’, свердл., ср.-урал. *талó* ‘незамерзающее место на болоте’ [СРНГ 43: 247], перм. *талéц* ‘растаявший участок на реке весной’ [СПГ 2: 433], ср.-урал. *талка* ‘проталина’ [СРГСУ 6: 87], арх. *талъ* ‘топкое место’ [КСГРС] и др. Дело в том, что по языковым данным водные источники регулярно сравниваются с органом зрения, это основано на свойстве отражения, характерном блеске и особой «структуре» (глаза выделяются из «кожного» пространства так же, как водные источники из окружающего земельного ландшафта). Семантический переход ‘глаза’ – ‘водный источник’ обнаруживается в разных языках (в том числе в не относящихся к индоевропейской семье) и является языковой фреквенталией, которая обнаруживается не только в славянских, но и в балтийских, иранских, тюркских и других языках [Журавлев 2005: 332–333; Толстой 1970: 52, 53]: ср. польск. диал. *oko* ‘незаросшая, голая часть на горной поверхности’, белорус. диал. *чóртава во́ка* ‘небольшая, но глубокая естественная яма, заполненная водой’, литов. *akis* ‘глаз’, ‘источник’, тюрк. *göz* ‘глаз’ ‘родник, ключ’ и т. п. [Журавлев 2005: 333] Есть основания считать, что этот переход может работать в оба направления, ведь как водные источники могут ассоциироваться с глазами, так и глаза уподобляются жидкости [Ясинская 2015: 49–50]: ср., с одной стороны, названия водных источников арх. *глазина* ‘лужа на болоте’, олон. *глазник* ‘окно на поверхности зарастающего озера’, ‘отвер-

стие во льду на реке, озере' [СРНГ 6: 187, 188], и с другой стороны – явление проецирования на орган зрения названий водных источников: в языке показательны такие данные, как новосиб., перм., новг. *озёрко* 'зрачок', киров. *озёрко* 'роговица'⁴ [СРНГ 23: 91], влг. *глаза на болоте* 'о человеке, который часто плачет' [Золотые россыпи: 49], в пользу такого перехода свидетельствуют сравнительные обороты в художественной литературе вроде *глаза как озёра, глаза – колодцы* и т. п., см. об этом подробнее в [Леонтьева 2019: 419].

Таким образом, предположение о том, что мотивирующим для обозначения глаз *талы/толы* мог послужить диалектный географический термин с корнем *тал-*, следует считать вполне допустимым. Для рассматриваемой номинации недостаточно было бы ограничиться нейтральным в своей основе сравнением глаз с водными источниками. Устойчивая пейоративная окраска *талы/толы*, как было показано выше, может быть основана на актуализации признака мороза и холода у талых мест. Кроме того, принимая во внимание сиб., том., арх., олон. *таять* 'растопливать, топить' [СРНГ 43: 319], допустимо в качестве дополнения предполагать актуализацию «растопливающего» воздействия пристальных глаз, ср. сочетания типа *буравящий взгляд, прожигающие глаза* и т. п.

Гипотеза В. И. Абаева о тюркском происхождении *талы/толы* (букв. 'круги') при обоснованности возможной актуализации «круглой» семантики вызывает всё же некоторые сомнения. Необходимо обратиться к закономерностям семантического освоения тюркских заимствований в русских говорах. Е. С. Николаева, анализируя тюркизмы в говорах Русского Севера, делает вывод, что наиболее активно пополняются заимствованиями такие лексические группы, как «быт», «трудовая деятельность человека» и «характеристика человека со стороны тех или иных качеств, свойств или действий» [Николаева 1997: 61, 164]. Соматическая лексика в русских говорах представлена преимущественно исконными словами и не слишком активно пополняется заимствованиями. Среди известных нам диалектных лексем, называющих глаза, тюркизмы не обнаруживаются, из заимствованной лексики можем привести единичные примеры, ср. влг. *баклы* 'глаза' < влг. *бакла* 'нарост на дереве' – заимствование из вепсского [Аникин РЭС 2: 101].

Тем не менее тюркизмы в соматической лексике встречаются, преимущественно среди экспрессивов: пенз., куйбыш., ульян., моск., свердл., ср. урал, краснояр. *калган* 'голова' [СРНГ 12:

342] < рус. диал. *калган* 'посудина' – по происхождению тюркизм [Аникин ЭСС: 239]; тюркское по происхождению арх., влг. *карга* 'о плохо действующей руке или ноге' < на базе значения влг., забайк., краснодар. *карга* 'искривленное дерево' (или влг. 'изогнутая железная палка') – по данным, представленным в [Николаева 1997: 106–107; Фасмер 2: 196], влг. *кордюк, курдюк* 'толстый живот', связанное с тюркизмом *курдюк* 'у овец: жировое отложение у корня хвоста' [ТСлРЯ: 391]. В приведенных данных прослеживается важная закономерность: такие тюркские по происхождению соматизмы являются, как правило, конкретно-образными метафорами. При этом производящее значение присутствует в русских говорах, соответственно, внутренняя форма таких соматизмов, по-видимому, не является стёртой. Между тем для *талы* 'глаза' в русских говорах не обнаруживается производящего «круглого» (несоматического) значения (по данным диалектных словарей). В этой ситуации идея округлости может передаваться только отвлеченно – через абстрактное понятие 'круг', что не вписывается в общие закономерности семантического освоения заимствований (тюркских, финно-угорских) в диалектной соматической лексике и потому мыслится недостаточно убедительным; допустить метафорический перенос на базе значения 'кольцо' из тюркских языков также представляется маловероятным.

Следующая номинация, требующая мотивационного комментария, представляет собой диалектное обозначение спелой или переспелой морошки, зафиксированное в вариантах *тали́к, тали́ка, талу́шка, талая моро́шка* (ед.), *талы́ё* (собр.), *тали́ки, толи́ки, талы́цы* (мнж.) [СРГК 6: 437, 438; КСГРС]. К данным наименованиям примыкает влг. (кир.) *талеть* 'становиться сочным, мягким (о ягодах)' [СРГК 6: 436]. В лингвогеографическом отношении эти слова характеризуются узким ареалом распространения на северо-западе Вологодской области (выт., вашк., белоз., кир., вож.) и на юго-западе Архангельской области (кон., карг.).

С. А. Мызников для упомянутых лексем предполагает заимствованное происхождение. Поскольку речь идет о перезревшей морошке, которую не сразу собрали, данные диалектизмы следует сопоставлять с вепс. *d'äl'ik* 'гнилой (о картофеле)', в основе которого лежит глагол *g'ätta, jätta, dätta* 'оставить' [РДЭС: 778]. В то же время номинация сопоставима с рус. *таять*, в одном из контекстов отражено, что диалекто-

носители видят именно такую связь: *Когда морошка поспеет, так становится мягкой, так во рту и тает, талушки* [СРГК 6: 437]. С. А. Мызников, однако, придерживаясь версии о заимствовании, называет сомнительной мотивацию, по которой ягода тает (во рту) [РДЭС: 778].

Допустимо видеть иную семантическую логику в возможной мотивационной связи с *таять*: особенностью спелой (и переспелой) морошки является избыток сока, ср. определение, данное в СРГК [6: 436], – *талики* ‘мягкая сочная, спелая ягода’. Другими словами, ягода, становясь мягкой и сочащейся, может восприниматься как «тающая». Показателен контекст: *Талая стала морошка, текёт с её сок* (влг.) [КСГРС]. Следует отметить, что в иллюстративных контекстах фигурирует морошка, которая пригодна для сбора и употребления в пищу, что ставит под сомнение актуализацию признака «гниль» у рассматриваемых названий морошки: *Летоса, как съедут, так полные корзины талья́ приносят; Морошка на талики́ сделается, так хорошо варенье варить* [СРГК 6: 437]. О связи с *таять* в формальном отношении свидетельствует наличие варианта *талая морошка* наряду с *талики, толики*, а также формальный параллелизм *тали́к* ‘спелая ягода морошки’ и влг., карел. *тали́к* ‘теплая погода; оттепель’, вятск. *тали́к* ‘незамерзающий родник’ [там же; СРНГ 43: ОСВГ 11: 12] (мотивационная связь двух последних слов с *таять* не вызывает сомнений).

Именно с *таять* связывает рассматриваемые названия спелой морошки О. В. Мищенко [Мищенко 2012], уточняя при этом, что семантический переход является не исконным, а скалькированным с финно-угорских дериватов от ‘таять’. На первый взгляд, в названии *талая морошка* (и его вариантах) отражается реализация представлений об истечении жидкости, которое сопровождается потерю ягодами своей жесткой структуры. Однако, анализируя семантическую организацию гнезда русского *таять*, исследователь приходит к выводу, что в названиях созревших ягод переход ‘таять’ – ‘становиться мягким’ маловероятен для исконной семантической линии. В русском языковом материале проявляется, что «таяние» всегда происходит под влиянием внешних факторов – прежде всего, под влиянием высокой температуры, ср. *оттаять* (о почве, о замороженных продуктах), диал. *талый* ‘приготовленный топлением, топлёный (например, о масле)’ и т. п. Появление значения ‘спелая морошка’ не встраивается в эти закономерности, так как не актуализирован внешний фактор повышенной температуры [там же: 199].

В отличие от русских языковых данных, финно-угорский материал показывает, что в семантической организации гнезда ‘таять’ устойчивой является не столько линия сочащейся жидкости, сколько линия мягкости, при этом важно, что мягкость является «имманентным свойством объекта» и может возникать (в отличие от русских дериватов) не только от физического процесса таяния; ср. фин., карел., вепс., вод., эст., лив. *sula (sula)* ‘талый’ и фин. *suleva* ‘гибкий, эластичный, мягкий’, карел.-ливв. *šulava, sulava* ‘мягкий, гибкий (о коже, шкуре, мехе)’. Значение ‘спелая морошка’ вполне встраивается в эту иноязычную семантическую линию. Мотивация глаголом *таять*, таким образом, для русских названий спелой морошки не связана с самостоятельной деривацией и является семантической калькой с финно-угорских языковых единиц [там же: 198, 200].

В пользу версии о калькировании свидетельствует узкий ареал распространения номинации, являющийся контактной зоной с финно-угорскими народами. Морошка – реалия, которая активно репрезентируется в финно-угорских языках, см. о них в [Бродский 2014: 130–139]. При этом в прибалтийско-финских языках выделяются специфические для этой ягоды идеограммы, такие как ‘незрелая морошка’ и интересующая нас ‘перезрелая морошка’ [там же: 130].

В целом как в финно-угорских, так и в русских названиях морошки проявляется, что номинативные процессы для этой ягоды очень часто связаны со сложным межязыковым взаимодействием. Само слово *морошка* считается финно-угорским заимствованием [Бродский 2014: 137; Фасмер 2: 658], в то время как вод. *glaža, glažža* ‘морошка’ – заимствование из русского (*глажи* ‘морошка’, ‘малина’, ‘костяника’ < рус. *гладкий*) [Бродский 2014: 134; Фасмер 1: 409].

Любопытно рассмотреть контаминационные процессы в названиях морошки в плане взаимодействия финно-угорского и русского материала. Небезынтересно сравнить рассматриваемое *талики́* с арх., олон. *рохка́ч, рофкач, рокка́ч* со значением ‘незрелая морошка’, которые связывают с фин. *rohka*, кар. *ruokha* ‘незрелая ягода’, эст. *rõhk, rõhke* ‘сочный, мягкий, полужелтый (о зерне)’. Следует заметить, что облик родственных диалектизмов олон. *ро́хлый* ‘неспелый (о ягодах)’ и арх. *рохле́ц* ‘незрелая морошка’ свидетельствуют о контаминационных процессах в русском и прибалтийско-финском материале [РДЭС: 686–687]. Вполне можно предполагать влияние рус. *рыхлый*, влг. *ро́хлый* ‘рыхлый’ [Даль 4: 107]: у незрелой ягоды может актуализироваться при-

знак рыхлости, то есть мягкости, «несформированности», в этом плане показательно совмещение значений 'мягкий' и 'полузрелый' у эст. *rõhk, rõhke*. Однако, как мы видели ранее, мягкость является признаком именно (напротив) спелой морошки, что так или иначе отражается в ее названии *талики/толики*. Полноценной мотивационной параллелью может послужить арх. *рыхлица* 'вполне спелая морошка' [Подвысоцкий 1875: 150]. По приведенным данным можно предполагать, что признак рыхлости (заключенный в дериватах от *рыхлый* и лексемах с влиянием этого слова) потенциально может в семантическом отношении «вести» как к зрелости, так и к незрелости ягод. В целом взаимодействие приведенных языковых единиц требует более глубокого исследования.

В заключение наших размышлений о номинации *талики/толики* укажем на сходные в мотивационном отношении параллели, обозначающие зрелую морошку. О. В. Мищенко приводит в своем исследовании также влг. *топёшка, растопёшка, ростопёшка* 'зрелая морошка' и *растопиться* 'попеть, раскрыться (о морошке)' – эти данные трактуются как реализация той же самой кальки, что с *талики/толики*, только на базе другого (синонимичного с *таять*) корня [Мищенко 2012: 200]. Мы добавим к этому более далекое, но всё же сходное в мотивационном отношении новг. *паруха* 'переспелая морошка' [НОС: 791], которое следует отнести к гнезду *парить*. Вероятнее всего, в этой номинации также передается признак мягкости и «текучести»: созревшая, сочащаяся ягода воспринимается как «распаренная». Весьма любопытно, что идея спелости ягоды в данном случае передается через основу, семантически связанную с повышением температуры как внешним фактором, вопреки замечанию О. В. Мищенко о том, что такая семантическая логика для обозначения зрелой морошки маловероятна. Следовательно, можно допускать, что такие семантические потенциалы могли быть реализованы у *таять* для *талики/толики*⁵.

По-видимому, вопрос о калькированном или исконном происхождении *талики/толики* 'спелая морошка' на данном этапе сложно решить однозначно. Требуется более полный анализ русских и финно-угорских названий морошки и их взаимодействия. Мы видели, что для передачи идеи мягкости зрелой морошки русский материал помимо *талики/толики* предлагает множество вариантов: по крайней мере, *рыхлица, топёшка/растопёшка, паруха*. Пока позволим себе отметить, что исконная версия (т. е. предположение о «самостоятельной» деривации *таять* >

талики/толики), как нам кажется, более предпочтительна.

Последняя номинация, к которой мы обратимся – влг. (влгд., хар.) *талица* влад., ряз. *талька* 'брюква', ряз. *талика* 'горькая брюква' [СРНГ 43: 243, 246, 251; КСГРС]. Этимологические решения для этих лексем нам неизвестны. Вместе с нашими предположениями о происхождении этих названий брюквы мы представим замеченные нами семантические пересечения с мотивационной логикой анализируемого выше *талики/толики* 'спелая морошка'.

Брюква является растением, из которого готовятся различные кушанья. Брюкву, как правило, парят, вялят и запекают. Способы приготовления этого корнеплода отражены в таких диалектизмах, как ленингр., новг., олон., арх. *пара*, арх., влг. *паренца*, арх. *парница* 'пареная брюква или репа', влг. *вяленица* 'вяленая или сушеная репа или брюква', влг., вятск. *печеница* 'печеная репа, брюква' [СРНГ 6: 78; 25: 214; 26: 347]. При термической обработке брюква становится мягкой и пускает сок. Это свойство, как мы предполагаем, обусловило появление рассматриваемых *талица/талика/талька*, соответственно, в качестве этимона для них следует предполагать глагол *таять*. В пользу этой гипотезы свидетельствует то, что по способу приготовления может называться не только кушанье из брюквы, но и сам корнеплод: влг. *паренуха* 'брюква' [СРНГ 25: 223], костр., влад. *перепёчка* 'крупная брюква': *Пудов пять перепечек насбирал* [СРНГ 26: 185], ср. шир. распр. *перепёча* 'кулич, каравай', сев.-двин., арх., вятск. 'ватрушка с картошкой' [там же].

Исконный характер такой мотивации не вызывает сомнений, так как «таяние» (выделение сока) обусловлено внешними факторами, т. е. повышением температуры.

Рассмотренные нами диалектные фитонимы *талики/толики* 'спелая морошка' и *талика/талица/талька* 'брюква', таким образом, по нашему предположению, восходят к общей основе – *таять*. В случае с морошкой реализуется модель 'таять' – 'становиться мягким, зреть, переполняться соком', в случае с брюквой мотивационная логика несколько иная – 'таять' – 'становиться мягким, выделять сок под влиянием повышенной температуры'. Судя по лингвогеографическим данным и семантико-мотивационным характеристикам, данные номинации являются независимыми друг от друга образованиями. Однако очевидно, что они пересекаются друг с другом в

мотивационном отношении. Кроме того, обнаруживаются любопытные совпадения в некоторых других названиях брюквы и морошки, которые встраиваются в мотивационную логику анализируемых в данной статье дериватов от *таять*.

Во-первых, небезынтересно сравнить приводимое выше арх. *рыхлица* 'спелая морошка' с нижегор. *рыхва* 'брюква' [СРНГ 35: 322]: последнее слово, вероятно, как и *брутва*, *грухва*, *рухва* (и под.) 'брюква' [СРНГ 3: 211; 7: 171; 35: 275], является искаженным словом *брюква*; однако вполне вероятно, что облик этого слова появился под влиянием слова *рыхлый*. Как мы уже отмечали выше, *рыхлый* передает семантику мягкости, которая востребована как для спелой морошки, так и для термически обрабатываемой брюквы. Во-вторых, следует сопоставить упомянутое выше новг. *паруха* 'спелая морошка' и влг. *паренуха* 'брюква': оба слова объединяются заложеной во внутреннюю форму идеей повышения температуры, связанной с признаками мягкости и выделения сока.

Наконец, следует отметить определенную общность реалий: и морошка, и брюква термически обрабатываются (хотя, безусловно, для брюквы это более характерно), что в определенном отношении «поддерживает» идею «таяния» и «парения» у обеих номинаций.

Таким образом, рассмотренные названия морошки и брюквы с корнем *тал-//тол-* и их мотивационные параллели показывают, что происхождения названий морошки и брюквы могут находиться на пересечении линий «парения» и «таяния», передающих идею мягкости (обусловленной или созреванием, или особенностями приготовления). Эти мотивационные закономерности, которые мы на данном этапе можем только наметить, требуют более обстоятельного изучения с широким подключением синонимичных диалектных фитонимов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Автор выражает глубокую признательность Юрию Альбертовичу Дзицкойты за ценные советы и указание на важный источник для настоящей статьи.

² Негативное отношение к вытаращенным глазам проявляется не только в языке, но и в фольклорном материале. См. об этом в [Завалишина 2003: 86, 87].

³ Немаловажен также формальный критерий: отмечается, что корневое чередование *талы/толы* не является препятствием для приведения номинации к гнезду *талый, таять*, где встречается слово с таким же чередованием, ср. арх. *тол* 'талая земля, почва' [Березович 2016: 66]. Следует предполагать, что вариант *толы* вторичен и обусловлен деэтимологизацией.

⁴ Более вероятно, что данные слова, как и само слово *зрачок*, являются прямыми продолжениями прасл. **zъreti* (рус. *зреть*), то есть не являются образными номинациями, более ярко отсутствие метафорической базы проявляется в формально схожих смол. *озёрки* 'искры, темные пятна, рябь в глазах', калуж. *озернок* 'зрачок' [СРНГ 23: 91, 92]. Однако следует допускать возможность по крайней мере вторичного притяжения, ср. влад. *озёрка* 'маленькое озеро', олон., ленингр., тобол., горно-алт., влг., пск., новг., калин., влад., арх., ряз. *озёрко, озерко* 'озеро; небольшое озеро' [там же: 91].

⁵ В качестве дополнения отметим, что в логику появления рассматриваемой номинации морошки встраивается возможность актуализации фактора внешнего повышения температуры, которое проявляется при термической обработке, необходимой для спелой скоропортящейся ягоды: ср. контекст *Морошка на талики делается, так хорошо варенье варить* (влг.) [КСГРС].

Список источников (с сокращениями)

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: Указатель. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1995. Т. 1–5.

Аникин РЭС – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники, 2007–. Вып. 1–.

Аникин ЭСС – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Д. Гецовоной. М.: Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.

Ганцовская 2015 – Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / Н. С. Ганцовская; Рос. акад. наук, Ин-т лингвистических исслед., Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, РОО «Костромское землячество в Москве». Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Кн. клуб Книгобек, 2015. XXXI, 511 с.

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882(1989).

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

ДЭИС – Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина; Свердл. обл. дом фольклора; кафедра русского языка и общ. языкознания УрГУ. Екатеринбург, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л. Ю. Зорина; М-во образ. и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда: ВГПУ, 2014. 304 с.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

ЛКТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 275 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. 2-е изд., испр. и доп. Киров: ООО «Коннектика», 2012–. Вып. 1–.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Ивановой. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изда-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1987.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965. Вып. 1–.

ТСЛРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.

Список литературы

Березович Е. Л. Берестяная рожь и берестяные глаза: Этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil. 1. Frankfurt am Main, 2016. S. 57–81.*

Бродский И. В. Возвращаясь к древнейшим названиям ягод в финно-угорских языках (брусника и морошка) // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2014 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2014. С. 124–139.*

Власова Н. А. Фразеологическое гнездо с вершиной «глаз» в общенародном языке и говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 1997. 26 с.

Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 1004 с.

Завалишина К. Г. Концепт «глаза» в народно-песенной традиции русского, немецкого и английского этносов в лингвокультурологическом аспекте // *Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курск. гос. унта, 2003. Вып. 7. С. 74–88.*

Леонтьева М. О. Негативно маркированные обозначения глаз в русских народных говорах: семантико-мотивационный аспект // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 411–424.*

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *талая морошка* // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г.: в 2 ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 198–201.*

Николаева Е. С. Тюркизмы в говорах Русского Севера: дипл. работа / УрГУ. Екатеринбург, 1997. 178 с.

Толстой Н. И. К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Местные географические термины. Вопросы географии. 1970. № 81. С. 46–53.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

Ясинская М. В. «Человек смотрящий»: лексика и фразеология // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: «Индрик», 2018. С. 64–78.

References

Berezovich E. L. Berestyanyaya rozha i berestyanyye glaza: Etnolingvistiicheskiy kommentariy k russkim dialektnym frazeologizmam [Birchbark face and birchbark eyes: Ethnolinguistic commentary to Russian dialect phraseological units]. *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen. Teil I* [Slavic Spiritual Culture: Ethnolinguistic and Philological Studies. Pt. 1]. Frankfurt am Main, 2016, pp. 57–81. (In Russ.)

Brodsky I. V. Vozvrashchayas' k drevneyshim nazvaniyam yagod v finno-ugorskikh yazykakh (brusnika i moroshka) [Returning to the most ancient names of berries in the Finno-Ugric languages (lingberry and cloudberry)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya). 2014* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Studies). 2014]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2014, pp. 124–139. (In Russ.)

Vlasova N. A. *Frazeologicheskoe gnezdo s verшинoy 'glaz' v obshchenarodnom yazyke i govorakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The phraseological family with the 'eye' root in the nationwide language and dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 1997. 26 p. (In Russ.)

Zhuravlev A. F. *Yazyk i mif. Lingvisticheskiy kommentariy k trudu A. N. Afanas'eva 'Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu'* [Language and Myth. Linguistic commentary to the publication of A. N. Afanasyev 'The Slavs' Poetic Outlook on Nature]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1004 p. (In Russ.)

Zavalishina K. G. Kontsept 'glaza' v narodno-pesennoy traditsii russkogo, nemetskogo i angliyskogo etnosov v lingvokul'turologicheskom aspekte

[The concept of 'eye' in the folk and song tradition of the Russian, German, and English ethnic groups in the linguocultural aspect]. *Lingvofol'kloristika* [Linguo-folkloristics]. Kursk, Kursk State University Press, 2003, issue 7, pp. 74–88. (In Russ.)

Leont'eva M. O. Negativno markirovannyye oboznacheniya glaz v russkikh narodnykh govorakh: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Negatively marked designations of eyes in Russian dialects: Semantic and motivational aspect]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019* [Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Studies) 2019]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, RAS Publ., 2019, pp. 411–424. (In Russ.)

Mishchenko O. V. K etimologii severno-russkogo talaya moroshka [On the etymology of the Southern Russian 'talaya moroshka']. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 8–10 sentyabrya 2012 g.: v 2 ch.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the 2nd International scientific conference, Ekaterinburg, September 8–10, 2012: in 2 pts.]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012, pt. 1, pp. 198–201. (In Russ.)

Nikolaeva E. S. *Tyurkizmy v govorakh Russkogo Severa: diplomnaya rabota* [Turkisms in the Dialects of the Russian North: graduation work]. Ekaterinburg, Ural State University, 1997. 178 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. K probleme izucheniya slavyanskikh mestnykh geograficheskikh terminov [On the issue of studying Slavic local geographical terms]. *Mestnye geograficheskie terminy. Voprosy geografii* [Local Geographical Terms. Geographical Issues]. Moscow, 1970, issue 81, pp. 46–53. (In Russ.)

Yasinskaya M. V. *Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan: dis. kand. filol. nauk* [The representations of eyes and vision in language and traditional culture of the Slavs. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 278 p. (In Russ.)

Yasinskaya M. V. *Chelovek smotryashchiy: Leksika i frazeologiya* ['The man who is looking': Vocabulary and phraseology]. *Obraz cheloveka v yazyke i kul'ture* [The Image of Man in Language and Culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 64–78. (In Russ.)

FROM THE ETYMOLOGY OF RUSSIAN DIALECTAL WORDS WITH THE ROOT 'TAL-//TOL-'

Maria O. Leont'eva

Research Assistant at the Toponymic Laboratory

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. marileonteva@yandex.ru

SPIN-code: 4303-7590

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8695-7617>

ResearcherID: AAW-7674-2021

Submitted 25.08.2021

The article presents etymological and motivational analysis of three dialectal lexical groups with the root *tal-//tol-*. The author considers that the dialecticisms under study refer to the word family *талый* <talyi> (melted) / *таять* <tayat'> (to melt) and attempts to reconstruct its own motivational logic for each lexical group. The first part of the article analyzes the word *талы/толы* <taly/toly> (eyes), the origin of which currently remains not clear enough. The author provides the known hypotheses of the word origin, which include both the initial version (bringing to the family *таять* (to melt) and an assumption of borrowing. The initial version of the word origin is developed based on its semantic and functional characteristics, the peculiarities characterizing the perception of the organ of vision in language and culture, and motivational patterns in dialectal designations of eyes. The version of the origin of the word as borrowed from the Turkic languages is critically analyzed through reference to the patterns of the appearance of Turkic borrowings in Russian dialects. The second part of the article is devoted to the lexical group *талики/толики* <taliki/toliki> (ripe cloudberry). Different sources treat these lexical unit as a Finno-Ugric borrowing, on the one hand, and as related to the Russian word *таять* (to melt), on the other hand, thus interpreting them as a result of semantic loan translation from Finno-Ugric. The paper provides some additional arguments in favor of the version that the names of ripe cloudberry belong to the family *таять* (to melt), while admitting the possibility of the original (not loaned) origin of the naming. The third part of the article deals with the dialectal word *талица* <talitsa> (rutabaga), the etymological solutions for which are unknown. The author considers this word to have origin in the verb *таять* (to melt), which is argued based on the peculiarities of the secretion of juice from rutabaga while its being cooked. In conclusion, some other names of cloudberry and rutabaga are compared, and general semantic lines of 'melting' and 'steaming' for the analyzed phytonyms are derived.

Key words: Russian dialect lexis; etymology; motivational analysis; language contact; somatic lexis; pejoratives; phytonyms.

УДК 81'27

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ МЕТАКОММУНИКАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ¹

Татьяна Ивановна Попова

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. tipopova13@gmail.com

SPIN-код: 5935-5281

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2066-7868>

ResearcherID: AAU-2106-2020

*Статья поступила в редакцию 02.03.2021***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Попова Т. И. Прагматические маркеры метакommunikatsii: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 40–50. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50***Please cite this article in English as:***Popova T. I. Pragmaticeskije markery metakommunikatsii: gendernyy aspekt [Metacommunicative Pragmatic Markers: Gender Aspect]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 40–50. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-40-50 (In Russ.)*

В статье рассматривается использование прагматических маркеров метакommunikatsii в гендерном аспекте и с учетом социальных ролей говорящего. Источником материала послужил Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», разработанный на основе расшифровок аудиозаписей, полученных в естественных условиях. Объем выборки составляет около 200 тыс. словоупотреблений. В ней представлены эпизоды «речевых дней» 15 женщин и 15 мужчин трех возрастных групп. Информанты выступали в различных социальных ролях, противопоставленных по принципу симметричности/асимметричности. Прагматическое аннотирование материала и дальнейший дискурсивный анализ показали, что в речи говорящих активно используется метакommunikatsii, но в речи женщин ее значительно больше. При этом мужчины используют маркеры такого типа (*слушай / давай сегодня / (м...м) в тишине проведём день, потом на голодный желудок её лучше не есть / знаешь*) с конкретными речевыми задачами, например, как форму отказа (*слушай / у меня нет денег*), а в речи женщин вариативность метакommunikativnykh маркеров представлена шире, но функционального разнообразия при этом не наблюдается. Это подтверждает наблюдения лингвистов, полученные на материале различных языков, о том, что женщины стремятся к кооперации и поддержанию диалога в большей степени, чем мужчины. Эта особенность женской речи, с точки зрения феминистской лингвистики, напрямую связана с вопросами зависимого положения женщины, поскольку фиксирует ее пассивность и привычку уступать. Однако следует отметить, что более половины обнаруженных употреблений принадлежат речи женщин старшей возрастной группы (от 55 лет), которые общаются с близкими и подругами, в то время как в речи представителей молодежи прагматический метакommunikativnyy маркер приобретает полифункциональность и выступает еще и как маркер старта.

Ключевые слова: социолингвистика; гендерная лингвистика; корпусная лингвистика; устная речь; лингвистическая относительность; прагматические маркеры; метакommunikatsii.

Введение

Симона де Бовуар в книге «Второй пол» говорит о том, что сформированное восприятие делает маркированным именно «женское», а мужское остается неким стандартом: «быть женщиной если не порок, то, по крайней мере, особенность»

[Бовуар 2017: 186]. Оценка женщин и «женского» в языке чаще носит негативный характер. Достаточно вспомнить, что при необходимости отрицательно охарактеризовать референта с мужскими признаками используют перенос оценочных признаков, которые, согласно стереоти-

пам, свойственны женщине [Горошко 2001: 520]. Есть понятие «женской» логики, «женских» фильмов, и все это маркировано к тому же с явной отрицательной коннотацией².

Действительно, «мужчине никогда не пришло бы в голову писать книгу об особом положении людей мужского пола в человечестве» [Бовуар 2017: 9]. Так и в языке: есть представления о том, как говорят женщины, и о том, как ей говорить не следует: «Ты же девочка». Проводятся исследования «женского нарратива», в то время как на другой стороне остается просто нарратив, ничем не маркированный: «имплицитная форма гендерного аспекта связана с языковой актуализацией гендерного стереотипа посредством лексико-семантических категорий» [Зубенко 2020: 657].

Но все это можно связать лишь с тем, что есть определенные стереотипы и определенные социальные роли, которые предписывают говорящему и особый тип речевого поведения, например роль матери и свойственный ей *baby talk*.

Действительно, в процессе общения происходит постоянное речевое переключение, в рамках которого, как представляется, «успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации» [Крысин 2004: 430].

Так, владение говорящим несколькими речевыми кодами проявляется на уровне его *социальных ролей* (СР) в процессе коммуникации, где можно обнаружить специфические черты, или *лингвистические корреляты*, этих ролей. Социальная роль порождает «ожидание» от человека определенной манеры поведения, в том числе и речевого. В таком случае реализация СР будет варьироваться вместе с ситуацией, но при условии нахождения внутри рамок, допустимых для той или иной роли.

Взгляд на русскоязычный устный дискурс сквозь призму социальных ролей порождает целый ряд вопросов: будут ли женщины и мужчины в схожих социальных ролях одинаково выстраивать дискурс? Или же в процессе коммуникации появится некая «женская» или «мужская» тактика достижения цели? Что в большей степени задает специфику общения: гендер или ситуация?

Таким образом, целью настоящей работы является поиск специфики построения устного дискурса женщинами и мужчинами в разных социальных ролях с использованием метода прагматического аннотирования корпусного материала.

Язык и мышление

Ментальность как способ видения мира является социальным феноменом и теснейшим образом связана с понятием стереотипов.

С точки зрения лингвистики в изучении ментальности важно подчеркивать роль языка, моделирующего сознание. Здесь вспоминается теория лингвистической относительности (гипотеза Сепира – Уорфа).

У носителей разных языков ментальные образы одного и того же объекта неодинаковы. Особенности мышления человека определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является [Уорф 1960]. Так, в английском языке есть только одно слово для обозначения снега, а в эскимосском их несколько; в английском языке есть два слова: *hand* ‘рука ниже запястья, кисть’ (*пожать руку, вымыть руки*) и *arm* ‘рука выше запястья’ или ‘рука от пальцев до плеча’ (*ходить под руку, взять на руки*), а в русском одно универсальное слово *рука*; русским прилагательным *синий* и *голубой* соответствует одно английское *blue* и т. д.

Грамматические категории, такие как время или число, также вынуждают говорящих воспринимать мир определенным образом. Именно здесь берут начало идеи *феминистской лингвистики* о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархальные, то есть мужские, ценности.

Вот какие явления понимаются, например, как «патриархальность» языка:

- начальной (немаркированной) формой прилагательного является форма м. р. – *белЫЙ, тривиальнЫЙ*;
- названия профессий, должностей и т. п. образуются как существительные 2-го склонения, то есть как слова м. р. с нулевым окончанием – *профессор, токарь, фараон*.
- собирательные числительные (*двое, четверо*) используются только со словами м. р., обозначающими лица мужского пола: *пятеро студентов*, но не **пятеро студенток*;
- в ряде языков существует разделение на мужской и женский варианты языка, или даже обособленные мужские и женские языки. Так, в Японии правила гендерного речевого поведения различны, что связано с существованием специфических мужских и женских языковых единиц³.

Мужской род оказывался первостепенным из-за приписывания именам, относящимся к нему, семантики силы, активности, энергии. Имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью, то есть категория рода сама способна влиять на восприятие соответствующих слов и понятий.

Абстрактные понятия и институты нередко приобретают женские черты, ср.:

- во французском языке большая часть понятий женского рода: *Церковь (l'Église)*, *Синагога (la Synagogue)*, *Республика (la République)*, *Человечество (l'Humanité)*, *Мир (la Paix)*, *Война (la Guerre)*, *Свобода (la Liberté)*, *Революция (la Révolution)*, *Победа (la Victoire)*.

Аллегоричные формы восприятия инаковости женщины, ее особой природы, можно обнаружить в языковых явлениях, описывающих реальность, ср.:

- в немецком языке, в сознании носителя, слово *грех* ассоциируется с женщиной (*die Sünde*);
- в Ветхом Завете и в Апокалипсисе есть города-девы и города-блудницы (*Вавилон* и *Тир*) [Бовуар 2017: 234–236].

В языке австралийских аборигенов дьирбал категоризация в языке обнаруживает теснейшую связь с восприятием мужского и женского, ср.:

- языковая категория *balan* включает женщин, огонь и опасные вещи (змеи и волосатые гусеницы);
- слова *луна* и *солнце* относятся к разным категориям, как пара *муж* и *жена* в мифологическом понимании [Лакофф 2011: 132].

В работе Е. И. Горошко «Гендерная проблематика в языкознании» широко представлен обзор исследований, которые в большей степени связаны с вопросами феминизма. Так, формируется направление *феминистской лингвистики* и основные аспекты изучения языка в гендерной лингвистике:

1) язык и отражение в нем пола. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены;

2) речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации.

В современной отечественной лингвистике существует много работ, дающих обзор исследований языка в гендерном аспекте [Кирилина 1999; Горошко 2001; Кирова 2009; и др.]. В западной лингвистике это работы [Lakoff 1975; Trömel-Plötz 1978; Таннен 1996].

Есть мнение, что при всей разработанности гендерной лингвистики «исследования проводятся в основном на фонетическом и грамматическом уровнях, а также рассматриваются речевые стратегии <...>. Лексический уровень исследован мало» [Ерофеева 2011: 246]. В то же время исследователи довольно часто обращаются к

описанию особенностей речи в гендерном аспекте (см., например: [Автухович 2012; Павлова, Цыгульская 2018]).

По мнению А. В. Кирилиной, изучение женственности и мужественности именно как культурных концептов позволит «повысить обоснованность и объяснительную силу остальных направлений лингвистической гендерологии и выявить степень применимости к русскому языку полученных в мировой лингвистике результатов» [Кирилина 1999: 125].

Представляется, однако, что лексический уровень языка, будучи самым активным с точки зрения возникновения новых явлений и смены существующих тенденций, не может стать базой для выводов, которые помогут достоверно оценить ситуацию.

Дискурсивные практики фиксируют отношение говорящих к знаку. Поскольку речевое поведение формируется на глубинных стереотипных образцах, становится возможным обнаружить связи языковых структур с характеристиками говорящих и их речевыми установками. «Гендерная интрига начинает разворачиваться перед исследователем в тот момент, когда он погружается в мир дискурса, и здесь употребление языка начинает “измеряться” именно ментальным пространством дискурса» [Халеева 1999: 6].

Поэтому настоящее исследование представляет собой результаты прагматического анализа устного дискурса. Подобные выводы на материале разговорной речи сделала А. Ю. Беляева [Беляева 2002]. Однако настоящая работа выполнена в рамках прагматического аннотирования речи и с учетом особенностей социальных ролей говорящих.

Прагматические маркеры устной речи

В речи заложена масса способов выражения речевых намерений говорящего. Прагматика в лингвистике занимается изучением поведения языковых знаков в реальном процессе коммуникации. Отдельно рассматриваются и способы достижения говорящим тех или иных целей общения [Арутюнова 1990].

В устной речи обнаруживаются единицы, которые подвергаются процессу прагматикализации и в результате почти утрачивают свое лексическое и/или грамматическое значение и начинают выполнять лишь определенные функции. Вслед за Н. В. Богдановой-Бегларян, будем называть их *прагматическими маркерами* (ПМ). Функциональная типология ПМ описана в работах [Богданова-Бегларян 2014; Прагматические маркеры... 2021].

Именно с помощью ПМ говорящий эксплицирует свои коммуникативные намерения, от-

ношение к адресату, обращение к общей с собеседниками перцептивной базе. Благодаря наличию прагматических маркеров слушающий может воспринять не только содержательную, но и структурную сторону речи, понимает, как протекает коммуникация: маркируется начало и конец реплики, поиск нужной единицы, опущение (игнорирование) деталей, подчеркивание важного, затруднения разного рода и призыв продолжить коммуникацию.

Особую значимость для настоящего исследования представляют метакоммуникативные маркеры (М), которые помогают информанту осмысливать сказанное самому, а также устанавливать, а потом и поддерживать контакт с собеседником, способствовать верной интерпретации им услышанного высказывания:

- *а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую да сперва ? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / понимаешь ? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот⁴.*

Источником материала для исследования стал Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД), созданный в Санкт-Петербургском государственном университете. Материалом в данном случае служит речь информантов, записанная ими на диктофон в течение целого дня. В настоящее время корпус

содержит более 1250 часов звучания, записанных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и более 1000 их коммуникантов (см. об ОРД подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2017; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2017]).

Система метатекстового аннотирования организована в ОРД таким образом, что получившаяся база данных содержит обширную информацию и позволяет балансировать материал по разным параметрам. Одним из малоизученных аспектов в корпусе ОРД является категория социальной роли говорящего.

Все социальные роли, в которых выступали информанты ОРД, удалось сгруппировать по определенным категориям. Ниже представлен фрагмент классификации СР в ОРД и сокращения, используемые в базе для их обозначения (рисунок).

Наибольший интерес представляют роли, которые в теории социолингвистики противопоставлены между собой по принципу симметричности / асимметричности отношений [Беликов, Крысин 2001: 201–202]. Это формирует дополнительные корреляции речи говорящих: помимо гендерных и возрастных различий, показывает влияние на речь и ситуационного, ролевого, контекста [Попова 2019, 2020].

<p>Родственники:</p> <ul style="list-style-type: none"> • МУ – муж, • ЖЕ – жена • ОТ – Отец и пр. <p>Прочие родственники (без указания пола):</p> <ul style="list-style-type: none"> • СР – старшие родственники тетья, свекровь, теща, дядя и пр. • МР – младшие родственники – зять, невестка, и пр. <p>Друзья</p> <ul style="list-style-type: none"> • БД – близкий друг (бой-френд) • БП – близкая подруга (гёрл-френд) • ДР/ПО • АД – ассоциируемый друг (друг друзей, родственников) 	<p>Коллеги</p> <ul style="list-style-type: none"> • КО – коллега • КН – коллега-начальник, командир • КД – коллега-друг (подруга) <p>«Парные» отношения</p> <ul style="list-style-type: none"> • КЛ – клиент (в том числе – покупатель, в транспорте с водителем-кондуктором, на вахте, арендатор квартиры, пациент, родители пациента) • СС – сервис, сервисная служба – все кто оказывают услуги за деньги (продавец, фотограф, квартирная хозяйка, врач) • ССВ – врач • УЧ – ученик • ПР – преподаватель, учитель и пр. 	<p>Группы людей</p> <ul style="list-style-type: none"> • СТ – студент(курсант) • ПП – «попутчик», а также посетитель того же кафе, магазина, поликлиники и пр. общественных мест <p>Прочее</p> <ul style="list-style-type: none"> • ЗН – просто знакомый, не друг, не клиент, не услуга, не «партнер» • ЧУ и пр.
--	--	--

Общая классификация социальных ролей в корпусе ОРД
General Classification of Social Roles in the ORD Speech Corpus

Анализ корпусных данных

В речи говорящих, «речевые дни» которых содержат эпизоды, где они выступают в асимметричных или симметричных социальных ролях, при составлении частотных списков удалось обнаружить одну особенность: в верхней части

словника находится единица *понимаешь*, которая служит для привлечения внимания собеседника, выступая с точки зрения прагматики в роли метакommункатива [Попова 2018].

Такое функционирование контактных глаголов (КГ) в диалоге отсылает к теории вежливо-

сти П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1987], которые выделяют категорию *социального лица*, в том числе связанную с коммуникативным взаимодействием. Человек стремится как принадлежать к сообществу и получать одобрение от членов социума (*позитивное лицо*), так и обладать свободой и независимостью (*негативное лицо*). С этой точки зрения сама грамматическая форма глагола *понимаешь* направлена на установление контакта и поддержание позитивного лица собеседника, в то время как императивные формы КГ (*смотри, слушай, прикинь*) относятся, скорее, к угрозам негативному лицу слушающего.

И здесь наше исследование снова возвращается в плоскость гендерных исследований. В статье Е. А. Земской и ее коллег [Земская и др. 2015] к основным выводам относятся следующие положения:

- женщины более склонны к *кооперативной беседе* (курсив мой. – Т. П.), в связи с чем они задают больше вопросов и высказывают больше реплик-реакций, чем мужчины⁵;
- женщины более вежливы в обращении;
- женщины чаще используют косвенные просьбы, чем приказы.

В исследованиях психологов действительно подчеркивается, что типично женской чертой является ориентированность на собеседника в процессе коммуникации (см., например: [Майерс 2010]). Это снова отсылает нас к стереотипным представлениям о пассивности и уступчивости женщины. Но эта особенность подтверждается и дискурсивными практиками.

В работе Ю. А. Беляевой подобные единицы в речевом поведении женщин понимаются как проявление кооперативности и называются *актуализаторами*, или *коммуникативами* [Беляева 2002].

В ходе настоящего исследования, в результате анализа около 200 тыс. единиц, удалось обнаружить, что женщины используют метакоммуникацию в два раза чаще, чем мужчины. Сама метакоммуникация в целом широко распространена в нашем общении. В речи 15 мужчин и 15 женщин она встретилась практически у всех, но в речи женщин выявлено 156 употреблений соответствующих единиц, а в речи мужчин – только 82.

Полученные данные отличаются от тех, что были получены на материале монологической речи, ср.: «среднее количество метакоммуникативных единиц в мужском монологе любого типа – 1,35, в женском – 1,38. Т-критерий Стьюдента для этих выборок составил 0,16, а *p* (вероятность гипотезы об отсутствии влияния параметра 'пол' на количество МЕ (метакоммуникативных единиц. – Т. П.) в монологе) $\geq 0,87$, что позволяет говорить о том, что гендер информанта не влияет

на число метакоммуникативных элементов в его монологической речи» [Зайдес 2017б].

Интересно, что в речи мужчин метакоммуникация встретилась только в симметричных социальных ролях: общение с друзьями, и – в большей степени – дома с женой и детьми, ср.:

- *потом на голодный желудок её лучше не есть / знаешь* (И127, м, 42, дома с сыном)⁶;
- *идеальных условий не бывает / понимаешь ?* (И127, м, 42, дома с сыном);
- *слушай / они наверно Болеславовну% ненавидят* (И44, м, 41, дома с женой);
- *ну / видишь / похороны родственников / близких / *П они всегда вот такие вот* (И119, 49, дома с женой).

В материале исследования четко прослеживается тенденция употребления метакоммуникативов с дополнительной целью выразить недовольство, возмущение, с целью отказать:

- *языки показывает / представляешь ?* (И119, м, 49, дома с женой);
- *слушай / давай попозже ! *П или ты сейчас хочешь ?* (И36, м, 40, дома с другом);
- *слушай / давай сегодня / (м...м) в тишине проведём день / что-то у меня (...) голова трещит от этой музыки* (И36, м, 40, дома с другом);
- *ну ты представляешь / я вообще ничего в них не соображаю я !* (И35, м, 70, с женой);
- *да нет / ты знаешь / я как-то / на самом деле (...) сегодня (м-м) немножко грущу опять* (И122, м, 33, с коллегой).

Практически не встретилось случаев, когда ПМ служит вспомогательным средством выражения косвенной просьбы:

- *привет Андрей%⁷ // *П слушай / вопрос(:) в следующем / что у нас там по нарядам третьего факультета ?* (И102, м, 27, с другом);

Совсем иначе выглядит материал речи информантов-женщин. Во всех возрастных группах, вне зависимости от социальной роли, даже на работе, в ситуации формального общения, женщины активно прибегают к ПМ метакоммуникации:

- *видишь сейчас звонила (...) женщина / которая занимается этим экспериментом и спросила / я сказала / что мы с тобой ведём эксперимент* (И129, ж, 70, с дочкой);
- **В ну ты знаешь вот / ты произнесла фразу / от которой действительно *К (э) волосы дыбом* (И130, ж, 74, с подругой);
- *как будто у меня здесь такой вот большой микрофон / ты стоишь с огромной камерой / понимаешь как ещё при Владе Листьеве§ // вот такой огромный* (И61, ж, 25, с подругой);

- *это всё равно ЕГЭ было // *П имеется в виду (...) тесты такие вот / да / как с(?) вы заполняете* (И65, ж, 48, на работе);
- *так / тут никакая не ходит перепёлка? слушай / да нормально всё с ней* (И128, ж, 38, с мужем);
- *Мишаня% / знаешь как мне нравится / прямо балде(:)ю* (И77, ж, 39, на работе с коллегой);

В речи женщин трудно проследить особенную прагматическую нагруженность ПМ. Эта яркая особенность речи является лишь способом кооперации, постоянным сигналом собеседнику, что его мнение важно и нужно, что высказывание нуждается в отклике:

- *нет / это значит нужно постепенно с ребёнком / понимаешь?* (И130, ж, 74, с подругой);
- *но просто знаешь / ну () должно же быть в наших () людях хоть что-то человеческое! понимаешь? вот хоть какой-то грамм оставаться* (И136, ж, 55, с подругой);
- *смотри / *П по поводу четверга* (И65, ж, 48, с клиенткой);
- *а(:) а понимаешь / а Сергей% не считает вот нужным (а-а) у... у(:)... (м-м) как () как () ужиматься(:) / утруждать(:) себя / копить деньги(:) там на квартиру(:)* (И131, ж, 69, с подругой).

Важным представляется, что метакоммуникация является особенно характерной для старшей возрастной группы (от 55 лет) – 106 случаев из 156 (68 %), в средней возрастной группе – 34 употребления ПМ метакоммуникации (21,8 %), а в младшей всего 16 (10,2 %):

- *слушай / этот Евгений Храпов% он с офиса или откуда?* (И71, ж, 22, с коллегой-подругой);
- *видишь / я переселяюсь на Шевченко\$* (И69, ж, 20, с подругой);
- *так / смотрите () вы брали серединку зеркальный шкаф / и по бокам каналы дуба / вот вот такие как там полосочки* (И71, ж, 22, с клиентом);
- *смотрите! там ещё в этом фотоаппарате есть такая фишка* (И62, ж, 30, с клиенткой).

Во всех приведенных примерах маркер метакоммуникации полифункционален и выступает еще и в роли маркера границы (Г), точнее – стартового маркера. Обнаруженная особенность может быть тенденцией к изменению дискурсивных практик в речи женщин.

Основной массив подкорпуса устной повседневной речи подтверждает описанные ранее в работах лингвистов выводы о том, что женщины

действительно прибегают к тактике расположения к себе, «сглаживания углов».

Заключение

Внимание общественности сегодня приковано к феминитивам, употребление которых может не нравиться лингвистам и обывателям, но при этом становится показателем некоей солидарности. Современные печатные издания активно используют феминитивы, демонстрируя признание равноправия (а может, просто бояться осуждения, которое может возникнуть в любой момент?). И если крупных работ в области гендерной лингвистики на материале устной речи не появлялось очень давно, то работы в духе «Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция» [Фуфаева 2020] или «Невидимые женщины» [Перес 2020] привлекают читателей.

Но думается, что данные, полученные в ходе анализа материала живой повседневной коммуникации, с учетом различных социологических параметров, таких как социальная роль и коммуникативная ситуация, позволят получить более точное представление о том, как наши стереотипы отражаются на речевом поведении, понять, в каких ситуациях общения они наиболее активны, а когда отступают. Если «язык есть дом бытия», то осознание того, как глубинные языковые структуры отражают ментальность, может вывести общество на путь перемен, в первую очередь связанных с мышлением и культурой. Хотя кажется, что сам язык справляется с этим запросом: так, в Японии уже давно не используется «женская» форма языка, без которой нельзя было обойтись еще полвека назад (см. об этом выше), а младшая возрастная группа русскоязычных говорящих практически не использует в речи «женской» тактики кооперативности в виде метакоммуникации.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

² Любопытно, что понятие «русская женщина» в отечественной паремиологии, наоборот, имеет положительную оценку: «В русском языковом сознании образ женщины имеет более положительную оценку, чем образ мужчины. Женственность ассоциируется не со слабостью, а с силой, решительностью, выносливостью, терпением, любовью, умом и красотой. Реакции, отражающие внешние параметры русской женщины, соотносятся с крупными размерами. В славянских языках смысл больших размеров нахо-

дился в тесной связи с идеей силы. Таким образом, лексема *сила* (*сильный*) непосредственно входит в число частотных реакций на стимул “русский мужчина”, тогда как образ русской женщины ассоциируется с силой более опосредованно – через описание ее внешности. Учитывая частотность крылатой фразы *Коня на скаку остановит...*, можно заключить, что в образе русской женщины сочетаются сила и внешняя привлекательность, не исключая друг друга» [Кирилина 1999: 165], см. также: [Уфимцева 1996].

³ В Японии мужская речь денотативна, а женская – коннотативна. Женская речь наиболее ярко отличается от мужской в области грамматики, лексики и интонации. Для женской речи характерны мягкость произношения, сдержанность, спокойный тон повествования. Женщины используют самые вежливые обороты, существующие в японском языке: «Женщины ориентируются на “открытый” социальный престиж, т. е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения: их речь более нейтральна, статична. Мужчины, наоборот, не боятся выглядеть в речи небрежными и раскрепощенными, стремясь к так называемому “скрытому престижу” – отклонению от норм и правил общения» [Котхофф 2005: 596–598].

⁴ Знаки *П и (...) в расшифровках ОРД означают хезитационные паузы разной длительности; знак (*) после слова – ошибку того или иного рода, (э...э) – звуковое заполнение пауз хезитации. О других особенностях орфографического представления материала ОРД (знаках дискурсивной транскрипции) см.: [Русский язык... 2016: 242–243].

⁵ Стоит отметить, что более позднее исследование устного дискурса на корпусном материале показало, что вопросительных реплик в целом в корпусе ОРД существенно (почти в три раза) больше, чем восклицательных (2,0 vs. 0,7 % в общем частотном списке), а в речи мужчин их несколько больше, чем в речи женщин (2,4 vs. 1,94 %). В речи информантов младшей возрастной группы (до 30 лет включительно) реплик-вопросов оказалось в два раза больше, чем у старших информантов (старше 50 лет) (2,5 vs. 1,3 %), и только у младших и старших в верхнюю зону частотного списка попали восклицательные реплики (0,8 и 1,04 % соответственно) [там же: 80–81]. Эти же выводы можно сделать и на материале устных монологов, собранных в корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (см. о нем.: [Звуковой корпус... 2013]). В монологах мужчины в три раза чаще, чем женщины, прибегают к использованию вопросно-ответной формы рассуждения, в два раза ча-

ще оценивают соответствие своей речи определенному коммуникативному сценарию, немного чаще (в 1,2 и 1,3 раза) употребляют различные дискурсивные маркеры и самокоррекцию. Исследование подтверждает также некоторые устойчивые лингвистические гендерные стереотипы: женщины склонны выражать (вербализовать) затруднения и сомнения в своей речи, делая ее более эмоциональной, а мужчины чаще строят часть монолога в вопросно-ответной форме, в стремлении структурировать и упорядочить свою речь [Зайдес 2017а].

⁶ Все примеры в работе атрибутированы с указанием кода говорящего (И1, И2...), а также его пола и возраста.

⁷ В корпусе «Один речевой день» для разметки аудиофайлов была разработана специальная система аннотирования. Например, специальные символы (\$, %) используются при именах собственных для дальнейшей анонимизации содержания материалов.

Список литературы

Автухович Ю. Э. Влияние факторов «Специальность» и «Гендер» на употребление видовых форм глагола // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17). С. 33–40.

Арутюнова Н. Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 389–390.

Беляева Ю. А. Особенности речевого поведения мужчин и женщин: на материале русской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 19 с.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с.

Бовуар С. Второй пол. СПб.: Азбука, 2017. 928 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В. и др. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи / Н. В. Богданова-Бегларян, Т. Ю. Шерстинова, О. В. Блинова, Г. Я. Мартыненко // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): тр. седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие. Харьков, СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 508–543.

Зайдес К. Д. Джентльмены предпочитают вопросы: метакоммуникативы в речи представительных разных социальных групп // *Русская филология: сб. ст. по материалам конф.* Тарту, 2017а. Вып. 28. С. 271–275.

Зайдес К. Д. Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи: дис. ... маг. лингв. СПб., 2017б. 239 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллект. моногр. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // *Язык как деятельность* / ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015. С. 563–645.

Зубенко Я. В. Актуализация гендерного аспекта в женском нарративе // *Коммуникативные исследования.* 2020. Т. 7, № 3. С. 641–658.

Ерофеева Т. И. Частные социолекты: социальная стратификация устной речи // *Проблемы социо- и психолингвистики.* Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн: сб. ст. / отв. ред. Е. В. Ерофеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. С. 211–227.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.

Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2009. Вып. 8(86). С. 138–140.

Котхофф Х. Гендерные исследования в прикладной лингвистике / пер. с нем. М. В. Томской // *Гендер и язык* / под ред. А. В. Кирилиной. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 563–622.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. 888 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и другие опасные вещи. Что категория языка говорит нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки слав. культуры, 2011. 512 с.

Майерс Д. Социальное влияние // *Социальная психология.* 7-е изд. СПб.: Питер, 2010. С. 200–241.

Павлова Д. С., Цыгульская Л. Д. Влияние пола и возраста говорящих на семантическую структуру устного спонтанного текста // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.* 2018. Т. 1, № 4. С. 118–127.

Перес К. К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин? Неравноправие, основанное на данных: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2020. 496 с.

Попова Т. И. Частотные списки как инструмент поиска лингвистических коррелятов социальных ролей говорящего // *Вестник Бурятского государственного университета. Филология.* 2018. Т. 2, № 2. С. 33–41.

Попова Т. И. Маркеры метакоммуникации в разных социальных ролях говорящего: на материале прагматического аннотирования корпусных данных // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии.* Вып. 3: тр. XXII Международной объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. СПб.: Университет ИТМО, 2019. С. 50–60.

Попова Т. И. Кто в доме хозяин? Или о том, чья очередь говорить // *Русская речь.* 2020. № 1. С. 7–20.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. М.: Языки слав. культуры, 2021. 405 с. В печати.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллект. монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга: пер. с англ. М.: Вече, 1996. 429 с.

Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // *Новое в лингвистике.* Вып. 1: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–169.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания* / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

Фуфаева И. В. Как называются женщины? Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: Corpus, 2020. 304 с.

Халева И. И. Гендер как интрига познания // *Гендерный фактор в языке и коммуникации.* Иваново: Рудомино, 1999. С. 5–9.

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation // *Matoušek, V., Mautner, P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009. P. 250–257.*

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian // *SPECOM 2017. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017. P. 503–511.*

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 358 p.

Lakoff R. Language and Woman's Place. New York, Harper, 1975. 83 p.

Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte, 1978. S. 49–68.

References

Avtukhovich Yu. E. Vliyanie faktorov 'Spetsial'-nost' i 'Gender' na upotreblenie vidovykh form glagola [Influence of the factors 'Specialty' and 'Gender' on the usage of verb aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 1(17), pp. 33–40. (In Russ.)

Arutyunova N. D. Pragmatika [Pragmatics]. *Linguvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartsev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1990, pp. 389–390. (In Russ.)

Belyaeva Yu. A. *Osobennosti rechevogo povedeniya muzhchin i zhenshchin: Na materiale russkoy razgovornoy rechi. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Features of speech behavior of men and women: a case study of Russian colloquial speech. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2002. 19 p. (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 439 p. (In Russ.)

Beauvoir S. *Vtoroy pol* [The Second Sex]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2017. 928 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 3(27), pp. 7–20. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. Korpus *Odin rechevoy den'* v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoy variativnosti russkoy razgovornoy rechi ['One Speaker's Day' corpus in studies of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [The analysis of Russian colloquial speech (AR3-2017): Proceedings of the 7th interdisciplinary seminar]. Ed. by D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg, Politehnika-print Publ., 2017, pp. 14–20. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya., Zaydes K. D., Popova T. I. Annotirovanie pragmaticheskikh markerov v russkom rechevom korpusе: problemy, poiski, resheniya, rezul'taty [Annotating pragmatic markers in the Russian Speech Corpus: Issues, searches, solutions, results]. *Kompyuternaya lingvis-*

tika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog' [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference 'Dialog'], 2019, issue 18(25), pp. 72–85. (In Russ.)

Goroshko E. I. Gendernaya problematika v yazykoznanii [Gender problematics in linguistics]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Uchebnoe posobie* [Introduction to gender studies. Textbook]. Kharkiv, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, pt. 1, pp. 508–543. (In Russ.)

Zaydes K. D. Dzhentl'meny predpochitayut voprosy: metakommunikativy v rechi predstaviteley raznykh sotsial'nykh grupp [Gentlemen prefer questions: Metacommunicative items in the speech of different social groups]. *Russkaya filologiya. Vyp. 28* [Russian Philology], Tartu, 2017a, issue 28, pp. 271–275. (In Russ.)

Zaydes K. D. *Metakommunikatsiya v russkoy ustnoy spontannoy rechi*. Dis. mag. lingv. [Metacommunication In Russian oral spontaneous speech. Master's thesis in linguistics]. St. Petersburg, 2017b. 239 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. *Chtenie. Pereskaz. Opisanie* [The Sound Corpus as Material for Analyzing Russian Speech. Collective monograph. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. *Yazyk kak deyatel'nost': monografiya* [Language as an activity: Monograph]. Ed. by E. A. Zemskaya. 2nd edition. Moscow, Flinta Publ., 2015, pp. 563–645. (In Russ.)

Zubenko Ya. V. Aktualizatsiya gendernogo aspekta v zhenskom narrative [Actualization of the gender aspect in female narrative]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2020, vol. 7, issue 3, pp. 641–658. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Chastnye sotsiolekty: sotsial'naya stratifikatsiya ustnoy rechi [Private sociolects: Social stratification of oral speech]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki. Vyp. 15. Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy. K 70-letiyu Ally Solomonovny Shtern. Sbornik statey* [Issues of socio-psycholinguistics. Issue 15. Perm socio-psycholinguistic school: Ideas of three generations. On the occasion of the 70th anniversary of Alla Solomonovna Stern. Collection of articles]. Ed. by E. V. Erofeeva. Perm, Perm State University Press, 2011, pp. 211–227. (In Russ.)

Kirilina A. V. *Gender: lingvisticheskie aspekty*. [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow, Institute of

Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 189 p. (In Russ.)

Kirova A. G. Razvitie gendernykh issledovaniy v lingvistike [The evolution of gender studies in linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2009, issue 8 (86), pp. 138–140. (In Russ.)

Kotthoff H. Gendernye issledovaniya v prikladnoy lingvistike [Gender studies in applied linguistics]. Transl. from German by M. V. Tomskaya. *Gender i yazyk* [Gender and language]. Ed. by A. V. Kirilina. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 563–622. (In Russ.)

Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu i sotsiolingvistike* [Russian Word, One's Own and Someone Else's: Research on Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 888 p. (In Russ.)

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i drugie opasnye veshchi: Chto kategoriya yazyka govorit nam o myshlenii? Kniga 1. Razum vne mashiny* [Women, Fire, and Other Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind? Book 1. The Mind beyond the Machine]. Transl. from English by I. B. Shatunovskiy. Moscow, 2011, LRC Publishing House. 512 p. (In Russ.)

Myers D. Sotsial'noe vliyanie [Social influence]. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. 7th edition. St. Petersburg, Piter Publ., 2010, pp. 200–241. (In Russ.)

Pavlova D. S., Tsygul'skaya L. D. Vliyanie pola i vozrasta govoryashchikh na semanticheskuyu strukturu ustnogo spontannogo teksta [Influence of human gender and age on the semantic structure of oral spontaneous text]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after the V. N. Tatishchev], 2018, vol. 1, issue 4, pp. 118–127. (In Russ.)

Perez C. C. *Nevidimye zhenshchiny: pochemu my zhivem v mire, udobnom tol'ko dlya muzhchin? Neravnopravie, osnovannoe na dannykh* [Invisible women: Data bias in a world designed for men]. Transl. from English. Moscow, Alpina Publ., 2020. 496 p. (In Russ.)

Popova T. I. Chastotnye spiski kak instrument poiska lingvisticheskikh korrelyatov sotsial'nykh roley govoryashchego [Frequency lists as a search tool for linguistic correlates of social roles of the speaker]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [The Buryat State University Bulletin. Philology], 2018, vol. 2, issue 2, pp. 33–41. (In Russ.)

Popova T. I. Markery metakommunikatsii v raznykh sotsial'nykh rolyakh govoryashchego: na materiale pragmaticheskogo annotirovaniya korpusnykh

dannykh [Markers of metacommunication in different social roles of the speaker: Based on the material of pragmatic annotation of corpus data]. *Kompyuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii. Vyp. 3. Trudy XXII Mezhdunarodnoy ob'edinennoy nauchnoy konferentsii 'Internet i Sovremennoe Obshchestvo'*, IMS-2019, Sankt Peterburg, 19–22 iyunya 2019 g. *Sb. nauch. tr.* [Computational linguistics and computational ontologies. Issue 3. Proceedings of the 22nd international scientific conference 'Internet and Modern Society', IMS-2019, June 19–22, 2019. Collection of scientific works]. St. Petersburg, ITMO University Press, 2019, pp. 50–60. (In Russ.)

Popova T. I. Kto v dome khozyain? Ili o tom, chya ochered' govorit' [Who is the boss in the house? Or about whose turn it is to speak]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2020, issue 1, pp. 7–20. (In Russ.)

Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi: Slovar'-monografiya [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-monograph]. Comp., ed. and preface by N. V. Bogdanova-Beglaryan. Moscow, LRC Publishing House, 2021. 405 p. In print. (In Russ.)

Russkiy yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya [The Russian Language of Everyday Communication: Features of functioning in different social groups. Collective monograph]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, LAYKA Publ., 2016. 244 p. (In Russ.)

Tannen D. *Ty menya ne ponimaesh'! Pochemu zhenshchiny i muzhchiny ne ponimayut drug druga?* [You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation]. Transl. from English. Moscow, Veche Publ., 1996. 429 p. (In Russ.)

Whorf B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. *Novoe v lingvistike* [The New in Linguistics]. Transl. from English. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, issue 1, pp. 135–169. (In Russ.)

Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [The Russians: Experience of self-cognition]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethno-cultural specific features of language consciousness]. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 139–162. (In Russ.)

Fufaeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny? Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya* [What are Women Called? Feminitives: History, Structure, Competition]. Moscow, Corpus Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)

Khaleeva I. I. Gender kak intriga poznaniya [Gender as the intrigue of cognition]. *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender in language and

communication]. Ivanovo, Rudomino Publ., 1999, pp. 5–9. (In Russ.)

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication ‘One Speaker’s Day’: Creation Principles and Annotation. *LNAI*, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257. (In Eng.)

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic Features and So-

ciolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian. *SPECOM 2017. LNAI*, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511. (In Eng.)

Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 358 p. (In Eng.)

Lakoff R. *Language and Woman’s Place*. New York, Harper, 1975. 83 p. (In Eng.)

Trömel-Plötz, S. Linguistik und Frauensprache. *Linguistische Berichte*, 1978, pp. 49–68. (In Ger.)

METACOMMUNICATIVE PRAGMATIC MARKERS: GENDER ASPECT

Tatiana I. Popova

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. tipopova13@gmail.com

SPIN-code: 5935-5281

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2066-7868>

ResearcherID: AAU-2106-2020

Submitted 02.03.2021

The article deals with the use of metacommunicative pragmatic markers in the gender aspect, taking into account the social roles of the speaker. The research is carried out based on the data of the ORD corpus of Russian Everyday Speech, known as ‘One Speaker’s Day’, which contains transcripts of audio recordings obtained under natural conditions. The subsample includes about 200 thousand words. It features episodes of ‘speaker’s days’ of 15 women and 15 men belonging to three age groups. The informants act in various social roles, opposed by the principle of symmetry/asymmetry. Pragmatic annotation of the material and further discursive analysis have demonstrated that metacommunication is actively used in the speech of the informants, but it is much more common for the women’s speech. The men use markers of this type with specific speech tasks, for example, for a refusal (*slushay / u menya net deneg <look / I have no money>*); in the women’s speech, the variability of metacommunicative markers is wider but there is no functional diversity. This confirms the observations of linguists, obtained from the material of various languages, that women tend to cooperate and maintain dialogue to a greater extent than men. From the perspective of feminist linguistics, this feature of female speech is directly related to the issues of the women’s dependent position since it reflects their passivity and the habit of yielding. However, more than half of the detected uses belong to the speech of women of the older age group (from 55 years old) who communicate with relatives and friends, while in the younger age group the metacommunicative pragmatic markers become multifunctional and also act in speech as a start marker.

Key words: sociolinguistics; gender linguistics; corpus linguistics; oral speech; linguistic relativity; pragmatic markers; metacommunication.

УДК 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-51-59

КОГНИТИВНЫЙ ПАТТЕРН «МЕНТАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Екатерина Владимировна Савицкая

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации

Самарский государственный социально-педагогический университет

443090, Россия, г. Самара, ул. Блюхера, 25. lampasha90@mail.ru

SPIN-код: 6221-5780

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4630-7521>

ResearcherID: N-1799-2015

Статья поступила в редакцию 23.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Савицкая Е. В. Когнитивный паттерн «Ментальные явления» в английской лингвокультуре // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 51–59. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-51-59

Please cite this article in English as:

Savitskaya E. V. Kognitivnyy pattern «Mental'nye yavleniya» v angliyskoy lingvokul'ture [The Cognitive Pattern 'Mental Phenomena' in the English Linguoculture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 51–59. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-51-59 (In Russ.)

В статье рассматриваются историческая преемственность и структурный параллелизм наглядно-образного и абстрактно-понятийного языкового мышления. Показывается, каким путем предметные образы обретают символическую функцию, выражая отвлеченные идеи, и как образы событий внешнего (материально-предметного) мира моделируют события внутреннего (ментального) мира. Указывается, что в ходе эволюции человеческое мышление, становясь абстрактно-теоретическим, наследовало паттерны, выработанные на предшествующих этапах. Более новые представления о мире зиждутся на прежних, используя их как фундамент. В основе абстрактного мышления лежат наглядно-чувственные представления. В порядке иллюстрации представлен один из когнитивных паттернов английской лингвокультуры – паттерн «Ментальные явления». В рамках английской лингвокультуры образы событий материально-предметного мира моделируют события ментального мира. Результаты этого процесса закреплены в значениях и внутренней форме единиц английского языка. На примерах демонстрируется, что сенсорный субстрат глубоко и органично врос в абстрактное мышление и подспудно влияет на него. Показывается, что даже научное абстрактное мышление не лишено сенсорной наглядности, которая выступает как его когнитивный субстрат. Эта наглядность, дающая возможность моделировать объекты методом аналогии, играет полезную роль в научном мышлении. В семантике многих единиц английского языка, входящих в поле «Ментальные явления», на том или ином этапе их исторического развития обнаруживается предметно-наглядный образ из внешнего мира.

Ключевые слова: сенсорный образ; абстрактное понятие; когнитивный паттерн; моделирование действительности; ментальные явления.

По свидетельству антропологов и психологов-когнитивистов ([Клочко 2011], [Шадриков 2017], [Курпатов 2020] и др.), человеческое мышление в процессе доисторической, а затем исторической эволюции прошло предметно-наглядную и сенсорно-образную стадии, в конечном счете достигнув той стадии, которая характеризовалась

использованием абстракций и разработкой теоретических конструкций. Но вышеупомянутые стадии не разделены пропастью; эволюция мышления осуществлялась на базе преемственности и структурной аналогии моделей действительности, возникавших на перечисленных стадиях развития.

Современное абстрактно-теоретическое мышление унаследовало ряд схем, сформировавшихся на более ранних исторических этапах и обретших характер архетипов; нынешние представления о реальности основаны на предыдущих, служащих когнитивным фундаментом для новых представлений. Абстрактные понятия имеют в своей основе наглядно-чувственные образы мира.

С целью анализа вышеупомянутых схем в нашей статье используется термин *когнитивный паттерн*, который определяется как «совокупность совместных взаимно-сопряженных отношений между различными объектами, явлениями, свойствами и процессами окружающего мира <...> Когнитивные паттерны – это модели познания действительности <...>, базовые интуитивные репрезентации (образы), которые задают специфическое видение действительности, являются точкой отсчета в осмыслении мира» [Баксанский, Гнатик, Кучер 2010: 5].

С лингвистических позиций проблема когнитивного субстрата языкового мышления рассматривалась исследователями, которые занимались вопросами соотношения значения и внутренней формы языковых единиц, начиная с трудов А. А. Потебни ([2019, 2020] и др.). Он перевел в лингвистическое русло гегелевский философский термин *внутренняя форма содержания*, обосновал необходимость использования термина *внутренняя форма слова* и ввел его в широкий научный обиход.

В XXI в. проблематика преемственности конкретно-наглядного и абстрактно-теоретического языкового мышления представлена в трудах отечественных ([Болдырев 2006; Рязанова 2008; Березина 2013; Сова 2014; Семененко 2017; Калмыкова 2019] и др.) и зарубежных лингвистов ([Gibbs 2006; Gleitman, Papafragu 2018; Clement 2017] и др.). Рассматриваются виды отношений между значением и внутренней формой языковых единиц, их взаимодействие в ходе языкового мышления и общения, отражение истории культуры в наслоениях семантических пластов языковых единиц и другие подобные вопросы. Наша работа написана в русле этого научного направления.

Материалом исследования послужил фрагмент английской лингвокультуры. Мы рассмотрели входящий в нее когнитивный паттерн «Ментальные явления». Образы событий материально-предметного мира моделируют и символизируют события духовного мира. Результаты этого процесса закреплены в значениях, внутренней форме и сочетаемости английских языковых единиц, именуемых умственные действия и состояния.

В ходе эволюции мышления люди постепенно избавились от наивного отождествления внешнего (материального) мира и внутреннего (когнитивного) мира и научились различать их. Внешний мир они воспринимали с помощью своего сенсорного аппарата и потому имели о нем наглядное представление. Что касается внутреннего мира, он, как известно, не может непосредственно восприниматься органами чувств; люди делали выводы о его существовании исходя из человеческого поведения, то есть опосредованно. У людей возникли представления о рациональных, эмоциональных и интенциональных состояниях, действиях, событиях внутреннего мира, ждавших осмысления и именования.

Не располагая арсеналом средств научного исследования, древние люди использовали единственную доступную возможность: они стали осмысливать явления внутреннего мира сквозь призму известных им событий внешнего мира. На принципе моделирования неизвестного с помощью известного основан такой метод познания, как проведение аналогии – вписывание новооткрытых феноменов в имеющиеся когнитивные форматы; это начальный этап познания, на котором появилась историческая преемственность и возник структурный параллелизм предметно-практической и ментальной деятельности.

В рамках религиозных верований ментальный мир человека был назван душой. Душа понималась фактически как предмет, состоящий из материи, но не грубой, а тонкой – чего-то вроде выдыхаемого пара. Пар почти неосязаем и почти невидим, но только почти: он всё-таки немного осязаем и видим. Такое представление о психике было наивной попыткой компромиссного решения когнитивного противоречия между реальностью и нематериальностью психики. Представить себе нечто реальное, но не материальное было не по силам неискушенному сознанию древних людей. На этой почве возникли английские наименования, увязывающие ментальность с дыханием:

- *spirit / sprite* ‘дух’ от лат. *spiritus* ‘дух’ от лат. *spiro* ‘дышу’;
- *Breath of God (= Holy Spirit)* ‘Дух Святой’ от *breath* ‘дыхание’;
- *ghost* ‘дух’ от древнеангл. *gāst* ‘дыхание’.

В представлениях древних людей душу вне тела можно было видеть:

- *spectre / specter* ‘привидение’ от лат. *spicĕre* ‘зреть’;
- *vision* ‘видение’ от лат. *visio / visiōnem* ‘видение; зрение’;
- *wraith* ‘привидение’ от гэльск. *arrach* ‘прозрачное облачко пара’;

- *apparition* 'призрак' от лат. *apparere* 'являться, появляться на виду';
- *phantom / phantasm* 'видение' от греч. *phainein* 'быть / становиться видимым';
- *shadow / shade* в значении 'дух, призрак', производном от значения 'тень'.

В этих примерах тоже наблюдается попытка совместить материальное с нематериальным: из всех физических свойств у приВИДения имеется только способность быть ВИДимым, что отражено во внутренней форме его названий, но у него почти нет веса (оно парит над землей), плотности и осязаемости (оно проходит сквозь предметы), почти нет других свойств материального тела.

Здесь важна оговорка «почти». В русле наивных представлений дух, душа не могут быть полностью нематериальными – ведь тогда их невозможно было бы моделировать, а следовательно, и осмысливать. Ментальный мир немислим без сенсорных (прежде всего визуальных) представлений о нем. Невозможно осмыслить пустоту; ведь обыденное сознание воспринимает пустоту как ничто.

Таковы традиционные многовековые представления о психике, которые закреплены в английском языке. Следует подчеркнуть: здесь мы говорим не о текстах, а о системе языка, о том, что содержится в языковых единицах – словах и устойчивых словосочетаниях. Именно через них, через их значения, внутреннюю форму и сочетаемость, вышеупомянутые представления влияют на картину мира и мировоззрение англосаксов и передаются в поколениях.

До сих пор многие представители английской лингвокультуры, хотя они и получили современное естественно-научное образование, верят в бессмертную душу, общение с призраками и т. п. Но даже те, кто в это не верит, словесно формулируют свои мысли так, как будто они в это верят, потому что, согласно гипотезе лингвистической относительности (см.: [Sapir 2014], [Whorf 2020]), выражать мысли таким способом предпочитает им родной язык. Например:

- *to keep body and soul together* 'выживать' (букв. 'держат тело и душу вместе');
- *to give up the ghost / to yield one's breath* 'испустить дух';
- *to join the silent majority* 'отправиться к праотцам';
- *to pour out one's soul* 'излить душу' и др.

Даже у атеистов этот когнитивный паттерн подспудно влияет на восприятие мира – столь велика сила слова, заставляющая людей мыслить в этом формате.

Но если, по логике этого формата мышления, психика есть в некотором смысле материальное

образование, то внутри себя она тоже организована по образцу материального мира. Такие представления естественны для наивного сознания. Дефицит фактов компенсируется воображением, которое при этом выполняет не развлекательную и не эстетическую, а познавательную функцию.

С целью составить представление о строении психики народ создал ее визуальную модель. Подчеркнем: в обыденном сознании визуальная модель – это не абстрактная научная схема, а жизненно-наглядная «картина».

Проведем параллель. По свидетельству К. И. Чуковского, когда родители рано начинают разъяснять ребенку тайну его рождения, сообщая, что сначала он «жил у мамы в животике», ребенок тут же принимается реконструировать ситуацию, исходя из того житейского опыта, который у него уже имеется; так, он фантазирует, что в животике у мамы у него был домик, садик, в котором он гулял и играл, и т. д. и т. п. [Чуковский 2019]. По закону Геккеля [Haeckel 2016], который действует не только в области биологической наследственности, но и в сфере культурного наследия, в филогенезе происходило то, что в свернутом виде повторяется в онтогенезе. Подобно вышеупомянутому ребенку мыслили в давние времена люди взрослые, но в ряде отношений столь же наивные. Они представляли себе, что духовный мир – это пространство, имеющее измерения, что в нем находятся различные предметы и происходят разнообразные события, аналогичные событиям внешнего мира. Согласно данным английского языка, ментальный мир обладает некоторыми пространственными характеристиками:

глубиной:

- *the depths of smb.'s soul, deep / shallow mind, the bottom of smb.'s soul* (в глубине души, глубокий / поверхностный ум, мелкая душонка, на дне души);

высотой:

- *high soul, elevated soul / mind, high / low intellect / intelligence* (высокий / возвышенный дух, низкие помыслы, высокий / низкий интеллект);

шириной:

- *broad / narrow mind, vast / big soul, narrow / petty soul* (широта помыслов / души, широкий горизонт мышления, бескрайний дух).

Согласно распространенному представлению, ментальный мир человека расположен не в мозгу, а в сердце и имеет центр (*in / from the core of smb.'s soul, in the heart of hearts* – в самом сердце) и периферию (*at the back of smb.'s mind* – на задворках ума / души).

Понятия об умственных операциях возникли на основе понятий о действиях внешних, пред-

метно-практических. Это видно на примере английских названий арифметических действий:

- *to add* ‘складывать’ от лат. *ad-* ‘при-’ + *dare* ‘ставить’, букв. ‘приставлять’;
- *to subtract* ‘вычитать’ от лат. *sub-* ‘от-’ + *trahere* ‘тащить’, букв. ‘оттаскивать’;
- *to multiply* ‘умножать’ от *multi* ‘много’ + *plexere* ‘плести’, букв. ‘переплестать’;
- *to divide* ‘делить’ от лат. *dis-* ‘рас-’ + *visare* ‘членить’, букв. ‘расчленять’;
- *to extract a root* ‘извлекать корень’ от лат. *ex-* + *trahere* + *root*, букв. ‘корчевать’;
- *to square / to cube* ‘возводить в квадрат / в куб’, букв. ‘квадратить / кубить’;
- *to exponentiate* ‘возводить в степень’ от *ex* + *ponere* ‘двигать’ букв. ‘выдвигать’;
- *to compute* ‘считать’ от лат. *com-* ‘со-’ + *putare* ‘ставить’, букв. ‘ставить в ряд’.

Внутренняя форма этих слов наглядно демонстрирует, какими путями возникали в диахронии соответствующие понятия и наименования. Согласно М. М. Маковскому [2007], современное значение слова – это вершина большой вертикали исторических наслоений лексической семантики, которая возникла в результате развития семантической структуры (спектра значений) слова. В ходе анализа абстрактных значений, спускаясь по этой вертикали в историю языка, на той или иной «глубине» мы обнаруживаем конкретно-наглядную образную основу рассматриваемых нами абстракций.

В порядке иллюстрации приведем историческую вертикаль английского существительного *interest* (по данным словарей [KED], [OED]):

- “интерес; прибыль” (XX в.);
- “денежный заём” (XVI в.);
- “корысть; забота” (XV в.);
- “важность, значимость” (XIV в.);
- англо-норманд. “центральное положение” (XII в.);
- лат. *inter est* (презенс 3-го лица ед. числа от *inter esse* “находиться посреди”).

Другие ментальные действия тоже обозначаются словами, восходящими к названиям предметно-практических действий, например:

- **синтезировать**: *to synthesize* от древнегреч. *syn-* ‘со-’ + *tithenai* ‘ставить’, букв. ‘составлять’;
- **анализировать**: *to analyse* от древнегреч. *ana-* ‘раз-’ + *lyein* ‘класть’, букв. ‘разлагать’;
- **предполагать**: *to suppose* от лат. *sub-* ‘под-’ + *ponere* ‘класть’, букв. ‘подкладывать’;
- **полагать**: *to assume* от лат. *ad-* ‘при-’ + *sumere* ‘брать’, букв. ‘прибирать’;
- **размышлять**: *to brood* ‘вынашивать мысль’ от *to brood* ‘высиживать (птенцов)’;
- **рассуждать**: *to consider* от лат. *considerare* ‘пристально смотреть, наблюдать’;

- **делать выводы**: *to deduce* от лат. *de-* ‘вы-’ + *ducere* ‘водить’, букв. ‘выводить’;
- **обдумывать**: *to ponder* от лат. *ponderare* ‘взвешивать’ etc.

У тематической группы английских глаголов, обозначающих понимание, постижение, усвоение сведений, в качестве внутренней формы выступает семема ‘брать, хватать’ и тематически близкая семема ‘принимать внутрь, глотать’:

- *to get it / to grasp / to catch* ‘угадать, ухватить смысл’ (букв. ‘поймать’);
- *to comprehend* ‘постичь’ от лат. *com-* ‘со-’ + *prehendere* ‘хватать’;
- *to conceive* ‘уяснить’ от лат. *con-* ‘со-’ + *cipere* ‘захватывать’;
- *to take in* ‘усвоить’ (букв. ‘принять внутрь’);
- *to swallow* ‘уразуметь’ (букв. ‘проглотить’).

Что касается английского глагола *to understand* ‘понять’, в его составе, по данным этимологического словаря [OED], префикс *under-* означает не ‘под’ (как в настоящее время), а (устар.) ‘посреди’. С учетом того, что *-stand* означает ‘стоять, находиться’, мы убеждаемся в том, что понимание сущности объекта представлено в данном случае как пребывание в его центре.

Упомянем в этой связи и английское прилагательное *clever* ‘умный’ от (дуал.) *cliver* ‘искусный в хватании, ловле’ (ср. рус. *хват* ‘ловкач’; *ловкий* от *ловить*). Проведение параллели между пониманием и хватанием подчеркивает, что понимание – это усвоение сведений, их включение в чей-л. когнитивный мир.

Глаголы, которые входят в другой синонимический ряд, – *to penetrate*, *to permeate*, *to pervade* – буквально означают ‘проникать внутрь’, а фигурально – ‘постигать глубинный смысл чего-л., переходить с уровня явления на уровень сущности’. Научное познание нередко метафорически представляется как прорыв (*break in*), как погружение в глубину (*immersion*, *going deeply in*). Ср. также *superficial / deep / profound knowledge* (поверхностные / глубокие знания). Таким путем высвечивается еще один аспект феномена понимания, а именно приближение к скрытой сущности объекта.

Английское слово *intelligence* ‘разум’ восходит к причастию настоящего времени *intelligens* от латинского глагола *intellegere* ‘понимать, постигать’, а английское слово *intellect* – к причастию прошедшего времени *intellēctus* этого же латинского глагола, в котором произошла фонетическая ассимиляция: его первоначальной формой была форма *inter legere* ‘читать между (строк)’. Здесь понимание представлено как умение находить имплицитный смысл.

Взаимное наложение вышеуказанных семантических моделей феномена понимания позволя-

ет убедиться, что в английском языке понимание подается как проникновение внутрь объекта, в самую его сердцевину, поиск и схватывание скрытого там «предмета» (сущности), расположенного в этой сердцевине.

Рассмотрим в этой связи также средства выражения понятий созидания и уничтожения. Они относятся и к внешнему (материальному), и к внутреннему (духовному) миру. Наблюдения показывают, что соответствующие английские названия имеют предметно-физический, конкретно-наглядный когнитивный субстрат, хотя они могут обозначать абстрактные ментальные действия.

В английском языке отражено складывавшееся в течение многих веков интуитивное представление британского народа о законах сохранения материи и энергии; по этим законам, нечто не возникает из ничего и не превращается в ничто. Во внутренней форме английских наименований созидание образно представлено не как сотворение чего-либо из ничего, а как формирование, т. е. придание той или иной формы (структуры) тому, что до сих пор существовало, но не имело данной формы:

- *to erect* ‘сооружать’ от лат. *e-* ‘вы-’ + *rectus* ‘прямой’, т. е. букв. ‘выпрямлять’;
- *to build* ‘созидать’ от древнеангл. *byldan* ‘строить дом’ от герм. **bōþlq* ‘жилище’;
- *to design* ‘конструировать’ от лат. *designāre* ‘маркировать; чертить, рисовать’;
- *to make* ‘делать’ от древнеангл. *macian* ‘придавать форму; строить’;
- *to fabricate* ‘фабриковать’ от лат. *fabricāre* ‘конструировать, строить’;
- *to construct* ‘изготавливать’ от лат. *con-* ‘со-’ + *struere* ‘строить’;
- *to form / to shape* ‘формировать, придавать форму’.

Далее, созидание представлено в английском языке как выдвижение объекта с заднего плана на передний:

- *to produce* от лат. *pro-* ‘вперед’ + *ducere* ‘водить’, букв. ‘выводить вперед’;
- *to frame* ‘сооружать’ от древнеангл. *fram* ‘вперед’, т. е. букв. ‘выдвигать’;
- *to project* от лат. *pro-* ‘вперед’ + *iacere* ‘толкать’, т. е. букв. ‘выталкивать’;
- *to spawn* от лат. *expandere* ‘метать икру’ от лат. *ex-* ‘вы-’ + *pendere* ‘лить’;
- *to generate* ‘порождать’ от лат. *generare* ‘давать начало роду; рожать’;
- *to (pro)create* от лат. *pro-* ‘вперед’ + *creare* ‘выталкивать; рожать’;
- *to bring forth* ‘создавать’ (т. е. букв. ‘выводить вперед; рожать’).

Кроме того, созидание мыслится как воздвижение (вертикализация):

to originate ‘созидать’ от лат. *oriri* ‘поднимать’ от индоевр. **heri-* ‘поднимать’
to put up to build up / to make up / to set up ‘созидать’ (т. е. букв. ‘воздвигать’)

Выдвижение предмета на передний план и его переведение из лежачего положения в стоячее ведут к тому, что он становится видимым наблюдателю. Возникновение предмета из небытия приравнивается к его появлению в поле зрения. Объективный процесс (созидание) представлен в виде субъективного процесса (попадания на глаза). Не случайно глагол *to appear* ‘появляться’ имеет два значения: 1) ‘*to start to exist*’ (начать существовать); 2) ‘*to start to be seen or to be present*’ (начать быть видимым / присутствовать) [CALD].

С субъективной точки зрения возникнуть – значит попасть в поле зрения. Люди воспринимают всё со своих позиций. Язык антропоцентричен.

Кроме того, созидание представлено как соединение частей в целое:

- **конституировать**: *to constitute* от лат. *con-* ‘со-’ + *stituere* < *statuere* ‘ставить’, букв. ‘составлять’;
- **синтезировать**: *to synthesize* от древнегреч. *syn-* ‘со-’ + *tithenai* ‘ставить’, букв. ‘составлять’;
- **собирать**: *to assemble* от старофранц. *assembler* ‘собирать вместе, соединять в одно’;
- **сочинять**: *to compose* от лат. *com-* ‘со-’ + *ponere* ‘ставить’, букв. ‘составлять’;
- **устанавливать**: *to establish* от лат. *stabilire* ‘делать прочным’, букв. ‘скреплять’.

Итак, судя по внутренней форме слов и устойчивых оборотов речи, в представлении англосаксов вещи возникают не из ничего, а из чего-то. Исключение составляют лишь обороты *to cause to be* (букв. ‘каузировать быть’) и *to bring into being / existence* (букв. ‘привести в бытие, вызвать из небытия’), внутренняя форма которых подразумевает, что вещам придается не форма, а само бытие. Однако даже в этом случае творец приводит (*brings*) вещь в зону бытия. Этот глагол имплицитно подразумевает наличие зоны небытия, из которой приводится вещь. Вопреки обыденным представлениям, небытие не есть ничто. Категория «ничто» не задействована и в данном случае.

Многое из сказанного выше об обозначении созидания относится и к обозначению уничтожения. Единицы английского языка, обозначающие его, своей внутренней формой имплицитно подразумевают деструктуризацию объекта, лишение структуры (формы), превращение в аморфную массу (субстанцию):

- *to demolish* от лат. *de-* ‘раз-’ + *molīri* ‘строить’, букв. ‘расстраивать, разрушать’;
- *to destroy* от лат. *de-* ‘раз-’ + *struere* ‘строить’, букв. ‘расстраивать, разрушать’;
- *to pulverize* от лат. *pulvis* ‘пыль; порошок’, букв. ‘превращать в пыль / порошок’;
- *to liquidate* от лат. *liquidus* ‘жидкий’, букв. ‘превращать в жидкость’;
- *to vaporize* от лат. *vapor* ‘пар’, букв. ‘превращать в пар’;
- *to ruin* от лат. *ruere* ‘валить; разбивать на куски’;
- *to break down* ‘ломать вдребезги’;
- *to tear down* ‘рвать на куски’.

При совершении перечисленных действий форма предмета разрушается, он утрачивает свою идентичность и качественную определенность, но остается то, из чего он состоял, т. е. субстанция (пыль, порошок, жидкость, пар, дребезги / осколки, руины, куски). Здесь нет превращения в ничто. И только у глаголов *to annihilate* ‘аннигилировать’ / *to annul* ‘аннулировать’ (от лат. *ad-* ‘к’ + *nihil / nullum* ‘ничто’) и производных существительных *annihilation* ‘аннигиляция’ / *annulment* ‘аннулирование’ в порядке исключения внутренняя форма выражает превращение чего-то в ничто. Все эти слова относятся к разрушению не только материальных, но и ментальных объектов – таких как планы, замыслы, чаяния, надежды и т. п. Образы внешнего мира выступают в качестве когнитивного субстрата для презентации событий мира внутреннего.

Особая тема – это английские фразеологические единицы, описывающие события духовного мира. Согласно их внутренней форме, люди выходят за пределы своего внутреннего мира (*to go out of one’s mind* ‘сойти с ума’, *to be beside oneself* ‘быть вне себя’) или, наоборот, замыкаются в нем (*to withdraw into oneself* ‘уйти в себя’, *to hide in one’s inner self* ‘замкнуться в себе’); подвергаются обыскам в душе (*I the Lord search the heart and examine the mind* ‘Я, Господь, проникаю в сердце, испытую душу’. Иеремия 17:10); падают в ямы (*to fall into a rage / fury / panic / temper / tantrum / melancholy* – впасть в ярость / панику / гнев / уныние); взвинчивают что-либо в своей голове (*to screw up / to pluck up oneself* – взвинчивать / будоражить себя); погребают и вновь оживляют что-л. (*to bury / to revive one’s hope / aspiration* – похоронить / возродить надежду); хранят что-л. в своем внутреннем мире (*to have / keep smth. in mind* – иметь что-либо на уме / держать что-либо в голове) и совершают множество иных вещей – таких, которые происходят и в материальном мире. Материальный мир выступает как модель духовного мира.

Итак, с точки зрения обыденного сознания духовный мир – это такое пространство, в котором кто-то что-то хватает, что-то к чему-то представляет и оттаскивает, что-то куда-то вставляет и вынимает, вталкивает и выталкивает, куда-то проникает и откуда-то выбирается, что-то строит и разрушает и т. д.

Отмеченная закономерность обнаруживается не только при сопоставлении внутренней формы (или этимологического значения) английских наименований ментальных явлений с их нынешним значением, но и при рассмотрении их сочетаемости. Например, по данным комбинаторного словаря [ВВ1] и интернет-источников, мысли (*ideas, thoughts*) приходят в голову (*come into / enter smb.’s head; occur* от лат. *ob-* ‘при-’ + *currere* ‘бежать’), хранятся в мозгу (*are stored in smb.’s brain*), проносятся в голове (*run through / pass through / cross smb.’s head*), сверкают в уме (*flash in smb.’s mind*), взрывают кому-л. мозг (*blow smb.’s brain*), крутятся в голове (*run around in smb.’s head*), вынашиваются в голове (*are nurtured in smb.’s head*), созревают (*mature*); бывают прозрачными (*transparent*), яркими (*bright*), тяжелыми (*heavy*). Всё это – характеристики материальных предметов. Мысли фигурально репрезентируются как материальные предметы.

Не только обыденное, но и профессиональное мышление не обходится без предметно-наглядных аналогий. Приведем примеры.

В так называемой топической модели З. Фрейда [2019] психика представлена как трехслойный сэндвич («Сверх-Я» – «Я» – «Оно»). Л. С. Выготский [2015] сравнивал психику с колодцем, на срубе которого располагаются высшие психические функции, а на дне – животные инстинкты. Он же [2016] писал об облаке мысли, которое проливается дождем слов.

Образная основа обнаруживается не только в англоязычных текстах по психологии, но и в психологических терминах (в системе английского языка). Многие термины психологии имеют предметно-наглядную образную основу (образная основа – это разновидность внутренней формы, присущая языковым единицам с переносным значением [Мелерович 1983: 81]). Приведем примеры:

- *bifurcation of motives* ‘раздвоение мотивов’ (от лат. *bi-* ‘два’ + *furca* ‘вилка’);
- *temperament* (от лат. *temperamentum* ‘микстура, смесь веществ’);
- *motive* (от лат. *motus* ‘движение’ от индоевр. **meue-* ‘толкать’);
- *boomerang effect* (от *bumarini* из австралийского языка даруг);
- *personality* ‘личность’ (от лат. *persona* ‘маска’);

- *character* (от древнегреч. *kharakter* ‘клеймо, метка’);
- *phlegmatic* (от древнегреч. *phlegma* ‘лимфа’) *etc.*

Как видим, даже научное абстрактное мышление бывает не свободно от сенсорной наглядности, которая выступает как его когнитивный субстрат. Эта наглядность, дающая возможность моделировать объекты методом аналогии, играет полезную роль в научном мышлении. Говоря в целом, какую бы единицу английского языка, входящую в семантическое поле «Ментальный мир», мы ни приняли к рассмотрению, на том или ином уровне исторической глубины обнаруживается конкретно-наглядное значение, например:

- *to hesitate* ‘пребывать в нерешительности’ от лат. *hesitāre* ‘шататься’;
- *to excite* ‘волновать’ от лат. *excitāre* ‘поднимать, приводить в движение’;
- *touchy* ‘эмоционально ранимый’ от *to touch* ‘трогать’;
- *to be moved* ‘быть растроганным’ от *to move* ‘двигать’;
- *to feel* ‘чувствовать’ от древнеангл. *felan* ‘щупать’;
- *to solve* ‘решать’ от *to solve* букв. ‘растворять’.

Как видим, сенсорный субстрат глубоко и органично врос в абстрактное мышление и подспудно влияет на него. Это одно из проявлений упоминавшейся выше исторической преемственности и структурного параллелизма конкретно-наглядного и абстрактно-понятийного мышления.

Список литературы

Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н. Нанотехнологии, биомедицина, философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. М.: URSS, 2010. 224 с.

Березина О. А. Конфигурация как когнитивный субстрат безличных структур // В мире научных открытий. 2013. URL: <http://naukarus.com/konfiguratsiya-kak-kognitivnyu-substrat-bezlichnyh-struktur> (дата обращения: 12.03.2014).

Болдырев Н. Н. Языковые категории как форма знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2015. 359 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.: Нац. образование, 2016. 368 с.

Калмыкова О. С. Въелось в мозг: как метафоры влияют на наши решения // НОЖ. Интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 09.11.2019. URL: https://knife.media/watch-your-mouth/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=

<https://pulse.mail.ru> (дата обращения: 12.02.2020).

Клочко В. Е. Эволюция психологического мышления: этапы развития и закономерности усложнения // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 136–151.

Курпатов А. В. Мышление. Системное исследование. М.: Капитал, 2020. 672 с.

Маковский М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.

Мелерович А. М. Образная основа и внутренняя форма фразеологических единиц // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1983. С. 80–86.

Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Юрайт, 2019. 238 с.

Потебня А. А. Символы и мифы. М.: Юрайт, 2020. 257 с.

Резанова З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии // Язык и культура. 2008. № 1. С. 78–85.

Семененко Н. Н. Когнитивный субстрат паремий в фокусе задач моделирования паремической семантики // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 46–51.

Сова Л. З. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. М.: Директ-медиа, 2014. 383 с.

Фрейд З. Психология бессознательного / пер. с нем. А. М. Боковой. СПб.: Питер, 2019. 528 с.

Чуковский К. И. От двух до пяти. М.: Азбука, 2019. 576 с.

Шадриков В. Д. Эволюция мышления и появление слова // Мир психологии. 2017. № 4(92). С. 11–21.

BBI – The BBI Combinatory Dictionary of English / M. and E. Benson, R. Ilson. Amsterdam: John Benjamin’s Publishing Co., 1990. 286 p.

CALD – Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / ed. by P. Gillard. Cambridge University Press, 2003. 1549 p.

Clement M. Relationship between Language and Thought // Language and Thought. February 3, 2017. URL: <https://www.translit.ie/relationship-language-thought/> (accessed 17.02.2020).

Gibbs R. W. Cognitive Linguistics and Metaphor Research: Past Successes, Skeptical Questions, Future Challenges // Educational Development Innovations in Applied Linguistics Research. 2006. Vol. 22. P. 1–20.

Gleitman L., Papafragou A. New Perspectives on Language and Thought // K. Holyoak and R. Morrison, eds. Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning. 2nd ed. New York: Oxford University Press. P. 1–81.

Haeckel E. Anthropogenie. Vol. 1. Leipzig: Engelmann, 1877. Scanning Date: Jan. 27, 2016. URL: <http://biodiversitylibrary.org/page/3146520> (accessed: 20.01.2021).

KED – A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / E. Klein. Amsterdam, London, New York, Elsevier Publishing Co., 2013. 844 p.

OED – Online Etymology Dictionary of English / ed. by D. Harper. Athens, Ohio University Press, 2003. URL: <http://www.etymonline.com/> (accessed 17.06.2020).

Sapir E. Language. An Introduction to the Study of Speech. Reissue Edition. Cambridge University Press, 2014. 272 p.

Whorf B. L. Language, Thought and Reality. Reissue Edition. Cambridge (Mass.), MIT Press, 2020. 278 p.

References

Baksanskiy O. E., Gnatik E. N., Kucher E. N. *Nanotekhnologii, biomeditsina, filisofiya obrazovaniya v zerkale mezhdistsiplinarnogo konteksta* [Nanotechnology, Biomedicine, Philosophy of Education in the Mirror of Interdisciplinary Context]. Moscow, URSS Publishing Group, 2010. 224 p. (In Russ.)

Berezina O. A. Konfiguratsiya kak kognitivnyy substrat bezlichnykh struktur [Configuration as cognitive substratum of impersonal structure]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], 2013. Available at: <http://naukarus.com/-konfiguratsiya-kak-kognitivnyy-substrat-bezlichnyh-struktur> (accessed 12.03.2014). (In Russ.)

Boldyrev N. N. Yazykovye kategorii kak forma znaniya [Linguistic categories as a form of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, issue 2, pp. 5–22. (In Russ.)

Vygotsky L. S. *Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy* [The History of Development of Higher Mental Functions]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 359 p. (In Russ.)

Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'. Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and Speech. Psychological Research]. Moscow, Natsional'noe obrazovanie Publ., 2016. 368 p. (In Russ.)

Kalmykova O. S. V'elos' v mozg: kak metafory vliyayut na nashi resheniya [Stuck in the brain: How metaphors influence our decisions]. *NOZh. Intelktual'nyy zhurnal o kul'ture i obshchestve* [The Knife. Intellectual Magazine about Culture and Society]. Available at: https://knife.media/watch-your-mouth/?utm_source=pulse_mail_ru&utm_referrer=htt%3A%2F%2Fpulse.mail.ru (accessed 12.02.2020).

Klochko V. E. Evolyutsiya psikhologicheskogo myshleniya: etapy razvitiya i zakonmernosti uslozhneniya [The evolution of psychological thought:

The stages of development and patterns of complication]. *Sibirsky psikhologichesky zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2011, issue 40, pp. 136–151. (In Russ.)

Kurpatov A. V. *Myshlenie. Sistemnoe issledovanie* [Thinking. Systematic Research]. Moscow, Kapital Publ., 2020. 672 p. (In Russ.)

Makovskiy M. M. *Lingvisticheskaya genetika: problemy ontogeneza slova v indoevropeyskikh yazykakh* [Genetics of Language: Issues of the Word Ontogenesis in Indo-European Languages]. Moscow, LKI Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)

Melerovich A. M. Obraznaya osnova i vnutrennyaya forma frazeologicheskikh edinit [Eidetic substrate and inner form of phraseological units]. *Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike yazykovogo znaka: Sbornik nauchnykh trudov* [Lexical and grammatical components in sign language semantics: Collection of scientific papers]. Voronezh State University Press, 1983, pp. 80–86. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 238 p. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Simvoly i mify* [Symbols and Myths]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 257 p. (In Russ.)

Rezanova Z. I. Vnutrennyaya forma slova kak ob'ekt metayazykovoy refleksii [The inner form of a word as an object of meta-language reflection]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2008, issue 1, pp. 78–85. (In Russ.)

Semenenko N. N. Kognitivnyy substrat paremiy v fokuse zadach modelirovaniya paremicheskoy semantiki [Cognitive substratum of proverbs in the focus of modeling paroemiatic semantics]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2017, issue 2, pp. 46–51. (In Russ.)

Sova L. Z. *U istokov yazyka i myshleniya. Genesis afrikanskih yazykov* [At the Origins of Language and Thought. Genesis of African Languages]. Moscow, Direkt-media Publ., 2014. 383 p. (In Russ.)

Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Transl. from German by A. M. Bokovikov. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 528 p. (In Russ.)

Chukovsky K. I. *Ot dvukh do pyati* [From Two to Five]. Moscow, Azbuka Publ., 2019. 576 p. (In Russ.)

Shadrikov V. D. Evolyutsiya myshleniya i povyazhenie slova [The evolution of thought and the origin of word]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2017, issue 4(92), pp. 11–21. (In Russ.)

BBI – *The BBI Combinatory Dictionary of English*. Comp. by M. and E. Benson, R. Ilson. Amsterdam, John Benjamin's Publishing Co., 1990. 286 p. (In Eng.)

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Ed. by P. Gillard. Cambridge University Press, 2003. 1549 p. (In Eng.)

Clement M. Relationship between language and thought. *Language and Thought*. February 3, 2017. Available at: <https://www.translit.ie/relationship-language-thought/> (accessed 17.02.2020). (In Eng.)

Gibbs R. W. Cognitive linguistics and metaphor research: Past successes, skeptical questions, future challenges. *Educational Development Innovations in Applied Linguistics Research*, 2006, vol. 22, pp. 1–20. (In Eng.)

Gleitman L., Papafragou A. *New Perspectives on Language and Thought*. New York, Oxford Univ. Press. Available at: https://cpb-us-w2.pmu.com/web.sas.upenn.edu/dist/f/575/files/2017/07/Gleitman_Papafragou_in-press-21o7hjk.pdf (accessed 15.08.2018). (In Eng.)

Haeckel E. *Anthropogenie*. Leipzig, Engelmann, 1877, vol. 1. Scanning Date: Jan. 27, 2016. Available at: <http://biodiversitylibrary.org/page/3146520> (accessed 20.01.2021). (In Eng.)

KED – Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, London, New York, Elsevier Publishing Co., 2013. 844 p. (In Eng.)

OED – Online Etymology Dictionary of English. Ed. by D. Harper. Athens, Ohio University Press, 2003. Available at: <http://www.etymonline.com/> (accessed 17.06.2020). (In Eng.)

Sapir E. *Language. An Introduction to the Study of Speech*. Reissue Edition. Cambridge University Press, 2014. 272 p. (In Eng.)

Whorf B. L. *Language, Thought and Reality*. Reissue Edition. Cambridge (Mass.), MIT Press, 2020. 278 p. (In Eng.)

THE COGNITIVE PATTERN 'MENTAL PHENOMENA' IN THE ENGLISH LINGUOCULTURE

Ekaterina V. Savitskaya

**Associate Professor in the Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Samara State University of Social Sciences and Education**

25, Blyukhera st., Samara, 443090, Russian Federation. lampasha90@mail.ru

SPIN-code: 6221-5780

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4630-7521>

ResearcherID: N-1799-2015

Submitted 23.01.2021

The article contains the results of research on historical continuity and parallelism between concrete eidetic verbal thinking and abstract conceptual verbal thinking. We demonstrate how sensory images acquire a symbolic function, expressing abstract ideas, and how events of the inner (mental) world are modeled by using images of events of the outer (material) world. In the course of historical evolution, on its way to becoming abstract, human thinking inherited patterns developed at previous stages; new ideas concerning the world are based on old ones, used as a foundation. The cognitive basis of abstract thinking consists of sensory images. By way of illustration, we study the cognitive pattern 'Mental Phenomena' belonging to the English linguoculture, in which images of events occurring in the objective (material) world serve as models of events occurring in the subjective (mental) world. The results of this process are embodied in the meanings, the inner form, and the combinability of units of the English language. The examples given in the article show that the sensory substrate has deeply and organically grown into abstract thinking and latently influences it. Even scientific abstract thinking is not free from sensory visualization; the latter acts as its cognitive substrate. This visualization, which makes it possible to model objects by analogy, plays a useful role in scientific thinking. In many units of the English language having an abstract meaning and included into the semantic field 'Mental Phenomena', a concrete meaning may be found at some point of their semantic evolution. This is a manifestation of historical continuity and structural parallelism between concrete and abstract thinking.

Key words: sensory image; abstract notion; cognitive pattern, modeling of reality; mental phenomena.

УДК 81'271
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-60-69

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕРМСКИХ СТУДЕНТОВ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Анастасия Степановна Черноусова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nastya-chernous@mail.ru

SPIN-код: 9257-7821

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7853-9493>

ResearcherID: L-4368-2017

Статья поступила в редакцию 18.06.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черноусова А. С. Представления пермских студентов о языковой норме и речевой культуре: экспериментальное исследование // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 60–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-60-69

Please cite this article in English as:

Chernousova A. S. Predstavleniya permskikh studentov o yazykovoy norme i rechevoy kul'ture: eksperimental'noe issledovanie [Perm Students' Ideas of the Language Norm and Speech Culture: Experimental Study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 60–69. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-60-69 (In Russ.)

В статье приведены результаты пилотажного социолингвистического эксперимента, целью которого являлось изучение представлений современной молодежи о языковой норме и речевой культуре. Основной исследовательский вопрос состоит в определении того, какие оценки дает эта социальная группа языковым новациям/трансформациям и иным фактам современной русской речи. Методом сбора материала выступил опрос, в котором приняли участие 80 информантов. Задача – выявить и проанализировать мнения относительно понятия «культура речи» и ее признаков, «деградации»/«не-деградации» языка, а также влияние популярного сериала «Реальные пацаны» на создание обобщенного образа пермяка. В результате исследования установлены актуальные с точки зрения молодых носителей проблемы культуры речи, наиболее яркие из которых – чистота русской речи, неоправданные заимствования и орфоэпические ошибки. Наличие диаметрально противоположных представлений о современных процессах (от признания новаций до полной деградации) свидетельствует о признании информантами процесса постоянного развития языка, который является, с одной стороны, закономерным и естественным, а с другой – неподвластным его носителям. Информанты различают норму литературного языка и нормы других вариантов языка (например, местные варианты литературной разговорной речи, различного вида жаргоны), определяют для каждого из идиомов свою сферу функционирования, свою социально-культурную среду, свой круг носителей и, соответственно, свои, отнюдь не всегда совпадающие с другими, оценочные характеристики языковых вариантов.

Ключевые слова: языковая норма; культура речи; идиомы; социолингвистический эксперимент; состояние современного русского языка.

Введение

Современное время – это эпоха стремительных социальных, экономических и культурных перемен, которые закономерно отражаются в языке, в характере языковой деятельности, причем отражаются очень заметным образом. По-

разному оценивается состояние современного русского языка: наряду с устойчивым мнением о его величии и могуществе существуют рефлексии с негативными оценками.

Учеными-лингвистами обсуждаются такие проблемы, как неоправданное употребление за-

имствованной лексики; размывание границ литературного языка путем проникновения в него просторечных и жаргонных слов и оборотов; нарушение этикетных норм; неоднозначное влияние особенностей общения в интернете, при котором смешиваются устная и письменная формы речи и формируется неспособность молодых носителей переключаться с одного кода на другой в различных ситуациях. Интернет принципиально изменил человеческую коммуникацию и сильнее всего повлиял на состояние русского языка в целом. Такие исследователи, как А. К. Михальская [1996], И. А. Стернин [2001а, 2001б, 2002], И. Т. Вепрева [2006], А. П. Сковородников [2001], А. Д. Шмелев [2017], В. Г. Костомаров [2014], Л. П. Крысин [2014], и многие другие в своих работах осмысливают разные аспекты речевой культуры, риторического идеала, языкового вкуса, коммуникативных неудач.

Известный российский лингвист М. А. Кронгауз, иронизируя, назвал свою книгу «Русский язык на грани нервного срыва» [2008], однако и обыватели, и лингвисты заговорили о «порче» и даже «гибели» языка. Примечательно, что призывы спасти национальный язык от порчи периодически звучат во Франции, в Германии, в Англии, в Канаде и других странах. Согласимся с точкой зрения А. М. Молдована, научного руководителя Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, который в статье «Русский язык: современное состояние и академические исследования» [2020] написал: «Во-первых, инновации для языка – это не хорошо и не плохо, это естественный процесс, над которым никто из его носителей не властен. Язык следует за изменениями жизни и, отражая эти изменения, подбирает для них адекватные способы выражения. При этом с самим языком ничего не происходит – он просто приобретает новые краски и новые выразительные средства. Что существенно: прежние достижения остаются в языке и всегда могут быть востребованы и использованы. Во-вторых, говоря о порче языка, люди на самом деле сердятся на неприятные для них явления современной жизни, чуждые им взгляды, мораль, образ мысли и тому подобное. Поскольку все эти явления выражаются в соответствующих формах речи и способах говорения, людям кажется, что их раздражает язык, на который они переносят свое негодование. На самом деле языковое поведение каждого из нас говорит только о наших нравах, язык здесь ни при чем. Как и в “старые добрые времена”, в современной жизни сосуществуют образцы прекрасной речи – простой, ясной и выразительной, и разнообразные типы косноязычия, пошлости, высокопарная или вульгарная

речь. Наш “великий и могучий” маркирует личность говорящего, при этом сам ни в малейшей степени не страдает» [Молдован 2020: 276].

На наш взгляд, сегодня актуальными и востребованными являются комплексные исследования, направленные на изучение особенностей языковой нормы и ее трансформаций на различном материале и в различных ситуациях общения. При этом необходимо анализировать как общие тенденции развития русского языка, так и региональную специфику этих динамических процессов, тем более что последнее массовое обследование функционирования русского языка проводилось в 1960–1970-х гг. [см., например: Русский язык по данным массового обследования 1974].

Данная статья посвящена анализу представлений о языковой норме, речевой культуре, языковых предпочтениях по материалам эксперимента с молодыми носителями языка – жителями Пермского края.

Организация эксперимента

Все испытуемые – студенты Пермского государственного национального исследовательского университета, в возрасте от 18 до 24 лет, 2 курса юридического факультета в количестве 80 человек.

Студенты в качестве испытуемых выбраны не случайно: они составляют наиболее подвижную и перспективную часть общества. Являются социальной стратой, которая, с одной стороны, еще находится на определенной стадии своего социального и профессионального становления; с другой – это наиболее динамичная и мобильная часть общества, которой свойственна активность, инициативность, восприимчивость к социальным явлениям, стремление к самовыражению и оценке. Речь молодых носителей языка, как правило, своеобразна и разнородна. В процессе обучения в вузе студент пополняет свой словарный запас профессиональными единицами; в общении со сверстниками использует сниженные варианты языка, тем самым интегрируя в своей речи разные его формы. Кроме того, студенты – это та группа, которая во многом формирует «языковой вкус эпохи» [Костомаров 1999], задавая тем самым определенную направленность вектору эволюционного развития русского языка.

Эксперимент проводился в письменной форме: была предложена анкета, состоящая из социологической части, где необходимо было указать данные «паспортной группы» (возраст, пол, род занятий, специальность), и десяти вопросов. Ответы предполагали свободную форму. Время на ответы не ограничивалось. Список вопросов:

1. Назовите несколько фамилий известных людей (наших современников), представителей центральных (московских, Санкт-Петербургских) медиа, которых вы считаете образцом культурной, грамотной, выразительной речи.

2. Назовите несколько фамилий известных людей (наших современников), представителей региональных (пермских) медиа, которых вы считаете образцом культурной, грамотной, выразительной речи.

3. Что такое культура речи? Закончите фразу: Культура речи – это... Назовите признаки грамотной речи.

4. «Деградирует» ли русский язык на современном этапе или это надуманная проблема? Ответ аргументируйте.

5. Отличаете ли вы пермское произношение от произношения людей других территорий? Если отличаете, то чем оно характеризуется? Перечислите отличия. Нравится ли вам пермский речевой тип («пермская речь»)?

6. Что вам нравится в современной русской речи (не только в Пермском регионе) и что раздражает в ней? Перечислите хотя бы некоторые позитивные и негативные, с вашей точки зрения, речевые факты.

7. Если вы смотрели или что-либо слышали о сериале «Реальные пацаны», то сформулируйте свое мнение по поводу следующего утверждения: Речевой тип героев сериала «Реальные пацаны» представил всех жителей города Перми как носителей низкого уровня речевой культуры (бескультурными людьми).

8. Отметьте темы, которые можно обсуждать в публичной сфере (можно отметить несколько вариантов). Если вы НЕ допускаете обсуждение подобных тем в публичной сфере, отметьте свой ответ в графе «Другое».

9. Если в речи героев художественного фильма есть слова типа *задница*, *ж..на*, *г..но*, *сс..ть*, *грёбаный*, *запиндюрить*, *по ходу* и под., вы считаете это...?

10. Как вы считаете, допустимо ли в повседневной речи использовать нецензурную лексику? Ответ аргументируйте.

В настоящей статье подвергнем анализу ответы информантов на вопросы, которые условно назовем «касающиеся норм и речевой культуры носителей» (3, 4, 6, 7).

Для профессиональной интерпретации мнений испытуемых нам важно признать такие признаки нормы, как «эталонность» (что позволяет сохранять единство и общепонятность языковой системы); стабильность; соответствие актуальным коммуникативным задачам; социолингвистический характер. Определение нормы в социолингвистическом ключе дает в статье «Еще о

языковой норме» В. Б. Касевич: «норма применительно к языку как системе есть прежде всего социолингвистическая категория», при этом добавляя, что норма – это «такая характеристика системы и входящих в нее единиц, которая определяется не только, даже не столько собственно языковыми закономерностями, сколько оценочными и вкусовыми в своей основе факторами социального порядка» [Касевич 2005: 10].

Е. В. Ерофеева в статье «Норма: социопсихологический и статистический аспекты» справедливо соглашается с В. Б. Касевичем, но добавляет, что «норма – это не чисто языковая, и даже не собственно социолингвистическая категория, а социопсихолингвистический феномен, обусловленный 1) языковой системой, которой пользуется данный коллектив; 2) социальной средой, в которой функционирует данная языковая система; 3) оценкой средств этой языковой системы ее носителями, т.е. психологическим, субъективным фактором» [Ерофеева 2011: 61].

Ценное замечание Е. В. Ерофеевой о необходимости различения так называемой языковой нормы и нормы других вариантов языка (таких как говоры, местные варианты литературной разговорной речи, различного вида жаргоны и т. п.) также важно иметь в виду, поскольку каждый из этих идиомов является социально обусловленной языковой системой, соответственно, для каждого из идиомов определяется своя сфера функционирования, своя социально-культурная среда, свой круг носителей и, соответственно, свои, отнюдь не всегда совпадающие с другими, оценочные характеристики языковых вариантов. Проанализируем представления о языковой норме и речевой культуре носителей языка, составляющие социальные базы разных идиомов.

Результаты и обсуждение

Вопрос: **Что такое культура речи? Закончите фразу: Культура речи – это... Назовите признаки грамотной речи.**

По данному вопросу отметим согласованность оценок респондентов, типичность ответов, которые можно объединить в пять групп²:

1) умение выразить мысль: *Культура мысли и культура жизни / Это умение полно и четко выразить свою мысль при помощи допустимых языковых средств / Умение красиво и лаконично говорить свои мысли / Это умение ясно и просто донести свою мысль / Умение грамотно и выразительно изречь свою мысль / Умение правильно и грамматно передавать свои мысли / Речь, которая красиво построена, несет в себе четкую информацию;*

2) соблюдение норм *Владение нормами современного русского языка / Владение речевой*

нормой / Нормы лексики, грамматики / Владение языковой нормой устного и письменного языка / Отсутствие грамматических ошибок;

3) показатель уровня образования и воспитания: Показатель воспитания и образования человека / Это совокупность навыков и знаний человека, обеспечивающих целесообразное и свободное общение, владение нормами литературного языка / Признак элиты общества;

4) наука: Раздел филологической науки, изучающий речевую жизнь общества в определенную эпоху и устанавливающий на научной основе

правила пользования языком как основным средством общения людей, орудием формирования и выражения мыслей / Наука, изучающая речевую сторону общества в определенное время / Наука, о грамотной логически построенной речи;

5) умение выстраивать общение: Это умение грамотно выстраивать и налаживать коммуникацию / Уметь разговаривать с людьми правильно.

В табл. 1 представлено соотношение дифференциальных признаков понятия «культура речи» у наших информантов.

Таблица 1 / Table 1

**Соотношение дифференциальных признаков понятия «культура речи», %
Proportions of Distinctive Features of the Concept 'Speech Culture'**

Умение выразить мысль	Соблюдение норм	Показатель уровня образования и воспитания	Наука	Умение выстраивать общение
42 %	36 %	4 %	10 %	8 %

Признаки грамотной речи, с точки зрения наших испытуемых: Без слов-паразитов / соблюдение орфоэпических, грамматических, речевых, пунктуационных норм литературного языка / Правильно сформулированная, четко проговариваемая / Правильная постановка ударения / Признаки: обширный словарный запас, правильность, точность, логичность, выразительность, ясность / Точность, использование научных терминов, отсутствие бранных слов / Отсутствие лексических и иных видов ошибок (в Т. Ч. отсутствие слов-паразитов), многообразие различных средств художественной выразительности, умение правильно ставить ударения / Хорошо построенное предложение, связанные слова, падежи / Отсутствие слов-паразитов, большой словарный запас, способность выразить мысль правильно.

Как видно из примеров, информантов более всего волнуют проблемы слов-паразитов и орфоэпических ошибок. В качестве признаков грамотной речи отмечаются такие эстетические ее характеристики, как ясность, выразительность, живость, вежливость, чистота.

Есть среди ответов определения, близкие к академическим: Это совокупность орфоэпических, этических и коммуникативных признаков / Правильное произношение фраз, предложений; распространённое в советской и российской лингвистике понятие, объединяющее владение языковой нормой устного и письменного языка / Культура речи – способность правильно и умело пользоваться языковыми средствами / Культура речи – это способность адекватно (точно) вы-

ражать мысли и чувства, пользуясь средствами литературного языка.

Шесть из восьмидесяти испытуемых (7,5 %) отмечают такой важный аспект нормы, о котором говорилось выше, как умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения. Ср.: Это среда и обстоятельства, в которых развивается и совершенствуется коммуникативные приёмы в языке, как способе обмена информацией / Понятие, объединяющее владение языковой нормой устного и письменного языка, а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения / Речь, состоящая из слов, приемлимых к употреблению в соответствующих кругах / Умение правильно говорить и писать, а также умение употреблять слова и выражения в соответствии с целями и ситуацией общения и т. п.

Среди индивидуальных вариантов определения понятия «Культура речи» назовем следующие: Умение четко, доходчиво и ясно выражать свои мысли. 1) Громкость голоса 2) Отсутствие сглатывания звуков и окончаний / Признаки грамотной речи: четкость, выразительность, остроумность / ненагражденность / Речь, которая красиво построена / присутствие в речи логики и определенного посыла.

Вопрос «“Деградирует” ли русский язык на современном этапе или это надуманная проблема? Ответ аргументируйте». Ответы информантов на данный вопрос формируются вокруг 4 мнений, соотношение которых представлено в табл. 2.

**Оценка «деградации» языка
Language 'Degradation' Assessment**

Деградирует	Не деградирует	Частично	Деградирует не язык, а культура речи носителей
49,4 %	40,9 %	6,5 %	3,2 %

Примеры ответов первой группы:

Скорее да, много мата и жаргона / Да, однозначно. Много заимствований и сленга / Деградирует, потому что в речи слышится много слов «паразитов», часто люди не могут точно и ёмко сформулировать свою мысль, в следствие чего используют много «воды» / Деградирует. Идет импортное замещение русских слов / Да, порой я сама не могу понять, о чем говорит мой младший брат / Русский язык теряет свою уникальность, а также в русской речи много сленга / Я считаю, что русский язык на современном этапе деградирует, так как сейчас очень распространен сленг, заимствование иностранных слов, и, конечно, наш язык очень «тянет вниз» мат.

Примеры ответов второй группы:

Так считают в основном консервативные люди / Надуманная проблема, язык развивается / Проблема надуманная, т. к. на данном этапе язык подстраивается под современное общество, как и на всех этапах жизни / Он эволюционирует, тк принимает новые формы и тенденции, но некоторые моменты можно принять за деградацию, хотя это соответствие современным тенденциям / Язык в любом случае находится в постоянном развитии и обновлении, все зависит лишь от контекста или от общества, в котором так или иначе используется русский язык. Англицизмы, жаргонизмы, сленг и т.д. я не считаю «упадком» языка / Русский язык эволюционирует, вместе со всем мировым прогрессом / Нет. Новые коммуникативные условия влияют на язык. Можно сказать, что язык настраивается на разные коммуникативные среды, языку свойственно меняться, но это не портит его, это всего лишь необратимый процесс развития.

Примеры ответов третьей группы:

Частично, так как чтение заменилось интернетом / И да, и нет, так как в речи людей появляется всё больше новых терминов, но некоторые из них ненормативные / Я думаю в чем то дергадирует, неоправданное заимствование

иностранных слов, употребление обценной лексики, слова паразиты.

Примеры ответов четвертой группы:

Думаю, что все зависит от культуры человека. Если у него маленький словарный запас, узкий кругозор, то его речь будет показателем деградации русского языка. Если человек читает книги, развивается, самосовершенствуется, то его речь будет показателем развития русского языка, отсутствия стагнации.

Не слишком значительная разница между «деградацией» и «не-деградацией» (49,4 % и 40,9 %) свидетельствует о правильной оценке студентами языковых явлений и трансформаций, о понимании развития языка и общества, о необходимости не прямолинейных оценок, а диалектического подхода к языковым явлениям. О частичной деградации заявили 6,5 % опрошенных; отметили проблему речевой культуры носителей (а не проблему разрушения языковой системы) 3,2 % информантов.

Информантами отмечается сфера, где «деградирует» язык, – это социальные сети. Примечательны такие мнения, как:

Думаю, что не «деградирует». Русский язык – развитая, сложившаяся, сложная система. Притом это постоянно развивающаяся система, реагирующая на развитие общества, но и сохраняющая свои основы. Эта система заслужила право самой решать, что вобрать в себя из постоянно меняющейся жизни, а что оставить неизменным или Я считаю, что язык эволюционирует, путём впитывания новых слов из других языков, таким образом расширяя свои границы.

Вопрос «Что вам нравится в современной русской речи (не только в Пермском регионе) и что раздражает в ней? Перечислите хотя бы некоторые позитивные и негативные, с вашей точки зрения, речевые факты».

В табл. 3 приведем примеры позитивных и негативных фактов, отмечаемых нашими респондентами.

Позитивные и негативные факты в современном языке
Positive and Negative Facts in the Modern Language

Примеры	
Позитивные	Негативные
Нравится заимствование слов, которое даёт развитию языку	Раздражает много иностранных слов
Языковая игра, открытость экспериментам, свобода языка	Скудность словарного запаса большинства людей
Нравятся «свои» слова, которые не понимают люди из других регионов	Теперь наша речь не может обходиться без ругательств
Я пермяк и она мне просто нравится, в этом весь секрет	Не нравится алогичность речевого мышления, рубленные фразы
Нравится образность, модные словечки – маркеры времени	Больше всего меня убивают феминитивы
Нравится наличие собственных диалектных слов	Раздражают иногда публичные выступления людей не владеющих даром красноречия.
На мой взгляд, грамотных людей становится все больше. Многие учатся настраивать коммуникацию правильно, учатся строить диалоги. Речь становится насыщенной, интересней.	Мне не нравится когда говорят шо, подчёркнуто выговаривают о вместо а, поизносят звуки о слишком сильно и коротко в тауих словах как хорошо, молоко и тд. Не проговаривание всех звуков также является минусом: жись. Не раскрытие полностью гортани.
Позитивные факторы: постоянное изменение языка, гибкость языка (пример-возникновение феминитивов)	Я все ещё не понимаю зачем нам нужна буква Ё
Множество поговорок	Слишком много жаргонных/блатных слов и выражений

Как видим, информанты дают диаметрально противоположные оценки относительно одних и тех же языковых явлений: кто-то оценивает наличие заимствований как положительную тенденцию, свидетельствующую о развитии языка, кто-то как негативную; кому-то нравятся феминитивы, кого-то они «убивают». Одни респонденты современные динамические процессы в языке, выражающиеся в разветвлении вариантных форм и творческом освоении традиционных словообразовательных типов и моделей, считают развитием языка, другие – недостаточной культурой устной и письменной публичной речи.

В. Н. Ярцева в работе «Развитие национального литературного английского языка» писала: «В каждый период исторического развития общества существует известная неудовлетворенность языком – язык современникам представляется несовершенным, но важно следующее: 1) что отмечают они как языковые несовершенства и 2) какими путями они предлагают их исправить. Это определяет разницу в языковых теориях различных периодов, что в какой-то мере отражает не только “языковую философию” данного времени, но и “языковую ситуацию”, т. е. соответствие языка нуждам его использования. Именно поэтому взгляды современников на состояние языка их эпохи бывают интересными и дают ключ к пониманию пути развития языка» [Ярцева 2010: 103].

К сожалению, мы не задали вопрос о путях исправления негативных тенденций; возможно, это будет следующим этапом исследования.

Как нам кажется, в характеристике современных явлений в языке проявляются вкусы разных носителей языка – кто-то настроен консервативно; кто-то – на творческое его использование. Именно соотношение этих оценок позволяет многомерно и адекватно оценивать современную речевую ситуацию и создавать объективный портрет современных языковых личностей.

Нам показалось интересным, что информанты – студенты-юристы верно оценивают фонетические региолектные особенности пермского произношения (например, чрезмерную редукцию, выпадение согласных: использование [s'] вместо [s't']). Они знают о самых характерных произносительных особенностях, отличающих пермскую речь от литературной кодифицированной нормы.

Вопрос «Если вы смотрели или что-либо слышали о сериале «Реальные пацаны», то сформулируйте свое мнение по поводу следующего утверждения: Речевой тип героев сериала «Реальные пацаны» представил всех жителей города Перми как носителей низкого уровня речевой культуры (бескультурными людьми)».

Из 80 информантов 6 человек (7 %) сериал не смотрели; 4 человека (5 %) согласны с этим утверждением (например: Да, я согласна с этим выражением. В этом сериале пермяки были показаны как люди, у которых очень маленький словарный запас и которые с трудом формулируют собственные мысли). 88 % испытуемых НЕ считают, что сериал представил пермяков как носителей низкой речевой культуры, или счита-

ют, что такие примеры можно найти в любом городе; а также, что это комедийный сериал «про пермских гопников» и он не свидетельствует о всех пермяках. Приведем примеры ответов:

1. Конечно это не правильно считать всех жителей города Перми носителями низкого уровня речевой культуры по сериалу. А что касается «Пацанов», то это интересный, смешной и самобытный сериал.

2. Смотрела. Пацаны отражают не только Пермь, но и провинциальную молодежь всей России.

3. Первые серии смотрела, но не обнаружила в них принципиального отличия от других сериалов на ТНТ. Можно сказать, пермскости как таковой не обнаружила.

4. Уровень речи персонажей представлен не столько в рамках культуры города, сколько в рамках жизненной ситуации героев, они проводили достаточно много времени на улицах, такие примеры можно найти в реальном мире в любом городе.

5. Не соглашусь с этим, потому что был показан преимущественно один слой населения, однако другим более культурным было уделено меньше внимания.

6. Считаю, что сериал направлен больше на юмористический настрой, поэтому серьезного смысла не несёт.

7. Это сериал не про всех пермяков, а про пермских гопников.

8. Нет, в этом сериале представлены разные уровни носителей речевой культуры. Такой речевой тип, наоборот, был более приближен к аудитории, более понятным для тех же ребят, которые смогли исправиться благодаря этому сериалу.

9. Я не согласен с этим, тк это является частью самоиронии и не должно восприниматься зрителями за факт.

10. Реальные пацаны представляли не весь город, а только себя, в Перми живут очень хорошие люди и образованные.

11. Утрированное отображение.

12. Герои сериала «реальные пацаны» являются актерами и олицетворяют людей из отдаленных районов с низкой соц ответственность, их речевая культура обусловлена образом.

13. Скорее да чем нет, он представил в целом культуру большей части Пермьяков не только культуру речи.

14. В сериале утрировали речевой тип жителей города Перми.

15. Сериал снят в юмористической форме, поэтому не придаю значения такой оценке.

16. В сериале «Реальных пацанов» в основном показывают людей с низким уровнем знаний, из-

за этого многие думают что пермяки не культурные люди.

17. Как только я приехала в Пермь, я клянусь, я видела, как в переулке два раза у кого то отжали телефон с точно такой же культурой речи, как в названии сериале. Без сомнения, не все жители Перми разговаривают подобным образом, но все же большая часть простых обывателей и рабочих, у кого нет высшего образования.

18. Мне так не кажется, в сериале представлены лишь герои, не нужно их, ассоциировать с реальными людьми.

19. Считаю, что по героям сериала нельзя судить всех людей. Уровень речевой культуры зависит от человека, а не от города.

20. Умные люди понимают, что представленная речь это ни что иное, как юмор. Каждый актёр играет свою роль. В жизни же это образованные люди, которые разговаривают совсем иначе.

21. С сериалом знаком, но по вине своей тогдашней необразованности. Сейчас же, понимая какие ассоциации навлек этот сериал на целый край, я чувствую только стыд и презрение к авторам сериала.

22. Это не так (честно когда жила в Башкирии, думала, что все пермяки так говорят, но это не так). Здесь есть высоко культурные и грамотные люди.

23. В фильме представлен контингент характеризующий конкретный тип людей, а не всех жителей в целом. Утверждение не обоснованное и унижительное.

Судя по ответам, студенты очень разумно оценивают персонажей сериала, отмечают, что их речь не представляет всех жителей города, что в сериале отражаются особенности речи необразованной части молодежи. Действительно, после выхода сериала на канале ТНТ о Перми стало широко известно; натурные съемки проходили в типичных для России локациях. Герои сериала показались зрителям абсолютно реальными людьми со своими достоинствами и недостатками, типичными представителями региональных центров России. Своеобразный говор, культура речи главных персонажей, высмеивание гламура и отсутствие павильонных, картонных декораций способствовали успеху сериала. Однако, как подтвердили наши информанты, не следует отождествлять всех пермяков с Коляном, Вованом и Антохой.

Заключение

Таким образом, проведенное пилотажное исследование позволяет нам сделать следующие выводы: информантов-студентов в области речевой культуры более всего волнуют проблемы

чистоты русской речи, неоправданных заимствований и орфоэпических ошибок. В качестве признаков грамотной речи отмечаются такие эстетические ее характеристики, как ясность, выразительность, живость, вежливость, чистота. Преобладание, хотя и незначительное, мнений о «деградации» языка в действительности, как нам кажется, отражает мнения респондентов о проблеме речевой культуры *носителей*. Наличие противоположных оценок свидетельствует об осознании информантами непрерывного развития языка и общества. Неудовлетворенность языком, как оказалось, – не совсем современная тенденция.

В исследовании О. С. Иссерс, направленном на изучение представлений о речевой культуре у учителей русского языка и литературы средней школы, а также оценки ими языковых новаций и иных фактов современной русской речи, выходящих за границы норм литературного языка, отмечается, что, во-первых, представления о речевом идеале у русистов достаточно неопределенны, размыты; а во-вторых, отражают жесткую установку по отношению к языковым новациям, стилистическим и иным отступлениям от нормы. В ее статье «Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента)» находим тому подтверждение: «...опрошенная – группа информантов отмечает только отрицательное воздействие на язык указанных отклонений от литературного стандарта. В терминах предложенной М. Я. Дымарским оппозиции речевых манер – моностилевой и полистилевой [Дымарский 2006: 181], можно констатировать, что в группе экспертов-учителей преобладали индивиды, отдающие предпочтение первому типу и не приемлющие в принципе “смешение языков”» [Иссерс 2018: 107].

Оказалось, что в своей преподавательской практике учителя средних школ, формирующие знания о языке и речевой культуре у учащихся, исходят из жестких нормативных установок по отношению к фактам языкового развития, не допуская саму возможность включения в речевую практику разного рода явлений «ненормы», обусловленных коммуникативными задачами говорящих. В нашем же эксперименте молодые носители языка – студенты – допускают использование в узусе разнородных единиц, обусловленных сферой функционирования, своей социально-культурной средой и, соответственно, свои, отнюдь не всегда совпадающие с другими, оценочные характеристики языковых вариантов.

Дальнейшее изучение представлений разных социальных групп о реальном состоянии современного русского языка и прогнозов относительно

его развития мы рассматриваем как актуальную исследовательскую задачу.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-412-590006 «Массовая речевая культура Пермского края: трансформация языковой, коммуникативной, этической нормы в XXI веке»

² Здесь и далее ответы информантов даются в авторской редакции. Аспект орфографической и пунктуационной грамотности не затрагивается, так как ответы собирались через гугл-опрос.

Список литературы

- Дымарский М. Я.* Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 173–186.
- Ерофеева Е. В.* Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). С. 60–65.
- Иссерс О. С.* Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического эксперимента) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4(18). С. 95–111.
- Касевич В. Б.* Еще о языковой норме // Язык и речевая деятельность. 2005. Т. 8. С. 9–24.
- Костомаров В. Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
- Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки слав. культур, 2008. 229 с.
- Крысин Л. П.* Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 294–311.
- Молдован А. М.* Русский язык: современное состояние и академические исследования // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 272–278.
- Русский язык по данным массового обследования* / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.
- Сковородников А. П.* О понятии «русский риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. С. 318–326.
- Стернин И. А.* Русское коммуникативное сознание // Русское и финское коммуникативное поведение

ние. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3. С. 3–13. (Коммуникативное поведение.)

Стернин И. А. О русском коммуникативном идеале (экспериментальное исследование) // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы: материалы V Междунар. конф. по риторике. Воронеж: ВГУ, 2001а. С. 11–13.

Стернин И. А. Русский коммуникативный идеал (экспериментальное исследование) // Русское и финское коммуникативное поведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001б. Вып. 2. С. 9–13. (Коммуникативное поведение.)

Шмелев А. Д. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2017. С. 184–191.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. 3-е изд. URSS. 2010. 288 с.

References

Dymarskiy M. Ya. Rechevaya kul'tura i rechevaya manera (k probleme otsenki normativnosti rechevoy praktiki) [Speech culture and speech manner (on the problem of assessing the normativity of speech practice)]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoy normy: sbornik statey* [The Russian Language Today. Issue 4. Issues of Language Norms: Collection of articles]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006, pp. 173–186. (In Russ.)

Erofeeva E. V. Norma: sotsiopsikhologicheskiy i statisticheskiy aspekty [Language norm: Sociopsychological and statistical aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 4(16), pp. 60–65. (In Russ.)

Issers O. S. Predstavleniya o rechevom ideale, rechevykh prilichiyakh i yazykovom vkuse (po dannym pilotnogo sotsiolingvisticheskogo eksperimenta) [Ideas of speech ideal, speech decency and the sense of language (according to a pilot sociolinguistic experiment)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2018, issue 4(18), pp. 95–111 (In Russ.)

Kasevich V. B. Eshche o yazykovoy norme [More about the language norm]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost'* [Language and Speech Activity], 2005, vol. 8, pp. 9–24. (In Russ.)

Kostomarov V. G. *Yazyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti* [Language of the Moment: The Concept of Correctness]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 220 p. (In Russ.)

Kostomarov V. G. *Yazykovoy vkus epokhi* [Linguistic Taste of the Era]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 330 p. (In Russ.)

Krongauz M. A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, Znak Publ., LRC Publishing House, 2008. 229 p. (In Russ.)

Krysin L. P. Yazykovaya norma v proektsii na sovremennuyu rechevuyu praktiku [Language norm as projected onto modern speech practice]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoy normy: sbornik statey* [The Russian Language Today. Issue 4. Issues of Language Norms: Collection of articles.]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2006, pp. 294–311. (In Russ.)

Moldovan A. M. Russkiy yazyk: sovremennoe sostoyanie i akademicheskie issledovaniya [The Russian language: Current state and academic research]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, issue 3, pp. 272–278. (In Russ.)

Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya [The Russian Language According to Mass Survey]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p. (In Russ.)

Skovorodnikov A. P. O ponyatii 'russkiy ritoricheskiy ideal' primenitel'no k sovremennoy rossiyskoy deystvitel'nosti [On the concept of 'Russian rhetorical ideal' in relation to modern Russian reality]. *Slovar' i kul'tura russkoy rechi: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Vocabulary and Culture of Russian speech: on the occasion of the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov]. Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 318–326. (In Russ.)

Sternin I. A. Russkoe kommunikativnoe soznanie [Russian communicative consciousness]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish Communicative Behavior]. Voronezh, Istoki Publ., 2002, issue 3, pp. 3–13. (In Russ.)

Sternin I. A. O russkom kommunikativnom ideale (eksperimental'noe issledovanie) [On the Russian communicative ideal (experimental study)]. *Professional'naya ritorika: problemy i perspektivy: materialy V Mezhdunar. konf. po ritorike* [Professional Rhetoric: Issues and Prospects: Proceedings of the 5th Int. conf. on rhetoric]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001a, pp. 11–13. (In Russ.)

Sternin I. A. Russkiy kommunikativnyy ideal (eksperimental'noe issledovanie) [The Russian communicative ideal (experimental study)]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2001b, issue 2, pp. 9–13. (In Russ.)

Shmelev A. D. Vozmozhna li kodifikatsiya yazykovykh norm v epokhu sotsial'nykh i kul'turnykh

izmeneniy? [Is it possible to codify linguistic norms in the era of social and cultural changes?]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 13. Kul'tura russkoy rechi* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Issue 13. Russian Linguistic Standards]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the

Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 184–191. (In Russ.)

Yartseva V. N. *Razvitie natsional'nogo literaturnogo angliyskogo yazyka* [The Development of the National Literary English Language]. 3rd revised edition. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)

PERM STUDENTS' IDEAS OF THE LANGUAGE NORM AND SPEECH CULTURE: EXPERIMENTAL STUDY

Anastasiia S. Chernousova

Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nastya-chernous@mail.ru

SPIN-code: 9257-7821

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7853-9493>

ResearcherID: L-4368-2017

Submitted 18.06.2021

The article describes the results of a pilot sociolinguistic experiment the purpose of which was to study the ideas of modern youth about the language norm and speech culture. The main research question was how this social group assesses linguistic innovations / transformations and other facts of modern Russian speech. The research material was collected by means of a survey in which 80 informants took part. The task was to identify and analyze opinions on the concept of 'speech culture' and its features, 'degradation' / 'non-degradation' of the language, as well as the influence of the popular Russian TV series *Real'nye patsany* (*Real Guys*) on the creation of the image of Perm residents. The research results reveal the problems of speech culture essential from the point of view of young speakers, the most striking of which are the insufficient purity of speech, unjustified borrowing, and spelling mistakes. The presence of diametrically opposite ideas of the currently occurring processes (from the recognition of innovations to the idea of complete degradation) indicates that informants recognize the process of constant development of the language, which is, on the one hand, naturally-determined and, on the other, beyond the control of native speakers. The informants distinguish between the norm of the literary language and the norms of other language variants (for example, local variants of literary colloquial speech, various types of jargon), determine for each of the idioms their own sphere of functioning, socio-cultural environment, circle of speakers and, accordingly, their own evaluative characteristics of language variants, which do not always coincide with others.

Key words: language norm; speech culture; idioms; sociolinguistic experiment; state of the modern Russian language.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111(09)
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78

ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА КНИГИ А. С. БАЙЕТТ «ПАВЛИН И ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА»¹

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

SPIN-код: 5691-5020

ResearcherID: P-2300-2016

Статья поступила в редакцию 15.05.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С. Жанровая поэтика книги А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 70–78. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S. Zhanrovaya poetika knigi A. S. Bayett «Pavlin i vinogradnaya loza» [Genre Poetics of A. S. Byatt's Book 'Peacock & Vine']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 70–78. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78 (In Russ.)

В статье исследуется последняя книга известной английской писательницы А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» (2016) в контексте творчества автора (романов, рассказов, эссе). Доказывается, что противоречивые отзывы англоязычной критики вызваны пограничной природой жанра эссе и авторской мифологией. В книге соединяются параллельные биографии двух художников и эссе о дизайне на рубеже XIX–XX вв. Делается вывод о том, что Байетт использует на разных уровнях поэтики характерный для нее метод аналогии. Она сопоставляет жизнь и творчество Уильяма Морриса и Мариано Фортунни через универсалии Север и Юг, усложненные в национальных (точнее – культурных) образах и символах. Акцент делается не столько на жизни, сколько на творчестве дизайнеров, прежде всего домах и тканях, причем увиденных глазами самой Байетт, через призму ее биографии и творчества. Главный принцип автора – постижение своего через чужое и чужого через свое. Если в романе «Детская книга» (2009) фигура Морриса вписывалась в социально-политический и психоаналитический контексты, то в книге «Павлин и виноградная лоза» его жизнь буквально «освещается» не только его собственным творчеством, но и экспериментами с цветом и светом, которые проводил Фортунни.

Основными критериями оценки выступают цвет (свет) и соразмерность (композиция), характерные для дизайна художников и стиля Байетт. Однако в вербальной интерпретации растительных и животных орнаментов (виноградная лоза и гранат, павлин и феникс, лев и дракон) прослеживается многогранный диалог язычества и христианства, прошлого и современности, мужчины и женщины, двух знаменитых дизайнеров, ар-нуво и ар-деко. Иллюстрации (фотографии, рисунки, репродукции) составляют с вербальным текстом эссе-биографии органическое целое книги, подчеркивая особую роль паратекста в творчестве Байетт. Поиск слов для передачи визуальных образов – особая задача автора эссе-биографии, волновавшая ее на протяжении всего ее творчества. В книге «Павлин и виноградная лоза» она достигает той точности и ясности языка, о которой мечтала, работая над романом «Натюрморт» (1985), но простота и сложность стиля становятся составной частью авторского мифологизма. Англичанин Моррис, который испытывал страстное увлечение Средневековьем и Севером, путешествовал в Исландию и воспринимал скандинавский эпос как живую реальность, сопоставляется с испанцем Фортунни, который пристрастился к Античности и Средиземноморью, жил в Париже и

Венеции и воспринимал скандинавский эпос только через призму театра Вагнера. Увлечение скандинавской мифологией самой Байетт восходит к ее военному детству, что находит отражение в книге «Рагнарек» (2011).

Ключевые слова: эссе; биография; экфрасис; Уильям Моррис; Мариано Фортунни; А. С. Байетт.

В последней книге известной английской писательницы А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» (“*Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny*”, 2016) соединяются параллельные биографии художников и эссе об искусстве. Как и в знаменитых сравнительных жизнеописаниях Плутарха, сопоставляются представители разных национальных культур (у Плутарха – греки и римляне, у Байетт – англичанин Уильям Моррис и испанец Мариано Фортунни). Если Плутарх, отделяя биографию от истории и ставя «этическую цель выше собственно исторической», стремился понять «образ мыслей и характер человека» [Томашевская 1990: 9–11], то Байетт, как Уолтер Пейтер в книге «Ренессанс» (“*The Renaissance*”, 1873–1877), делает акцент на творчестве художников, причем не только на создании артефактов, но и на их субъективном восприятии автором эссе. На первый план в книге Байетт выходят размышления об искусстве рубежа XIX–XX вв., о стиле модерн (ар-нуво), одним из создателей которого был Уильям Моррис (1834–1896), и о его преемнике – стиле ар-деко, одним из создателей которого был Мариано Фортунни (1871–1949). В названии и на обложке книги отражены художественные символы стиля модерн – павлин и виноградная лоза (рисунки на ткани, созданный Филипом Уэббом и Уильямом Моррисом).

Байетт создавала биографии известных и вымышленных писателей в разных жанрах: в документальной биографии Вордсворта и Кольриджа (“*Unruly Times*”, 1970) и в романах, например, «Обладание» (“*Possession*”, 1990) и «Рассказ биографа» (“*The Biographer’s Tale*”, 2000). Эссе об искусстве в ее творчестве тесно связано с эссе о литературе. Книга «Степени свободы» (“*Degrees of Freedom*”, 1965) о ранних романах А. Мердок, которая сама сначала собиралась стать живописцем, начинается с цитаты из статьи “*Against Dryness*” (1961): “We need <...> *to picture*, in non-metaphysical, non-totalitarian, and non-religious sense, the transcendence of reality” (курсив наш. – Н. Б.) [Byatt 1994: 3]. Сборники «Страсти разума» (“*Passions of the Mind*”, 1991) и «Об историях и рассказах» (“*On Histories and Stories*”, 2000) посвящены разным проблемам литературы и искусства, в том числе ее собственным произведениям. В связи с романом «Натюрморт» (“*Still Life*”, 1985) Байетт неоднократно обращалась к творчеству Ван Гога [Графова 2019: 38, 99–112]. Ее романы и рассказы наполнены прямыми и

косвенными аллюзиями к изобразительным искусствам. В эссе-лекции «Портреты в литературе» (“*Portraits in Fiction*”, 2001) сравниваются произведения литературы и живописи [см. Бочкарева 2016].

Объектом эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза», как и романа «Детская книга» (“*The Children’s Book*”, 2009) [Бочкарева 2015], становятся жизнь художников и произведения декоративно-прикладного искусства: “I grow more and more interested in polymaths in the arts and I have always admired those whose lives and arts are indistinguishable from each other. And as I grow older I become more and more interested in craftsmen – glass-blowers, potters, makers of textiles” [Byatt 2016: 3]. Критик Дуглас Мюррей не увидел художественных достоинств книги (первоначально его критическая заметка называлась “Who let A. S. Byatt publish *Peacock and Vine*?”) и посетовал на то, что Байетт не написала роман на эту тему: “This slack, lavishly illustrated essay should have been sent away to develop into a novel” [Murray 2016]. Однако историк искусства и биограф Фиона Маккарти высоко оценила сравнение двух художников и размышления писательницы об искусстве: “Byatt teases out the similarities and contrasts between two multifaceted makers, who each gave their name to famous brands, in this late-life meditation on the values of art” [MacCarthy 2016]. Доминик Браунинг, в прошлом главный редактор американского журнала *House & Garden*, тоже отметила новаторство книги в сопоставлении двух гениальных дизайнеров, сходства деятельности и мировоззрения которых до сих пор никто не замечал [Browning 2016]. Критик Э. П. Вуд, наоборот, увидел недостаток книги в стремлении сблизить героев, но восхитился «элегантной прозой» автора (“intensely visual and descriptive writer”), ее видением реальности (“sharp eye on the real world”) [Wood 2017]. Джейн Шиллинг особенно подчеркнула умение Байетт передавать словами «эмоциональный потенциал» физических объектов: “if anyone can turn words into shade, texture, patina, heft, it is Byatt” [Shilling 2016].

Широкая эрудиция, глубина мысли и острота восприятия, большой жизненный опыт и литературный талант автора делают книгу «Павлин и виноградная лоза» оригинальной как по замыслу, так и по его воплощению. Этим объясняется и расхождение во мнениях критиков. Михаил Эпштейн еще в 1982 г. подчеркивал не только

свободу эссеистики, но и ее пограничный характер: «Эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ. Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью. Стоит ему обрести полную откровенность, чистосердечность интимных излияний – и он превращается в исповедь или дневник. Стоит увлечься логикой рассуждения, диалектическими переходами, процессом порождения мысли – и перед нами статья или трактат. Стоит впасть в повествовательную манеру, изображение событий, развивающихся по законам сюжета, – и невольно возникает новелла, рассказ, повесть» [Эпштейн 2005: 372–373]. Парадоксальное сочетание жанра и внежанровости, мифологии и авторства определяет, по мнению критика, сущность эссе: «Эссеизм – мифология, основанная на авторстве» [Эпштейн 2005: 376]. Поэтому «авторская свобода мифотворчества, включающая свободу от надличной логики самого мифа», формирует жанр эссе. Оно «постоянно колеблется между мифом и не-мифом, между тождеством и различием: единичность совпадает с общностью, мысль – с образом, бытие – со значением, но совпадают не до конца, выступают краями, создающими неровность, сбив» [Эпштейн 2005: 376]. Мифопоэтика романов и рассказов Байетт часто исследуется не только зарубежными, но и российскими учеными [Муратова 1999; Шушпанова 2019 и др.].

Север и Юг (третья глава книги Байетт называется “North & South”) – универсальный архетип европейской культуры, получивший широкое распространение в литературе романтизма («Коринна, или Италия» Жермены де Сталь, «Странствия Франца Штернбальда» Людвига Тика и др.) и реализованный в творчестве Байетт, в частности в рассказах сборника «Стихии: Рассказы огня и льда» (“Elementals: Stories of Fire and Ice”, 1998) и в уже упоминаемом романе «Обладание», за который она получила премию Букер. В этих и других произведениях Байетт взаимодействие Север – Юг часто выражает взаимоотношения мужчины и женщины, искусства и реальности и получает символическое разрешение, например, в дихотомии стекла, как в повести «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» (“The Djinn in the Nightingale’s Eye”, 1994) (см.: [Tiffin 2006; Hicks 2009; Владимирова, Куприянова 2018; Бочкарева, Неклюдова 2019] и др.). Во взаимодействии Севера и Юга, представленных разными национальными культурами, происходит интеллектуальное и чувственное познание героями чужого через свое и своего через чужое. В эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза»

Север и Юг представлены двумя художниками-дизайнерами (Моррисом и Фортуну).

Книга начинается с посещения автором-англичанкой дома-мастерской Мариано Фортуну в Венеции – Палаццо Орфей (Palazzo Pesaro Orfei). Находясь среди каналов и камней Венеции, Байетт закрывает глаза и видит английские леса, дом Морриса в поместье Кельмскотт (Kelmscott Manor), зеленую траву и реку Темзу. В конце книги вариативно повторяется эта сцена и добавляется другая: когда Байетт находится в музее Морриса в Уолтемстоу (William Morris Museum in Walthamstow), она закрывает глаза и видит камни и каналы Венеции. Оба художника сделали свой дом местом своей работы: “They both made the place where they lived identical with the place where they worked” [Byatt 2016: 165]. Оба они были «маниакальными тружениками, бесконечно изобретательными, бесконечно скрупулезными, бесконечно прекрасными» (“two obsessive workers, endlessly inventive, endlessly rigorous, endlessly beautiful”), оба стремились делать вещи разнообразнее и лучше. Самым знаменитым творением Морриса был, конечно, Красный дом (Red House), созданный по проекту архитектора Ф. Уэбба при участии живописцев Э. Берн-Джонса и Д.Г. Россетти. Этому дому, объединившему «жизнь, работу и искусство» (“life, work and art”), разные ремесла и разных художников, посвящен в книге первый параграф второй главы “The Houses”.

Моррис для Байетт – свое, родное, привычное знакомое. Многие вещи в доме восьмидесятилетней Байетт связаны с Моррисом и его деятельностью как дизайнера (кушетка, обои, занавески, полотенце, поднос, плитка), о чем мы узнаем уже в финале книги. А в самом начале Байетт упоминает о том, что ее собственные предки были гончарами в Стаффордшире: “My own ancestors were potters in the English pottery towns – the Five Towns in Staffordshire” [Byatt 2016: 3]. В рассказе Байетт «Расин и скатерть» (“Racine and the Tablecloth”) близкая автору главная героиня Эмили Брей происходит из семьи гончаров графства Стаффордшир (Potteries family, от разговорного названия города гончаров), как и автобиографический повествователь из рассказа «Сахар» (“Sugar”). Оба рассказа обрамляют сборник “Sugar and Other Stories” (1987). Фамилию Potter носят героини романной тетралогии Байетт, которая начинается романом «Дева в саду» (“The Virgin in the Garden”, 1978). Английское гончарное искусство на рубеже XIX–XX вв. в контексте «Движения искусств и ремесел» определило одну из главных сюжетных линий в уже упомянутом романе «Детская книга».

Книга о дизайнерах Моррисе и Фортуне родилась в «промежутке» между выходом в свет романа о Великобритании накануне Первой мировой войны и еще не реализованным замыслом «европейского романа» о психоанализе и сюрреализме [Антония Байетт 2014]. Начиная со сборника «Страсти разума», Байетт неоднократно повторяла в эссе и интервью мысль о связи ее критических работ с созданием романов и рассказов, чтения с письмом, мышления с воображением. Это и определило «промежуточный» характер книги «Павлин и виноградная лоза»: “As I grow older, also, I have come to understand that my writing – fiction and thinking – starts with a moment of sudden realization that two things I have been thinking about separately are parts of the same thought, the same work” [Byatt 2016: 3]. Знание «своего» Морриса подготовило ее интерес к Мариано Фортуне, и наоборот: “I was using Morris, whom I did know, to understand Fortuny. I was using Fortuny to reimagine Morris” [Byatt 2016: 6]. Однако ее интерес к знаменитому кутюрье возник уже при чтении эпопеи М. Пруста «В поисках утраченного времени», где упоминается платье Фортуне, принадлежащее Альбертине. Франция для Байетт, как и для многих современных английских писателей, – второе место жительства: “You come from the North, you live in London, you have a house in France, you feel part of Europe” [Phillips 2017]. Особая любовь к французской культуре и Прусту лейтмотивом проходит через все творчество Байетт, что отражается, например, в двух эпитафиях к роману «Натюр-морт» (из двух романов эпопеи Пруста). Байетт близок его способ видеть цвета и вещи, выражать это видение в словах.

Мариано Фортуне соединил испанскую (отец – знаменитый живописец, да и многие предки были художниками и любителями искусства), итальянскую (палаццо в Венеции) и французскую (создание стиля ар-деко) культуры. После смерти отца его мать переехала в Париж, но из-за его аллергии и болезни им пришлось поселиться в Венеции. Особое пристрастие Мариано Фортуне к Античности и Средиземноморью уводит вглубь веков и делает еще более очевидным его «южное» происхождение как художника: “Fortuny’s imaginative roots were Mediterranean – North Africa, Crete and Delphos” [Byatt 2016: 6]. Оно отчетливо проявляется и усложняется в сопоставлении с Моррисом, который, будучи англичанином, испытывал страстное увлечение Средневековьем: не только историей короля Артура и рыцарей Круглого стола, но и Исландией, и скандинавским эпосом (“the Icelandic sagas, Iceland itself, the North Sea”). В отношении к скандинавской мифологии Байетт отмечает близость и разность

Морриса и Фортуне. Моррис путешествовал в Исландию, воспринимал скандинавский эпос как живую реальность и не принимал Вагнера и его концепцию драматической оперы. Фортуне, напротив, воспринимал скандинавскую мифологию только через призму театра Вагнера, опосредованно. Увлечение скандинавской мифологией самой Байетт восходит к ее военному детству и получает отражение в ее творчестве, особенно в книге «Рагнарек» (“Ragnarök: The End of the Gods”, 2011) [см. подробнее: Муратова 2017], а также в романах и рассказах.

Когда Байетт решила сопоставить (точнее – противопоставить) дизайн Морриса и Фортуне, она не предполагала, что обнаружит столько параллелей их личности и творчества, глубоко связанных и с ее творческой личностью. В рецензии Фионы Маккарти сопоставляются очень похожие фотографии признанных мастеров Морриса и Фортуне [MacCarthy 2016], а в анализируемом нами издании книги Байетт используются совсем другие фотографии, демонстрирующие творческий **диалог** двух молодых дизайнеров [Byatt 2016: 4–5]. Особенно контрастными выглядят в первой главе “Fortuny & Morris” жены художников – Джейн Моррис и Генриетта Негрин, их характеры, отношение к мужу и роль в создании домашней атмосферы и условий для работы. Однако эти различия только подчеркивают эстетизацию женских образов, взгляд на них художников (портреты Морриса и Россетти, карикатуры Берн-Джонса, воспоминания Генри Джеймса и др., картины, фотографии, рисунки Фортуне). По сути, любовь к женщине (отношения с женой) играет в эссе-биографии подчиненную роль по отношению к искусству. При этом пристрастие самой Байетт к вещам, тканям, узору и цвету можно в какой-то мере назвать «женским». Дж. Хеффернан в своей знаменитой книге об экфрасисе противопоставляет визуальное (женское) и вербальное (мужское), опираясь на миф о Филомеле, которая вышивкой на ткани рассказала свою печальную историю [Heffernan 2004: 47–90]. Экфрасические вариации этого мифа прослеживаются от «Метаморфоз» Овидия до «Лукреции» Шекспира. Байетт разрешает этот конфликт, переходя на сторону героев-художников и делая акцент на вербальной репрезентации их дизайнерских экспериментов.

Цвет (преломление света) и форма (соразмерность) являются основными критериями ценностных ориентаций автора эссе-биографии. Книга начитается с наблюдений над игрой света и цвета, с развернутого сопоставления аквамарина (“aquamarine light”) каналов и камней Венеции и разных оттенков зелени (“green light”) английских лугов и лесов. В финальной Коде (“Coda”),

обычно дополняющей завершение музыкального произведения, Байетт признается: “I like looking at colours, just for the sake of looking at colours” [Byatt 2016: 164]. По ее мнению, это единственный правильный взгляд на вещи. Здесь она приводит пример, не связанный непосредственно с Моррисом и Фортуну: на выставке изображений Руанского собора Клода Моне посетители читали названия картин вместо того, чтобы всматриваться в цвета (о символике цвета см. также: [Дарененкова 2012]). В другом месте книги Байетт цитирует лекцию Морриса о дизайне, где указывается на три основных качества орнамента: “beauty, imagination and order” [Byatt 2016: 135]. Центральная (четвертая) глава эссе-биографии называется “Fabrics, Designs & Light” (один из возможных вариантов перевода – «Ткани, узоры, свет») и начинается с ритмов растительных орнаментов Морриса «Жимолость» и «Ивовые ветви» (“the feeling of free growth is contained in the geometrical repetitions” по принципу спирали Фибоначчи), а предыдущая глава заканчивалась описанием Кносского шарфа Фортуну в связи с трагической ролью похожего шарфа в судьбе танцовщицы Айседоры Дункан. Сближающие обоих дизайнеров мотивы рисунков тканей, их цвет и ритм сначала воспринимались Байетт, по ее собственным словам, поверхностно, но чем больше она в них вглядывалась, тем больше думала о человеческой истории, об аллегорическом и метафизическом значении мотивов, помещенных на церковных окнах, шелковых платьях или бархатных пальто.

Так, мотив граната, символизирующего жизнь, смерть и границу между ними, восходит в пятой главе “Pomegranate” к древним культурам, стихотворениям Роберта Браунинга “Bells and Pomegranates” и картине Д. Г. Россетти “Proserpine”, для которой позировала Джейн Моррис и на которой Россетти поместил собственный сонет, раскрывающий через внутренний диалог состояние героини. Байетт переносит отношения между Россетти, Джейн и Моррисом на миф о Прозерпине (Персефоне), заключенной в подземном царстве, темном и холодном. На рисунках Морриса декоративность граната сближает его с другими фруктами, свободно соединяя разные растения. С другой стороны, Байетт актуализирует символику граната как символа распятия и воскресения Христа: “The pomegranate was used to adorn images of the crucifixion and resurrection of Christ” [Byatt 2016: 130], подробно описывает облачения священников, которые создавал Фортуну, и по контрасту упоминает о его знаменитых платьях, подчеркивающих красоту и притягательность женского тела. В детстве Байетт училась в квакерской школе, но, по ее словам,

предпочитала библейским историям скандинавские мифы и сказки. Это нашло отражение и в ее творчестве, и в ценностных ориентирах исследуемой книги, хотя в глубине текста она ведет постоянный и напряженный диалог с Библией и христианством.

Птицы павлин и феникс, которым, как и гранату, Байетт посвящает специальную (шестую) главу “Bird”, в символике венецианских храмов тоже выступают аллегориями бессмертия и воскресения, “symbolizing the triumph of the spirit over the world of earthly desires” (Peter Collier цит. по: [Byatt 2016: 145]). Английская писательница ведет многоуровневый диалог с современными критиками и классиками, цитируя Пруста (платье Альбертины) и Джона Раскина («Камни Венеции»), когда рассматривает фигурки декора собора св. Марка в Венеции. Кроме того, Байетт внимательно вглядывается в изображения птиц на орнаментах Морриса и Фортуну, помещенных в книгу в качестве иллюстраций, и подробно их описывает. Поиск слов для передачи визуальных образов – особая задача автора эссе-биографии, волновавшая ее на протяжении всего творчества.

Кажется, что в книге «Павлин и виноградная лоза» она достигает той точности и ясности языка, о которой мечтала, работая над романом «Натюрморт» [Byatt 1993: 9]. Показателен в этом отношении диалог Байетт с Моррисом и исследователями его творчества, в процессе которого создается ее собственный текст: “I am very attached to his first attempt to depict birds, which he did on his first known embroidery in 1857. This is a woolen hanging, If I Can (Morris’s personal motto), which has a simple pattern of alternating trees bearing red and yellow fruits, and some hunched creatures which I think of as the Flat Bird. The art historian Linda Parry refers to this creature as ‘overstylised’, but I would call it uncouth. It has two flatish slabs, tapering towards the left end, on top of each other, with a beak shape at the top right. I am no sure, looking at it in reproduction, whether it has an eye – there is no attempt at feet. Apparently it was once brightly coloured in aniline dyed crewel wools, which have now faded to ghostly browns” [Byatt 2016: 151, 153]. “The Flat Bird” – обобщенный силуэт птицы для учебных целей [Matthew 2002]. Перевод визуальных образов в словесные напоминает расшифровку иероглифов, точнее – рисуночного письма, простых знаков и одновременно каких-то странных символов. Подробно описывая стилизованную фигурку, Байетт не упоминает других птичек, сидящих на деревьях (см. иллюстрацию: [Byatt 2016: 154]). Скупая точность экфрасиса передает субъективное восприятие автора эссе и становится выражением авторского мифологизма.

Книга Байетт заканчивается подробным описанием произведений Фортун и Морриса с изображением птиц, животных и растений (платье Фортун «Элеонора» с изображением геральдических львов и ткань Морриса «Павлин и Дракон»). Они еще раз указывают на общее и различное в творчестве двух знаменитых дизайнеров рубежа XIX–XX вв. в контексте сопоставления Юга (лев) и Севера (дракон). Завершающий экфрасис более живописен, чем приведенное выше описание гобелена “If I Can”, но и ему присущи эпические ясность и точность: “Morris’s Peacock and Dragon is sumptuous in green and gold. Horizontal lines of golden dragons alternate with horizontal lines of more shadowy peacocks in a redder gold and a shadowy green. They have wonderful curved necks, echoing each other, mouths open to hiss or shoot flame, static and aggressive. The peacocks have proud feet and tails; the dragons curve downwards out of a formal flame. The green background is formal too, and full of green flowers and leaves that make one surface. These are designed to occupy a proud space – a large wall. The whole surface is splendidly integrated and full of interesting detail. Like the Fortuny dress, Peacock and Dragon is brilliant, complicated and simple. I look at them again and again” [Byatt 2016: 168]. Великолепие зеленого усложняется оттенками (“a redder gold and a shadowy green”). Ритм описания передает симметрию орнамента и напоминает застывшее в веках величественное шествие, подчеркнутое эпитетами *proud, static and aggressive*. Его одновременные простота и сложность характеризуют стиль самой Байетт.

Таким образом, английская писательница в эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза» использует на разных уровнях поэтики характерный для нее метод аналогии. Она сопоставляет жизнь и творчество Морриса и Фортун через универсалии Север и Юг, усложненные в национальных (точнее – культурных) образах и символах. Акцент делается не столько на жизни, сколько на творчестве дизайнеров, прежде всего – домах и тканях, причем увиденных глазами самой Байетт, через призму ее биографии и творчества. Главный принцип – постижение своего через чужое и чужого через свое. Если в романе «Детская книга» фигура Морриса вписывалась в социально-политический (защита террористов) и психоаналитический (болезнь гончара Фладда) контексты, то в книге «Павлин и виноградная лоза» его жизнь буквально «освещается» не только его собственным искусством, но и фантастическими экспериментами с цветом и светом, которые проводил Фортун.

Основными критериями оценки выступают цвет (свет) и соразмерность (композиция), харак-

терные для дизайна художников и стиля Байетт. Предложенная нами для удобства анализа нумерация частей отсутствует и в лаконичном оглавлении с трехкратным использованием логограммы &, и в основном тексте, напоминая вариативное развитие музыкальных и орнаментальных мотивов. Иллюстрации (фотографии, рисунки, репродукции) составляют с вербальным текстом эссе-биографии органическое целое книги, подчеркивая особую роль паратекста в творчестве Байетт (см. [Бочкарева, Графова 2021]). В книге «Павлин и виноградная лоза» дизайн, в создании которого принимали участие несколько издателей и художников [Byatt 2016: 180–181], особенно важен для понимания основного текста. В вербальной интерпретации растительных и животных орнаментов (виноградная лоза и гранат, павлин и феникс, лев и дракон) прослеживается многогранный диалог язычества и христианства, прошлого и современности, мужчины и женщины, двух знаменитых дизайнеров, ар-нуво и ар-деко.

Примечание

¹ В статье используются материалы докладов, представленных автором на конференциях «Поспеловские чтения» (Москва, 2017) и «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2018) и ранее не публиковавшихся.

Список литературы

Антония Байетт: русская душа не загадочна / интервью Николая Караева. 29 дек. 2014 г. URL: <http://rus.postimees.ee/3038765/antonija-bajett-russkaja-dusha-ne-zagadochna> (дата обращения: 11.03.2016).

Бочкарева Н. С. Жанровое своеобразие эссе А. С. Байетт «Портреты в литературе» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2016. Вып. 5 (11). С. 222–229.

Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2015. Вып. 3 (31). С. 105–122.

Бочкарева Н. С., Графова О. И. Паратекст романа А. С. Байетт «Дева в саду» в аспекте интермедальности // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 70. С. 199–211. doi 10.17223/19986645/70/11

Бочкарева Н. С., Неклюдова А. Г. Мотивная структура и образы стеклянных пресс-папье в повести А. С. Байетт «Джин в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78

Владимирова Н. Г., Куприянова Е. С. Филологический дискурс в сказочной повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловиный глаз”» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 207–217.

Графова О. И. Экфрастическая экспозиция и ее функции в романах А. С. Байетт «Дева в саду» и «Натюрморт»: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 167 с.

Дарененкова В. С. Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А. С. Байетт: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 190 с.

Муратова Я. Ю. Мифопоэтика в современном английском романе (Дж. Барнс, А. Байетт и Дж. Фаулз): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 28 с.

Муратова Я. Ю. Миф в произведении А. С. Байетт «Рагнарек. Конец богов»: специфика нарратива // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 2. С. 98–102.

Томашевская М. Плутарх // Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 5–24.

Шушпанова М. А. Мифопоэтика А. Байетт: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 214 с.

Эпштейн М. Н. Эссеизм как направление в культуре (1982) // Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. С. 372–377.

Browning D. Designing Men: The Art of William Morris and Mariano Fortuny // The New York Times. 9 Sept. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/11/books/review/a-s-byatt-william-morris-mariano-fortuny-peacock-and-vine.html> (дата обращения: 10.04.2020).

Byatt A. S. Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch. L.: Vintage, 1994. 358 p.

Byatt A. S. Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2016. 184 p.

Byatt A. S. Still Life / Nature morte (1986) // Byatt A. S. Passions of the Mind. L.: Vintage, 1993. P. 9–20.

Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago, London: University Chicago Press, 2004. 249 p.

Hicks E. Material pleasures: the still life in the fiction of A. S. Byatt, Doctor of Philosophy thesis, University of Wollongong, 2009. 253 p.

MacCarthy F. Peacock and Vine by A. S. Byatt review – Mariano Fortuny and William Morris, masters of design // The Guardian. 1 July 2016. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/jul/01/peacock-and-vine-by-as-byatt-review-mariano-fortuny-william-morris> (дата обращения: 10.04.2020).

Murray D. A trick of the light // The Spectator. 9 July 2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/2016/07/who-let-a-s-byatt-publish-peacock-and-vine> (дата обращения: 10.04.2020).

Phillips Ju. A. S. Byatt: I Have Not Yet Written Enough At 80, the Iconic Writer Reflects on Brexit, Mortality, and the Literary Life. 9 February 2017. URL: <https://lithub.com/a-s-byatt-i-have-not-yet-written-enough> (дата обращения: 10.12.2019). This interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016.

Shilling J. The stuff of life: how A. S. Byatt intertwined the lives of William Morris and Mariano Fortuny // The English Revolt. 21 July 2016. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2016/07/stuff-life-how-s-byatt-intertwined-lives-william-morris-and-mariano-fortuny> (дата обращения: 10.04.2020).

Tiffin J. Ice, Glass, Snow: Fairy Tale as Art and Metafiction in the Writing of A. S. Byatt // Marvels & Tales. 2006. Vol. 20, № 1. P. 47–66.

Wood A. P. Book review: Peacock and Vine by A. S. Byatt // The New Zealand Listener. 29 Mar. 2017. URL: <https://www.noted.co.nz/culture/culture-books/book-review-peacock-and-vine-by-as-byatt> (дата обращения: 10.04.2020).

References

Antoniya Bayett: russkaya dusha ne zagadochna. Interv'yu Nikolaya Karaeva. 29 dek. 2014 g. [Antonia Byatt: Russian soul is not mysterious. Interview with Nikolay Karaev. December 29, 2014]. Available at: <http://rus.postimees.ee/3038765/antoniya-bajett-russkaja-dusha-ne-zagadochna> (accessed 11.03.2016). (In Russ.)

Bochkareva N. S. Zhanrovoe svoeobrazie esse A. S. Bayett 'Portrety v literature' [Genre originality of A. S. Byatt's essay 'Portraits in Fiction']. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2016, issue 5(11), pp. 222–229. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Ekfrasis proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A. S. Bayett 'Detskaya kniga' [Ekphrasis of arts and crafts in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3 (31), pp. 105–122. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Grafova O. I. Paratekst romana A. S. Bayett 'Deva v sadu' v aspekte intermedial'nosti [The intermedial aspect of paratext of the novel 'The Virgin in the Garden' by A. S. Byatt]. *Tomsk State University Journal of Philology* [Tomsk State University Journal of Philology], 2021, issue 70, pp. 199–211. doi 10.17223/19986645/70/11 (In Russ.)

Bochkareva N. S., Neklyudova A. G. Motivnaya struktura i obrazy steklyannykh press-pap'e v povesti A. S. Bayett 'Dzhin v butylke iz stekla 'solov'inyy glaz'' [The motif structure and images of glass paperweights in the fairy story 'The Djinn in the Nightingale's Eye' by A. S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78 (In Russ.)

Vladimirova N. G., Kupriyanova E. S. Filologicheskiy diskurs v skazochnoy povesti A. S. Byatt 'Dzhinn v butylke iz stekla 'solov'inyy glaz'' [Philological discourse in the poetics of A. S. Byatt's fairy story 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, issue 4 (47), pp. 207–217. (In Russ.)

Grafova O. I. *Ekfrasticheskaya ekspozitsiya i ee funktsii v romanakh A. S. Bayett 'Deva v sadu' i 'Natyurmort'*. Dis. kand. filol. nauk [Ekphrastic exposition in A. S. Byatt's novels 'The Virgin in the Garden' and 'Still Life'. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 167 p. (In Russ.)

Darenenkova V. S. *Simvolika tsveta v 'Malen'koy chernoy knige rasskazov'*. Dis. ... kand. filol. nauk [Symbolism of color in A. S. Byatt's 'Little Black Book of Stories'. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012. 190 p. (In Russ.)

Muratova Ya. Yu. *Mifopoetika v sovremenom angliyskom romane: Dzh. Barnes, A. Bayett, Dzh. Faulz*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Mythopoetics in the contemporary English novel: J. Barnes, A. Byatt, J. Fowles. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 28 p. (In Russ.)

Muratova Ya. Yu. Mif v proizvedenii A. Bayett 'Ragnarek. Konets bogov': spetsifika narrativa [The myth in the story 'Ragnarok. The End of the Gods' by A. Byatt: Narrative specifics]. *Vestnik Kostromskogo Universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2017, vol. 23, issue 2, pp. 98–102. (In Russ.)

Tomashevskaya M. Plutarkh [Plutarch]. *Plutarkh. Izbrannye zhizneopisaniya* [Plutarch. Selected biographies: in 2 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1, pp. 5–24. (In Russ.)

Shushpanova M. A. *Mifopoetika A. Bayett*. Dis. ... kand. filol. nauk [Mythopoetics of A. Byatt. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2019. 214 p. (In Russ.)

Epstein M. N. *Esseizm kak napravlenie v culture (1982)* [Essayism as a movement in culture (1982)]. *Postmodern v russkoy kulture* [Postmodernity in Russian culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005, pp. 372–377. (In Russ.)

Browning D. Designing men: The art of William Morris and Mariano Fortuny. *The New York Times*. September 9, 2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/09/11/books/review/a-s-byatt-william-morris-mariano-fortuny-peacock-and-vine.html> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Byatt A. S. *Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch*. London, Vintage, 1994. 358 p. (In Eng.)

Byatt A. S. *Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny*. N. Y., Alfred A. Knopf, 2016. 184 p. (In Eng.)

Byatt A. S. Still life / Nature morte (1986). Byatt A. S. *Passions of the Mind*. L., Vintage, 1993, pp. 9–20. (In Eng.)

Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Hicks E. *Material pleasures: The still life in the fiction of A. S. Byatt*. Doctor of Philosophy thesis, University of Wollongong, 2009. 253 p. (In Eng.)

MacCarthy F. Peacock and Vine by A. S. Byatt review – Mariano Fortuny and William Morris, masters of design. *The Guardian*. July 1, 2016. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/jul/01/peacock-and-vine-by-as-byatt-review-mariano-fortuny-william-morris> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Murray D. A trick of the light. *The Spectator*. July 9, 2016. Available at: <https://www.spectator.co.uk/2016/07/who-let-a-s-byatt-publish-peacock-and-vine> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Phillips Ju. *A. S. Byatt: I have not yet written enough at 80, the iconic writer reflects on Brexit, mortality, and the literary life*. February 9, 2017. Available at: <https://lithub.com/a-s-byatt-i-have-not-yet-written-enough> (accessed 10.12.2019). This interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016. (In Eng.)

Shilling J. The stuff of life: how A. S. Byatt intertwined the lives of William Morris and Mariano Fortuny. *The English Revolt*. July 21, 2016. Available at: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2016/07/stuff-life-how-s-byatt-intertwined-lives-william-morris-and-mariano-fortuny> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Tiffin J. Ice, glass, snow: Fairy tale as art and metafiction in the writing of A. S. Byatt. *Marvels & Tales*, 2006, vol. 20, issue 1, 2006, pp. 47–66. (In Eng.)

Wood A. P. Book review: Peacock and Vine by A. S. Byatt. *The New Zealand Listener*. March 29, 2017. Available at: <https://www.noted.co.nz/culture/culture-books/book-review-peacock-and-vine-by-as-byatt> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

GENRE POETICS OF A. S. BYATT'S BOOK 'PEACOCK & VINE'

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

SPIN-code: 5691-5020

ResearcherID: P-2300-2016

Submitted 15.05.2021

The article deals with the last book of the well-known English writer A. S. Byatt *Peacock & Vine* (2016) in the context of her oeuvre (novels, stories, essays). It is proved that the controversial reviews by British critics are caused by the character of the genre and the author's mythology. The book combines biographies of two artists and an essay on design of the turn of the 19th–20th centuries. It is concluded that A. S. Byatt uses her particular method of analogy at different levels of poetics. She juxtaposes biographies and oeuvres of William Morris and Mariano Fortuny with the help of such universals as the North and the South, which acquire a complicated character due to their being represented through national (or more specifically, cultural) images and symbols. The emphasis is not so much on the life as on the oeuvre of the designers – first and foremost, their houses and fabrics as seen by Byatt herself and through her biography and oeuvre. Her main principle lies in conceiving something of her own through something of the other's, and vice versa. While the figure of Morris in Byatt's novel *The Children's Book* (2009) was fitted in the social, political, and psychoanalytical contexts of the epoch, the book *Peacock & Vine* 'illuminates' the artist's life both with his own works and Fortuny's experiments with colors and light.

The main evaluation criteria are color (light) and proportion (contexture), distinctive for both the artists' design and Byatt's style. However, in verbal interpretation of floral and animalistic ornaments (vines and pomegranates, peacocks and phoenixes, lions and dragons), one can see a comprehensive dialogue between paganism and Christianity, past days and modernity, a man and a woman, two famous designers, *ars nouveau* and *ars deco*. Illustrations (photographs, drawings, reproductions) together with the verbal text of the biographical essay make an organic whole of the book, which emphasizes a special role of paratext in Byatt's works. Searching for words to represent visual images is a special task for an author of a biographical essay that she was conscious about in her works. In the book *Peacock & Vine*, Byatt acquires the accuracy and clarity of the language she was dreaming of when working over the novel *Still Life* (1985). At the same time, simplicity and complexity of her style have become an integral part of her own mythology. The Englishman Morris, being passionate about the Middle Ages and the North, travelled to Iceland and conceived of the Scandinavian saga as a real history. In the Byatt's book he is compared with the Spaniard Fortuny, who had a penchant for Classical Antiquity and the Mediterranean world, lived in Paris and Venice, and conceived of the Scandinavian saga only through the prism of the Wagner Theatre. As to the Byatt's love to Scandinavian mythology, it goes back to her war-time childhood, which is reflected in her book *Ragnarok: The End of the Gods* (2011).

Key words: essay; biography; ekphrasis; William Morris; Mariano Fortuny; A. S. Byatt.

УДК 821.161.1
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85

КОНЦЕПТ «ЧАЙ» В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Иван Валерьевич Бурдин

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. burdin@post.cz

SPIN-код: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Статья поступила в редакцию 15.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурдин И. В. Концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85

Please cite this article in English as:

Burdin I. V. Kontsept «chay» v poeme N. V. Gogolya «Mertvye dushi» [The Concept ‘Tea’ in the Poem ‘Dead Souls’ by Nikolai Gogol]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 79–85. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-79-85 (In Russ.)

Статья посвящена исследованию концепта «чай» в произведении Н. В. Гоголя «Мертвые души». Выделены основные репрезентации изучаемого концепта в поэме, определено значение чаепития для сюжета и композиции произведения, представлены выводы о символическом значении чая в «Мертвых душах». Сопоставление реализации концепта «чай» в поэме с реализацией этого концепта в других произведениях Н. В. Гоголя («Ревизор», «Невский проспект», «Портрет», «Нос», «Шинель» и др.) позволило сделать вывод об особой роли чая в поэме «Мертвые души». Актуализация изучаемого концепта в тексте поэмы соотнесена с литературным и историческим контекстом, показано, в чем заключается новаторство Н. В. Гоголя, выявлены особенности гоголевского литературного чаепития.

В поэме «Мертвые души» автор особое внимание уделяет угощениям на столах помещиков. При этом роль чая оказывается существенно более значительной, чем роль прочих угощений, напиток присутствует в каждой главе. Чай подчеркивает контрасты в тексте, позволяет автору сделать гротеск более ярким, проиллюстрировать мотив пути, служит выразительной бытописательской деталью. Основными репрезентациями концепта «чай» в поэме являются: «элемент гостеприимства», «атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры».

Чай неразрывно связан с ключевым символическим лейтмотивом произведения – дорогой. Репрезентация «чай как атрибут путешествия» сближает поэму Н. В. Гоголя с другими текстами русской литературы, в которых чай входит в семантическое поле «дорога», а сам путь наделяется символическим значением.

Ключевые слова: концепт; репрезентация; русская литература; поэма; реконструкция; концептосфера.

Гастрономические привычки Н. В. Гоголя не раз становились предметом исследования. Описывают их, в частности, биографы и современники писателя. Так, М. П. Погодин в «Записках» изображает процесс «вкушения» Н. В. Гоголем макарон: «Вот приносятся макароны в чашке, открывается крышка, пар повалил оттуда клубом. Гоголь бросает масло, которое тотчас рас-

плывается, посыпает сыром, становится в позу, как жрец, готовящийся совершать жертвоприношение, берет ножик и начинает разрезать...» [Погодин 1865: 887] При этом биографические источники не сообщают никаких сведений о любви Н. В. Гоголя к чаю.

Такой информационный вакуум, однако, не послужил для производителей чая препятствием

к тому, чтобы выпустить напиток, названный в честь Н. В. Гоголя. Травяной сбор «Гоголь», содержащий листья малины, смородины, ежевики и черной рябины, выпускается под брендом «Домашние истории» [https://vsedrugoeshop.ru/catalog/chay/chay_v_korobke_gogol/]. Любовь классиков русской литературы, в том числе Н. В. Гоголя, к чаю, не раз становилась предметом исследования ученых [Барыбин, Давыдова 2005; Бахтадзе 1961; Бурдин 2021; Коваль 2009; Спиридонова 2020; Цзоу 2007; Якушева 2009].

В произведениях Гоголя чай, возникая чаще всего в гастрономическом или в экономическом аспекте, как правило, органично связывается с сюжетом произведений. Примером этому могут служить знаменитые «Петербургские повести» Гоголя. В повести «Невский проспект» (1833–1834) питье чая (упоминаемого вместе с кофе) выступает неотъемлемой частью жизни главной улицы Санкт-Петербурга. Чай на Невском проспекте пьют как состоятельные горожане, так и менее обеспеченные слои населения. Характерные для русской литературы иллюстрации аристократического чаепития соседствуют в повести с упоминанием чая как любимого напитка бедных «петербургских художников», которые пьют «чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате», когда они скромно толкуют о своем любимом предмете (то есть живописи), и вовсе «небрегуши об излишнем» (3: 12)¹.

В повести «Портрет» (1832–1842) упоминание чая сопряжено с двумя значимыми в судьбе главного героя моментами: с попыткой хозяина дома, который в старости «...уже не щеголял, не хватал, не задирался, любил только пить чай и болтать за ним всякий вздор», выселить художника из квартиры (3: 79), и с размышлениями Чарткова о будущей жизни: «Теперь я обеспечен, по крайней мере, на три года, могу запереться в комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мешать и надоедать мне теперь никто не станет...» (3: 82).

В повести «Записки сумасшедшего» (1834) упоминание чая встречается в эпизодах, иллюстрирующих безумие героя. В частности, Аксентий Иванович приводит слухи о животных, обладающих человеческими качествами, рассказывая о их любви к заморскому напитку: «Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю» (3: 18). В другом месте повести автор воспроизводит переписку двух собак Фидель и Меджи, в которой также содержится упоминание чая; чай выступает здесь показателем особого «аристократического» положения одной из собак: «Я пью чай и кофий со сливками. Ах, machere, я должна тебе сказать,

что я вовсе не вижу удовольствия в больших обглоданных костях, которые жрёт на кухне наш Полкан» (3: 192). Описание того, как животные пьют чай и рассуждают о нем, подчеркивает необычность и нестандартность мышления Сумасшедшего и его отход от привычного и традиционного поведения, принятого окружающим обществом. Кроме того, в приведенных фрагментах видится характерное для Н. В. Гоголя высмеивание устоявшихся в российском обществе традиций аристократического чаепития.

В повести «Нос» (1836) уже сам факт упоминания заведения «Кушанье и чай» (3: 49) достаточно красноречиво характеризует повседневный российский быт; «несколько фунтов чаю или сукна» (3: 81) интерпретируется как хороший подарок официальному лицу (хотя и несколько уступающий деньгам); предложение «выкушать» совместно «чашечку чаю» воспринимается как благодарность за «большую приятность» (3: 65).

Главный герой повести «Шинель» (1841) Акакий Акакиевич Башмачкин, вступая на путь экономии, вызванной необходимостью сшить новую шинель, решает в первую очередь отказаться от чая: «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи...» (3: 148). В этом же произведении употребление чая показывается как органичная часть досуга петербургских чиновников – «время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями <...>, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек...» (3: 140), поэтому отказ Акакия Акакиевича от чаепития может интерпретироваться и как временный выход из своего сословия. Примечательно, что после появления у героя новой шинели его приглашают принять участие в коллективном чаепитии: «...Один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: “Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник”. Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение» (3: 151). Посещение Акакием Акакиевичем этого мероприятия становится для него роковым, поскольку драгоценную шинель отнимают у него при возвращении с этого чаепития.

Таким образом, уже в «Петербургских повестях» можно заметить определенную закономер-

ность, связанную с обращением Гоголя к мотивам чая и чаепития. Как правило, концепт «чай» появляется в тексте тогда, когда необходимо подчеркнуть материальное положение и сословную принадлежность героев, одновременно они способствуют экспликации наиболее значимых для развития сюжета моментов. Концепт «чай» играет совершенно особую роль в повестях: будучи фоновой деталью и занимая, казалось бы, незначительное пространство в тексте, чай, тем не менее, возникает в самые яркие моменты и подталкивает сюжет к дальнейшему развитию и кульминации.

Упоминается чай и в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар» (4: 31), – сетует Городничий. «В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, – оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай». В этих словах Городничего чай упоминается не только как напиток, но и в связи с традицией оставлять «на чай», т. е. давать чаевые. При этом оба значения слова связаны не только между собой, но и с предыдущей репликой героя о чае: два целковых, оставленных в качестве чаевых, являются достаточно щедрыми «бонусом», а следовательно, на них действительно можно приобрести чай.

Примечательно, что чай не упоминается в таких произведениях Н. В. Гоголя, как «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Женитьба». Этот факт вписывается в сложившееся в русской культуре и литературе противостояние: там, где есть «горилка», нет места чаю, и наоборот. О подобной борьбе двух напитков пишет крупнейший исследователь чая и водки в России В. В. Похлебкин: «между водкой и чаем как бы существует некое скрытое соперничество и ведется как бы скрытая борьба за распространение и «влияние» в народе» [Похлебкин 1995: 8].

Особую роль концепт «чай» играет в поэме «Мертвые души». Еда в произведении неоднократно становилась предметом внимания исследователей, ученые говорили о ее «важности и значимости в композиционной структуре художественного текста» [Николаева 2018: 182]. Однако концепт «чай» в поэме «Мертвые души» специально не исследовался. При этом именно чай является в произведении некой «константой»: этот напиток подается на стол каждого помещика и присутствует в каждой главе.

Чай упоминается уже в первых строках «Мертвых душ». Описывая гостиницу уездного города NN, в которой останавливается Чичиков, Гоголь замечает: «купцы по торговым дням приходили сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю» (5: 7). Примечательно, что

чай в этом фрагменте неразрывно связан с купеческим сословием, несмотря на то что в литературе периода 1840-х гг. чай уже не является неизменным атрибутом жизни купцов. «Чай как атрибут купеческого быта» – эта, одна из ключевых репрезентаций концепта «чай» литературы рубежа XVIII и XIX вв., возникая уже в самом начале поэмы, подготавливает тем самым все дальнейшие неожиданные и нелогичные путешествия во времени, которые на протяжении всего произведения будут сопровождать читателя.

Исследователи характеризуют художественное время поэмы как парадоксальное, отмечая, что сюжет поэмы существует «вне времени»; парадоксы подчеркивают вневременной характер произведения. «Странные метаморфозы и алогичные деформации изображенного Гоголем времени делают невозможной его правдоподобную конкретизацию и усиливают “неопределенность”, так что время года действительно “неизвестно”» [Кривонос 2011: 237]. Неожиданную связь чая с купеческим сословием в поэме «Мертвые души» также возможно внести в список подобных парадоксов, важных для реализации замысла произведения.

Отдельно следует уточнить, что именно представляла собой «пара чая», о которой пишет Н. В. Гоголь. Вопреки очевидной ассоциации, это не две чашки чая, а способ сервировки, предполагающий подачу двух чайников – заварочного и с кипятком. Подробно питание чая «парами» описывает П. И. Мельников-Печерский, отмечая, что пары подавались по числу гостей: «Они угощались двенадцатью парами чая» [Мельников-Печерский 1998: 30]. Упоминание в тексте подобного «сервиза» позволяет говорить о китайских мотивах в чаепитии Н. В. Гоголя; как известно, именно таким образом принято пить китайские сорта чая, предусматривающие многократную заварку. Подобная традиция существует и в наши дни, с той лишь разницей, что вместо чайника с кипятком используется термос.

Продолжая описание гостиницы, Н. В. Гоголь уподобляет чайные чашки птицам-чайкам. «Половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками» (5: 7). Представленный в данном фрагменте гостиничный быт позволяет сделать вывод об огромной популярности чая, хотя первоначально он был заявлен как исключительно купеческий напиток. «Летающие» подносы с большим количеством чашек говорят о том, что чай был самым востребованным напитком в гостинице.

В главе, посвященной Манилову, чай упоминается дважды. Причем чай здесь выступает в качестве такой детали, без которой умиротворенный, погруженный в мечты дух этого помещика проиллюстрировать невозможно. Описывая распорядок дня приказчика Манилова, Н. В. Гоголь отмечает: «А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай» (5: 31). Н. В. Гоголь высмеивает приказчика – крестьянина, добравшегося до власти. Традиционная для литературы XIX в. репрезентация концепта «чай» «как элемент роскоши» приобретает здесь особое, гротескное звучание. Стремление героя сделать самовар неизменной частью своего быта, вкупе с прочими особенностями поведения героя, предстает у Гоголя как некая пародия на аристократический образ жизни, что, собственно, и помогает понять сущность маниловского приказчика.

Чай становится той деталью, которая помогает придать иронический оттенок размышлениям о жизни и самого Манилова: «Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах» (5: 37). В мечтах Манилова о благополучии неизменно присутствует чай. В данном фрагменте актуализируется целый ряд репрезентаций: «чай как отдых», «чай как атрибут дружбы» и, в меньшей степени, «чай как элемент роскоши».

Чай оказывается на столе и у следующего помещика – Коробочки. «– А с чем прихлебнете чайку? Во фляжке фруктовая» (5: 47), – спрашивает хозяйка Чичикова, имея в виду настоящую на фруктах водку. Вопреки ожиданиям читателя, «с чем» означает «с каким спиртным напитком», а не «с какой закуской» будет подан чай. В этом отрывке актуализируется классическая для русской литературы репрезентация «чай как часть алкогольной культуры».

«– Недурно, матушка, хлебом и фруктовой. Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большою свободою, нежели с Маниловым, и во все не церемонился» (5: 47). Автор поясняет, что часть вкупе с фруктовой может служить символом особой близости, здесь мы видим реализацию репрезентации «чай как атрибут дружеского общения». «У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести

душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста...» (5: 47), – далее размышляет Н. В. Гоголь. Внимательный читатель может добавить, что не только говорить, но и чай пить иначе будет такой «мудрец».

Чай возникает и при посещении Чичиковым Ноздрева: «Чичиков ушел в комнату одеться и умыться. Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома» (5: 83). Примечательно, что и здесь чайный прибор соседствует с ромом. Такая особенность чаепития (с алкоголем), по Гоголю, должна свидетельствовать об особой близости чаевников.

Впервые появившееся в главе, посвященной Коробочке, соседство чая с горячительными напитками сохраняется и в последующих главах, что служит раскрытию основной идеи произведения. Н. В. Гоголь замыслил «Мертвые души» как некую лестницу, поэтому логично, что детали быта первого помещика сохраняются или усиливаются в последующих главах.

Описав чайный стол, автор переходит к общему виду столовой Ноздрева: «В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притрагивалась вовсе. На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти» (5: 83). Здесь чаепитие в лучших традициях русской литературы и культуры соседствует с другой пришедшей из Европы привычкой – табакокурением. Однако если чайную атрибутику автор изображает достаточно живописно, то от табака в «Мертвых душах» остается лишь зола, лежащая прямо на скатерти и свидетельствующая о неряшливости помещика, с одной стороны, и запущенности хозяйства – с другой.

Наиболее ярко, гротескно и в то же время тонко и точно чай представлен в главе, посвященной центральному герою – Плюшкину. «– А что, вы уж собираетесь ехать? – сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок. Этот вопрос напомнил ему, что в самом деле незачем более мешкать. – Да, мне пора! – произнес он, взявшись за шляпу. – А чайку? – Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время. – Как же, а я приказал самовар» (5: 129). Неловкий и неуместный намек на желание выпроводить гостя Плюшкин тут же пытается завуалировать дежурным предложением выпить чай. Впрочем, упоминание о чае в качестве знака гостеприимства быстро сменяются менее возвышенными рассуждениями: «Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси

Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я уже снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог, а письмо-то председателю вы отдайте» (5: 129). Плюшкин мастерски актуализирует в своей речи репрезентации концепта «чай», отождествляющие этот напиток с общением, гостеприимством и дружбой. Однако напиток на столе так и не появляется. От высоких материй Плюшкин быстро переходит к репрезентации «чай как товар». Причем актуализируется она в самой очевидной своей форме, довольно редкой для русской литературы в целом и творчества Н. В. Гоголя в частности: герой рассуждает о ценах на сам напиток, а также на сахар, с которыми состоятельные люди привыкли пить чай. Примечательно, что в главе о Плюшкине образ чая сопровождается упоминанием не табака и не фруктовой, а сухаря – главного символа плюшкинского быта. Такое сочетание: дорогой чай со старым сухарем – можно назвать вершиной, выстроенной на контрастах гоголевской поэтики.

Концепт «чай» является ключевым для раскрытия образа Плюшкина – «прорехи на человечестве». Через чай как символ общения раскрывается отношение героя к людям, а репрезентация «чай как товар» позволяет воссоздать портрет Плюшкина, подчеркивая все пороки персонажа. Обращение к чаю в главе, посвященной Плюшкину, построено на контрасте: показного и истинного, гостеприимства и жадности, богатства и бедности, духовного и материального, возвышенного и низменного.

Чай сопровождает Чичикова и в гостинице: «Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел подать себе чаю» (5: 213). Здесь возникают классические для русской литературы репрезентации: «чай как таймкиллер», «чай как атрибут путешествия». Едва Чичиков приступил к чаепитию, на пороге появился Ноздрев: «Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду, верно, не спит. А! вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку» (5: 213). Чай вновь выступает точкой опоры, вокруг которой разыгрывается комическое воплощение гостеприимства в «Мертвых душах». Имплицитно в этих отрывках присутствует и репрезентация «чай как товар»: Чичиков неслучайно пьет дорогостоящий напиток от скуки, а Ноздрев выражает готовность подкрепиться чаем за чужой счет. «Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?» (5: 213) – заявляет Ноздрев, чай здесь вновь соседствует с табаком. При этом сам Чичиков не курит. Можно предположить, что готовность героя разделить чайную трапезу, но

не «трубку», свидетельствует о его неискренности, скрывающейся за внешним гостеприимством. Такой вывод позволяет сделать существовавшее в России XIX в. отношение к табаку: «В обществе же в целом отношение к табаку было весьма снисходительное, к тому же, многие считали его невинной – и безвредной – забавой. (...) Не курили в ту пору в Петербурге разве священнослужители и старообрядцы» [Богданов 2007: 13].

Чай, причем чай как знак гостеприимства, гостеприимства настоящего, искреннего, а не показного, присутствует и в жизнеописании главного героя. Узнав, в какую церковь приходила дочь повыхчика по воскресным дням, герой «становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, – и дело возымело успех: пошатнулся суровый повыхчик и зазвал его на чай!» (5: 231)

Таким образом, концепт «чай» актуализируется в большинстве произведений Н. В. Гоголя. И в «Петербургских повестях», и в комедии «Ревизор» детали, связанные с чаепитием, позволяют воссоздать атмосферу эпохи и места действия, будь то элитарные столичные заведения или провинциальная гостиница. Чай подчеркивает контрасты в тексте, позволяет автору сделать гротеск более ярким, служит выразительной бытописательской деталью.

Наиболее значимым как для сюжета, так и для поэтики произведения является концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». «Стремясь объективно показать людей того времени, уклад и быт их жизни, Гоголь использует детальное описание, портретную характеристику, интерьер, говорящие фамилии, а также образы еды» [Николаева 2018: 183], – пишет современный исследователь. Огромное внимание в поэме автор уделяет угощениям, среди которых обязательно присутствует и чай. Более того, роль чая в «Мертвых душах» гораздо более значительна, чем роль прочих угощений. Ключевыми репрезентациями концепта в поэме являются следующие: «чай как элемент гостеприимства», «чай как атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры». Чаепитие характеризует героев поэмы, атрибуты чайной трапезы становятся яркими деталями, иллюстрирующими быт того или иного помещика. Помещики в «Мертвых душах» не похожи друг на друга, но в каждом доме Чичикова сопровождает чай.

Чай неразрывно связан с ключевым символическим лейтмотивом произведения – дорогой. Репрезентация «чай как атрибут путешествия» сближает поэму Н. В. Гоголя с другими текстами русской литературы, в которых чай входит в се-

мантическое поле «дорога», а сам путь наделяется символическим значением. Чай пьет Печорин в путешествии по Кавказу в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова, чай пьет автобиографический герой Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника». При этом в «Письмах» чай является одновременно и «дорожным», и «домашним» напитком. «Чай выступает не просто как атрибут собственного дома, фактически автор приравнивает чай и кофе к домохозяйству» [Бурдин, Бурдина 2019: 175]. Примечательно, что как в «Письмах», так и в «Мертвых душах» чай наделяется амбивалентной природой, выступая одновременно и как атрибут дороги, и как незаменимый продукт в любом хозяйстве.

В поэме встречается ряд примеров, где традиции чаепития героев подвергаются осмеянию автором. Н. В. Гоголь сатирически описывает умеренное потребление чая постояльцами гостиниц, излишнюю любовь к чаю маниловского приказчика, высмеивает «элитные» пристрастия героев. Гротескно представлено и несостоявшееся чаепитие у Плюшкина, который считает чай дорогим продуктом, однако же изображает готовность его подать, намекая гостю на необходимость как можно быстрее ретироваться. Свообразным продолжателем традиции Н. В. Гоголя изображать питье чая комически станет А. Н. Островский, в его «Женитьбе Бальзамина» напиток показан как неотъемлемый атрибут замоскворецкого быта, который в пьесе подвергается осмеянию.

Примечание

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка на издания из списка источников с указанием номера тома и страницы.

Список источников

- Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 3. 335 с.
Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 4. 336 с.
Гоголь Н. В. Мертвые души // Собр. соч.: в 10 т. М.: Правда, 1984. Т. 5. 319 с.

Список литературы

- Барыбин Е. В., Давыдова Ю. С. Искусство чайной церемонии. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 185 с.
Бахтадзе К. Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961. 116 с.
Богданов И. А. Дым Отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 50 с.
Бурдин И. В. Чай и чаепитие в повести Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома»

// Континентальные глаголы: Альманах международного клуба. Пермь, 2021. С. 78–83.

Бурдина С. В., Бурдин И. В. Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филологический аспект. 2019. № 11(55). С. 172–176.

Кривонос В. Ш. Временная структура поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 237–255.

Мельников-Печерский П. Т. На горах. М.: Эксмо, 1998. 268 с.

Николаева Э. Е. Концепт еды в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Мировая литература глазами современной молодежи. Магнитогорск: МГПИ, 2018. С. 182–185.

Погодин М. П. Записки (фрагмент) // Русский Архив. М.: Типография В. Грачева и Комп., 1865. Вып. 7(12). С. 887–894.

Похлебкин В. В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1995. 111 с.

Спиридонова И. Н. Традиции чаепития в России URL: <http://inspir52.ya.ru/4548> (дата обращения: 28.05.2020)

Цзоу С. Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. 2007. № 1. С. 437–441.

Якушева Л. А. Русское чаепитие как текст повседневной культуры. // Аналитика культурологии. 2009. Вып. 3(15). С. 214–217.

References

- Barybin E. V., Davydova Yu. S. *Iskusstvo chaynoy tseremonii* [The Art of the Tea Ceremony]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2005. 185 p. (In Russ.)
Bakhtadze K. E. *Razvitie kul'tury chaya v SSSR* [The Development of Tea Culture in the USSR]. Tbilisi, Georgian Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 116 p. (In Russ.)
Bogdanov I. A. *Dym Otechestva, ili Kratkaya istoriya tabakokurenija* [Smoke of the Fatherland, or Brief History of Tobacco Smoking]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 50 p. (In Russ.)
Burdin I. V. Chay i chaepetie v povesti F. M. Dostoevskogo 'Zapiski iz mertvogo doma' [Tea and tea drinking in the story 'The House of the Dead' by F. M. Dostoevsky]. *Kontinental'nye glagoly: Al'manakh mezhdunarodnogo kluba* [Continental Verbs: Almanac of the International Club]. Perm, Perm State University Press, 2021, pp. 78–83. (In Russ.)
Burdina S. V., Burdin I. V. *Khudozhestvennyy kontsept 'chay' v 'Pis'makh russkogo puteshhestvennika'* N. M. Karamzina [Artistic concept 'tea' in

'Letters of Russian Traveler' by N. M. Karamzin]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], 2019, issue 11(55), pp. 172–176. (In Russ.)

Krivosos V. Sh. Vremennaya struktura poemy N. V. Gogolya 'Mertvye dushi' [The temporal structure of the poem 'Dead Souls' by N. V. Gogol]. *Romantizm vs realizm: paradigmy khudozhestvennosti, avtorskie strategii: sbornik nauchnykh statey: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora I. A. Dergachova* [Romanticism vs Realism: Paradigms of Artistry, Authors' Strategies: collection of scientific articles: On the occasion of the 100th anniversary of the birth of Professor I. A. Dergachev]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2011, pp. 237–255. (In Russ.)

Mel'nikov-Pecherskiy P. T. *Na gorakh* [On the Mountains]. Moscow, Eksmo Publ., 1998. 268 p. (In Russ.)

Nikolaeva E. E. Kontsept edy v poeme N. V. Gogolya 'Mertvye dushi' [The concept of food in the poem 'Dead Souls' by N. V. Gogol]. *Mirovaya literatura glazami sovremennoy molodezhi* [World Literature through the Eyes of Modern Youth]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 2018, pp. 182–185. (In Russ.)

Pogodin M. P. Zapiski (fragment) [Notes (fragment)]. *Russkiy arkhiv* [Russian Archive], 1865, issue 7(12), pp. 887–894. (In Russ.)

Pokhlebin V. V. *Chay i vodka v istorii Rossii* [Tea and Vodka in the History of Russia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1995. 111 p. (In Russ.)

Spiridonova I. N. *Traditsii chaepitiya v Rossii* [Traditions of Tea Drinking in Russia]. Available at: <http://inspir52.ya.ru/4548> (accessed 28.05.2020). (In Russ.)

Tsou S. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta 'chay' i ee uchet v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu kitayskikh studentov [National and cultural features of the concept of 'tea' and taking it into account when teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. *Izvestiya RGPU im. Gertsina* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2007, issue 1, pp. 437–441. (In Russ.)

Yakusheva L. A. Russkoe chaepitie kak tekst povsednevnoy kul'tury [Russian tea drinking as a text of everyday culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], 2009, issue 3(15), pp. 214–217. (In Russ.)

THE CONCEPT 'TEA' IN THE POEM 'DEAD SOULS' BY NIKOLAI GOGOL

Ivan V. Burdin

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. burdin@post.cz

SPIN-code: 5274-2379

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4378-4338>

Submitted 15.04.2021

The article deals with the concept of 'tea' in the poem by Nikolai Gogol *Dead Souls*. The main representations of this concept in the poem are identified, its influence on the plot and the composition is determined, conclusions about the symbolic meaning of tea in *Dead Souls* are provided. Representations of the concept of 'tea' in the text of the poem are compared with the representations of the studied concept in other works by Gogol such as *The Government Inspector*, *Nevsky Prospekt*, *The Portrait*, *The Nose*, *The Overcoat* and others, which made it possible to draw a conclusion about the special role of tea in *Dead Souls*. The actualization of the studied concept in the text is compared with the literary and historical context, it is shown what Gogol's innovativeness lies in, the features of the Gogol literary tea drinking are identified.

In *Dead Souls*, the author pays special attention to treats, with the role of tea still being more significant than the role of other treats. Tea emphasizes the contrasts in the text, allows the author to make the grotesque brighter, illustrates the motive of the road, and serves as a vivid household detail. Key representations of the concept of 'tea' in the poem are: 'an element of hospitality', 'an attribute of friendship', 'tea as a commodity', 'tea as an element of luxury', 'tea as part of alcohol culture'.

Tea is inextricably connected with the key symbolic leitmotif of the work – the motive of the road. The representation of 'tea as an attribute of travel' brings the Gogol's poem closer to other texts of Russian literature where tea is part of the semantic field 'road', and the path itself is endowed with a symbolic meaning.

Key words: concept; representation; Russian literature; poem; reconstruction; conceptosphere.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-86-93

МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА КЛАДБИЩА В ХОРРОРЕ (на материале современной русской литературы)

Дарья Леонидовна Куликова**аспирант кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса****Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. dasha0kulikova@yandex.ru

SPIN-код: 2423-4494

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1435-7409>

ResearcherID: AAR-8233-2021

*Статья поступила в редакцию 01.06.2021***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Куликова Д. Л. Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-86-93***Please cite this article in English as:***Kulikova D. L. Mifopoetika prostranstva kladbishcha v khorrore (na materiale sovremennoy russkoy literatury) [Mythopoeitics of the Cemetery Space in Horror Fiction (Based on the Material of Modern Russian Literature)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 86–93. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-86-93 (In Russ.)*

Настоящая статья посвящена локусу кладбища в современном русском хорроре. Рассматриваются подходы к изображению пространств страшного в литературе, в частности, описано кладбище как локус хоррора, изучены мотивы, связанные с кладбищем в хорроре, выделены интермедиальные связи, произведена интерпретация фольклорных и литературных отсылок. Кладбище – один из ключевых локусов народной культуры, которое в фольклоре представлено как пространство соприкосновения с иномирным (миром мертвых), именно это объясняет интерес авторов хоррора к этим «страшным» местам. В современной литературе ужасов представлены модификации образа кладбища, их основные характеристики, интертекстуальное взаимодействие с отечественной и зарубежной традицией, которые позволяют говорить об этом образе как единице жанрового канона хоррора. Актуальность исследования этого мотива объясняется недостаточной изученностью критериев выделения жанра хоррор и потребностью в изучении трансформации традиционных хронотопов страшного в современной литературе. Рассмотрено, как именно образ кладбища представляют разные современные авторы: А. Иванов, А. Атеев, М. Романова, К. Алексеев, И. Лесев. Выявлено, что в связи с локусом кладбища привлекаются различные клише фольклора и литературы ужасов. К ним относится мотив «нехорошего места», мотив оживления мертвецов, мотив пересечения границ, нарушения запрета/табу. Кладбище может рассматриваться в произведении как источник сверхъестественного ужаса (и даже, как у Алексеева, превращаться в мыслящее существо) или, как у Иванова, представлять собой ложный источник опасности. Таким образом, в результате исследования можно сделать вывод, что кладбище в хорроре становится местом соединения не только миров, но и эпох, что выявляет важную функцию хоррора – осмысление прошлого личности и общества.

Ключевые слова: хоррор; кладбище; фольклор; популярная литература; А. Иванов; К. Алексеев; А. Атеев; М. Романова; И. Лесев.

Осмысление хронотопа хоррора представляется проблемой современного литературоведения. Недостаточная изученность массовой литературы при большом количестве выпускаемой

продукции и заметном читательском интересе остается вне поля зрения исследователей-филологов. Рассматривая хоррор как жанр, в свою очередь, также недостаточно исследован-

ный, мы приходим к выводу о том, что локусы страшного могут выступать критериями жанровой дефиниции того или иного произведения именно как хоррора. Хронотоп страшного может быть представлен как в соответствии с традицией (как, например, в случае с обращением к локусу кладбища, замка, заброшенного дома и т. п. в популярной литературе), так и введением разного рода инноваций, эти процессы могут быть прослежены и на примере авторов, рассматриваемых в настоящей статье. Задачами исследования являются анализ подходов к изображению пространств страшного в литературе, в частности, кладбище как локус хоррора, описание основных мотивов, связанных с кладбищем в хорроре, выделение интермедийных связей, интерпретация фольклорных и литературных отсылок. Кладбище – один из ключевых локусов народной культурой, там, «по представлению народа, можно было вступить в контакт с обитателями “иного мира” (перекресток, баня, кладбище и проч.)» [Зуева, Кирдан, 1998: 66], именно это объясняет интерес авторов хоррора к этим «страшным» местам. С. Н. Петренко говорит о «постфольклорной традиции», обращаясь к прозе Ю. Мамлеева: «связь бытовых, отмеченных печатью реальности топосов (баня, лес, кладбище и других) с традиционным и современным фольклором носит в большей степени опосредованный, типологический характер и, чаще всего, не является генетической» [Петренко 2017: 137]. Это суждение представляется значимым, так как для прозы рассматриваемых авторов также характерна именно типологическая связь с фольклором. В нашей работе мы рассмотрим модификации образа кладбища, их основные характеристики, интертекстуальное взаимодействие с отечественной и зарубежной традицией, которые позволяют говорить об этом образе как единице жанрового канона хоррора. Целью исследования является выделение характерных черт локуса кладбища в произведениях современной популярной литературы (А. Иванов, А. Атеев, М. Романова, К. Алексеев, И. Лесев). Эта выборка, несомненно, неоднородна, авторы отличаются друг от друга своей плодотворностью, концентрацией на определенном жанре, коммерческой успешностью, художественная ценность их произведений также не одинакова. Особняком среди прочих авторов стоит А. Иванов, так как его эксперименты в области хоррора – выход за пределы его литературного амплуа автора исторических («Летоисчисление от Иоанна», «Тобол», «Сердце Пармы», «Золото бунта») и социально-психологических романов («Географ глобус про-

пил», «Блуда и МУДО», «Ненастье»). Хорроры Иванова, в частности «Комьюнити», демонстрируют все отличительные признаки жанра, по некоторыми художественным качествам (психологической мотивировке персонажей, равновесию композиционных частей романа, логичности финала и пр.) могут даже уступать произведениям других авторов, рассматриваемых в этой статье. Однако эксперимент Иванова с хоррором может вписываться в его глобальную концепцию русской истории и культуры, этот феномен составит материал для другого исследования.

Современный роман ужасов, или хоррор, генетически связан с готическим романом, что отмечается многими исследователями, в связи с чем некоторые даже говорят о таком явлении, как «неоготика» (см. подробнее: [Артамонов 2010; Пушкина 2015; Разумовская 2014] и др.). Готическая литература даже на уровне названия связана с готикой как архитектурным стилем, а вместе с ним с наиболее яркими его воплощениями – готическим замком. «Замок насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого. <...> Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей. Это создает специфическую сюжетность замка, развернутую в готических романах» [Бахтин 1975: 400]. Хронотоп замка на многие десятилетия превратился в характерный знак страшной литературы, это пространство вновь и вновь переоткрывается современными авторами ужасов, однако осваиваются и новые «территории» хоррора. Локус кладбища можно считать следующим после замка по популярности в страшных повествованиях. Несмотря на то что образ кладбища уже в готике закрепляется как традиционно пугающий, он не только сохраняет свою актуальность на современном этапе, но и укрепляет свои позиции как одно из немногих пространств соприкосновения с историей (личной и коллективной) в современном мире. Пространство кладбища осмысливается исследователями как одна из ключевых черт жанра за счет реализации концепта «ужаса перед территорией хаоса (замком, домом, квартирой с “плохой” историей; кладбищем; местом убийства и т. п.)» [Назарова, Кудинова 2016: 34]. Хоррор канонизирует места, которые стоят в стороне от ежедневной жизнедеятельности человека: заброшенные земли, оставленные дома, кладбища и т. п. («First, these were places out of the modern world, such as cemetery, abandoned castle, gloomy forest, castle ruins, old house etc. Most of all, these are places intensively charged with mystery that

have “their own lives” [Prohászková 2012: 134]). То же отмечает Н. Кэрролл, описывая пространство хоррора как «маргинальное», как «пространство неизвестного» (‘the geography of horror as a figurative spatialization or literalization of the notion that what horrifies is that which lies outside cultural categories and is, perforce, unknown’) [Carroll 1990: 110].

Книга А. Г. Атеева «Загадка старого кладбища» (1995) – чрезвычайно любопытный пример хоррора, в котором заметен сознательный эксперимент с клише жанра, которыми насыщен текст романа. С точки зрения языка книга не дает богатого материала исследователю, однако мотивная структура хоррора заслуживает внимания своим разнообразием. Образ кладбища в нем связан с целым рядом мотивов. Во-первых, кладбище находится недалеко от деревни с красноречивым названием Лиходеевка, пользующейся дурной славой, что активизирует мотив «нехорошего места». Во-вторых, кладбище, в соответствии с фольклорной и с литературной традицией, – пространство табуированное, которое требует соблюдения определенных норм. «Прежде всего регламентируется время посещения. Многие наши информанты отмечают, что в настоящее время данное правило нарушается <...>. Между тем, в традиционной культуре посещение кладбища всегда связано с определенным временем» [Добровольская 2013: 115]. Посещение кладбища в культуре – «хождение в гости» [Алексеевский 2010: 292], которое совершается в определенные дни и часы (по праздникам, в «родительские субботы») и только в утреннее время). Главная героиня, женщина светского воспитания, подчеркнуто презирует суеверия, относящиеся к сакральным местам (кладбищу, часовне и т. п.), она становится «незванным гостем», появившимся в неурочный час. Проблуждав по лесам допоздна, героиня остается ночевать в заброшенной часовне, да еще и ведет себя непочтительно по отношению к сакральному месту: «Видимо, придется ночевать в этой часовне. Сейчас бы развести костер, но спичек не было. Может, перекусить? Она пошарила в корзине, нашла мокрый газетный сверток с бутербродами. Пожевала без аппетита» [Атеев 1995: 23]. Мотив пересечения границы, мотив нарушения табу воспроизводится едва ли не в каждом сюжете хоррора – наказывая людей за их ненадлежащее поведение, кладбище защищает себя от вторжений «чужаков». У Атеева нарушение норм поведения на кладбище приводит героиню к трагическим последствиям. Отметим также, что мотив оскорбления святыни звучит и у И. Лесева (ро-

ман «23» (2008)), который изображает отрицательного протагониста, преследуемого монстром. Кроме грубости и трусости героя писатель упоминает о его юношеских развлечениях на заброшенном городском кладбище: «Здесь я два года подряд праздновал свой день рождения, не одна девушка побывала со мной в кустах на этой горе, а уж случаев, когда я сидел здесь с бутылкой пива над обрывом и мечтал о лучшей жизни, просто не сосчитать» [Лесев 2008: 302]. Неуважительное отношение к сакральному становится поводом для «наказания» со стороны иномирных существ. Примечательно, что герой случайным образом получает указания насчет того, как следует вести себя при посещении кладбища: «На кладбище нужно только почитать усопших, нельзя на нем есть, нельзя сквернословить, но прежде чем идти на кладбище, необходимо посетить храм» [там же: 450]. Система отношений человека и сакрального разрушена, поэтому герою для выживания необходимо осваивать базовые правила культуры. Хоррор как жанр обращен к этой культурной пропасти между современным человеком – человеком рационального мышления – и иррациональностью действительности, которая может быть осмыслена с помощью суеверий, религиозных или мистических представлений.

Пространство кладбища у Атеева – это пространство соприкосновения с историей. Исследуя историю лихоевского кладбища, герои узнают об оккультных обрядах помещиков, владевших деревней в XIX в. В частности, приведена история про попытку воскрешения умершей возлюбленной (наиболее известное в мире произведение хоррора, в котором присутствует этот мотив – «Кладбище домашних животных» (1983) С. Кинга). Он описывает ритуал оживления возлюбленной Кокуева: «Мертвая стояла, закрыв глаза, и выглядела совершенно как при жизни, только была очень бледна. От нее шел тяжелый запах свежей земли. Наконец она открыла глаза и впилась безжизненным взглядом в майора» [Атеев 1995: 92]. Неслучайно, что именно к дореволюционному прошлому России обращается сюжет хоррора середины 90-х: в постперестроечную эпоху происходит переоценка всех периодов истории России, и у Атеева это делается в рамках хоррора. Кладбище становится зоной, связывающей поколения и эпохи, своего рода пространством вечности, хозяином которого является колдун Асмодей (примечательно, что Атеев дает ему имя ветхозаветного демона, которое привлекает inferнальный дискурс, характерный для произведений жанра). Кладбище,

действовавшее еще задолго до революции 1917 г., сталкивает героев с мистическим страшным, неслучайно эта мистика происходила еще в царское время, время, которое в советский период было осуждено и вычеркнуто из исторического процесса как не соответствующее идеологическому курсу. Валентина Петровна Петухова, воинствующая атеистка и коммунистка, становится чуть ли не комическим примером отказа от духовных и культурных корней, произошедшего в советское время, и только столкновение со страшным, только влияние локуса кладбища заставляет героев обратиться к забытым основам. Пространство Лиходеевского кладбища плодит двойников (милиционер, библиотекарь), порождает призраков (например, для Валентины Петровны заготовлен призрак ее незаконнорожденного ребенка). Все эти черты характерны для разных произведений ужасов, но у Атеева мы видим предельную концентрацию разных мотивов.

Роман К. Алексеева «Пожиратель мух» (2007) – хоррор, в котором образ маньяка-каннибала дополнен чертами сверхъестественного монстра, бессмертного, сверхсильного и наделенного мистическими способностями. Образ кладбища в романе становится связующей нитью между разными временными пластами, каждый из которых добавляет новых деталей мрачной истории очередного «нехорошего места». Его образ связан и с вторжением войск СС во время войны, и с насилием со стороны упомянутых «эстонских националистов», и с природными особенностями – быстрым заболачиванием, превратившим лес в чрезвычайно опасное для местных жителей место. Кроме отягощения национальной историей, кладбище и окрестности нагружены трагедией личной: там была похоронена ведьма, проклявшая деревню, дом у кладбища стал местом изгнания маньяка-убийцы и местом расправы над ним (отметим, что мотив расправы над маньяком, которая не убивает его, а превращает в сверхъестественное существо, впервые был использован Уэсом Крейвеном, создателем киносериала о Фредди Крюгере – «Кошмар на улице Вязов» (1984) и другие фильмы). «Он сгорел, – тусклым голосом сказал Виктор. – Его сожгли живьем. В его собственном доме» [Алексеев 2007: 311]. Таким образом, концентрация трагических событий прошлого выстраивает репутацию кладбища как «нехорошего места». Это пространство также связано с исторической проблематикой, и, так же, как у Атеева, пересечение границы влечет наказание.

Как известно, пугающий образ кладбища – общее место фольклора. Мотив детской стра-

шки воспроизводится Алексеевым во флэшбэке главного героя, Сергея, который вспоминает, как в 12 лет он с друзьями отправился на поиски кладбища в лес, где они едва не погибли, столкнувшись со страшными силами, владеющими этими местами. Сознание героя заблокировало это воспоминание на долгие годы, как самое страшное, что с ним когда-либо происходило. Именно эта часть повествования сообщает о том, что в пространстве кладбища наблюдаются искажения физики окружающего мира. Изменяется звук и освещенность: «в лесу становилось все тише и темнее, будто они действительно уходили вглубь гигантской пещеры» [там же: 134]. Распространенным мотивом хоррора является мотив оживления неодушевленных предметов, на кладбище в «Пожирателе мух» оживает земля, которая движется и, очевидно, подчиняется некой злой воле, желающей съесть пришедших детей. Они находят там трупы мертвых животных, которые могут быть и следами жертвоприношения, и пугающими деталями, при помощи которых писатель создавала зловещую атмосферу описываемого места. Таким образом, из локуса кладбища может превращаться в монстра хоррора, наделенного волей, способного двигаться и действовать.

Хоррор не только обращается к фольклору, но часто создает и свой квази-фольклор, как, например, происходит у Марьяны Романовой. Ее роман «Старое кладбище» (2015) по структуре не совсем хоррор: он больше напоминает историю инициации, как в волшебной сказке или в типичном фэнтези с клише «ученик волшебника». Однако основная линия повествования оснащена рядом коротких страшных историй, каждая из которых предлагает свой сюжет. Локус кладбища является связкой для фрагментов повествования. Кладбище у Романовой изображается традиционно: это место магических ритуалов, всякий атрибут которого (могильная земля, венки, цветы, растения с могилами) обладает своей мистической силой, и поэтому становится местом притяжения людей, практикующих колдовство (аналогичными характеристиками наделено кладбище у И. Лесева): «У каждого кладбища своя энергетика. Даже если умеешь с мертвыми разговаривать, не на каждом кладбище получится с ними в контакт войти» [Романова 2015: 276]. В «Болоте» Романовой образ болота в лесу тоже можно соотнести с кладбищем: болото «возвращает» мертвецов, как в «Кладбище домашних животных» С. Кинга. Возвращенные мертвецы превращаются в монстров, совмещающих признаки живого и неживого: «И пахло от него не

молочком и медовой детской кожей, а тиной и сыростью» [Романова 2014: 243]; «В движениях Мишеньки было что-то механическое. И он шел не как маленький ребенок, у него была пластика взрослого человека, как будто одурманенного алкоголем или снотворным» [Романова 2014: 305]. В отличие от Кинга, чей роман «основан на индейском мифе о “проклятой земле”, обладающей способностью воскрешать мертвецов, которые были в ней похоронены» [Ружевская 2019: 89], опора на мифологическую или глубокую фольклорную традицию у Романовой отсутствует, что может быть поводом для критики художественных качеств ее произведения. Таким образом, кладбище становится еще и своего рода границей между миром мертвых и живых, местом, наделенным особой магической силой.

В романе А. Иванова «Комьюнити» (2012) пространство страшного максимально приближено к тому, что знакомо любому читателю: знаком и герой, которого скорее можно считать антигероем времени, но нам в данном случае важно рассматривать его как порождение своей эпохи. Это подчеркивается во всем: и в его причастности миру новых технологий, и в его карьерных амбициях, и в его духовном упадке, в его привычках, интересах, склонностях и слабостях. Первое столкновение героя со страшным происходит на похоронах, на Калитниковском кладбище. Эта территория герою чужда, она носит статус сакрального, что герой подтверждает, поискав информацию о Калитниках в Сети. При этом даже сакральность пространства не сдерживает циничных выпадов героя: «Глебу, в общем, наплевать было на усопшего» [Иванов 2018: 10]. Сюжет хоррора часто обращается к мотиву возмездия и наказания за грехи, таким грехом может являться оскорбление священного места, нарушение табу, неуважение к смерти и мертвому. Но такой читательский вывод напрашивается только поначалу, потому что дальнейшие злоключения героя будут наказанием за его аморальность, которая проявляется не только в отсутствии почтения к святости кладбища, но и в общем духовном упадке. У Иванова кладбище – локус, в котором должен был произойти духовный поворот героя, но он так и не произошел, что привело к гибели Глеба.

На кладбище герой переключается от изучения окружающего пространства к пространству виртуальному, которое в «Комьюнити» доминирует над реальным. Таким образом, обыденная (свободная от готических штампов: герой на кладбище днем, а не ночью, нет пугающих звуков, не встречается страшных существ, воронов

и т. п.) внешность современного кладбища должна совместиться с историческим образом страшного места, на котором хоронили умерших от чумы. Виртуальное пространство ничем ограничено, поэтому привлекает любые исторические и географические точки, связанные с чумой. Именно виртуальное пространство заключает в себе информационный двигатель сюжета, ведь действие романа завязано именно на получении новой информации о свойствах чумы и демонов. Мировая история чумы из Сети – это мировая история всех людей, что когда-то умерли, и в этом смысле Сеть становится пространством мертвых. Соединение этих двух пространств происходит в эпизоде, где Глеб видит на кладбище шествие средневековых чумных докторов. «Глеб узнал этих чудищ. Это чумные доктора. В старину врачи и санитары, которые соглашались выйти на битву с чумой, надевали такие вот шляпы и маски» [там же: 260]. Источником страшного выступает это противоестественное соединение виртуального и реального, мира мертвых и мира живых: «Век Интернета и гаджетов, зябкий декабрь, огненная от рекламы Москва, Калитниковское кладбище – и средневековые чумные доктора с факелами, баграми и гробами?.. Глеб увидел, что гробы – пусты. Эти гробы – для тех, кто уже зачумлен, но ещё не умер. Для таких, как он» [там же: 261].

Цветовая палитра кладбища монохромна: «за черной решеткой ворот светлела свежим снегом небольшая площадь», «дорожку обжимали черные ограды» [там же: 13]. Контраст поддерживается и далее в описаниях городских пейзажей, контраст белого и черного, «светлого и темного» [Клабукова, Лицарева 2017: 127]. Представляется, что так на уровне семантики цвета заявлено противостояние добра и зла, клише хоррора, полем которого стала душа героя.

Пространство страшного в традиции хоррора – это пограничные и иномирные территории, это зоны опасности, в которых человека подстерегает нечто, чья неопределенность и пугает больше всего. Традиционно изображение кладбища, заброшенного дома или иного заброшенного места. Однако наряду с привычными «страшными» местами вроде кладбища или заброшенного дома современная литература предлагает отстраненный взгляд на обыденное, превращаемое в пугающее. Примерами тому в «Комьюнити» будет пугающая трансформация личного пространства: дома, автомобиля – и публичного: дорога, улица, ночной клуб, метро. Кроме того, кладбище так и не становится понастоящему опасным местом: несмотря на то что

именно там Глеб обнаружил кенотаф, якобы священный с могилой демона, он оказался всего лишь приманкой, настоящим же источником демонического было виртуальное пространство, сознание героя, «апокалиптическая» Москва. Таким образом, Иванов переворачивает клишированный образ кладбища в хорроре, превращает его в декорацию, за которой скрывается что-то по-настоящему ужасное, в свою очередь замаскированное под повседневное.

Подводя итоги выполненного исследования, мы можем прийти к ряду выводов. Образ кладбища в сочинениях современных авторов ужасов наделяется следующими традиционными для хоррора чертами: 1) там происходит общение с миром мертвых; 2) там оживают мертвые; 3) как пространство сакральное, оно предполагает определенный модус поведения. Хоррор как жанр популярной литературы всегда обращается к проблемным вопросам человеческой жизни, и такой проблемной зоной, которая эксплицируется, в частности, в образе кладбища, может быть осмысление прошлого. В качестве инноваций выделим следующие мотивы: у Иванова – кладбище как ложный эпицентр зла, у Алексева – кладбище как живое существо. Изображение кладбища в хорроре опирается на богатую литературную и фольклорную традицию.

Список литературы

Артамонов Г. А. На пересечении неоготики, готики и реализма // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 169–176.

Алексеев К. Пожиратель мух. М.: Крылов, 2007. 384 с.

Алексеевский М. Д. «И на погосте бывают гости»: посещение кладбища в обрядовой практике и поминальных причитаниях крестьян Русского Севера // Калевала в контексте региональной и мировой культуры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания Калевалы. Петрозаводск. 2010. С. 288–299.

Атеев А. Г. Загадка старого кладбища. М.: ВиМ, 1995. 384 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.

Добровольская В. Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies. 2013. № 1. С. 111–120.

Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: учебник. М.: Флинта: Наука, 1998. 400 с.

Иванов А. Комьюнити. М.: АСТ, 2018. 382 с.

Клабукова Ю. В., Лицарева К. С. Особенности организации художественного пространства в романе А. Иванова «Комьюнити» // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. Киров, 2017. Вып. 16, т. 1. С. 124–128.

Лесев И. 23. М.: Ad Marginem, 2008. 520 с.

Назарова Ю. В., Кудинова Е. Б. Культурные и этические истоки концепта ужаса (на материалах англоязычной литературы жанра horror) // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2016. № 2(18). С. 29–34.

Петренко С. Н. Пространство страшного в малой прозе Ю. Мамлеева и постфольклорная традиция. М.: ВОСТОК–ЗАПАД, 2017. С. 131–138.

Пушкина А. А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 2. С. 319–330.

Разумовская О. В. Понятие о готическом и неоготическом стиле в контексте истории литературы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. С. 48–53.

Романова М. Болото. М.: АСТ, 2014. 320 с.

Романова М. Старое кладбище. М.: АСТ, 2015. 320 с.

Ружевская А. В. Мифологические мотивы в современной литературе жанра «ужасы» (на примере творчества американского писателя Стивена Кинга) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 фев. 2019 г.). Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург, 2019. С. 87–94.

Carroll N. Philosophy of Horror, Or, Paradoxes of the Heart. New York: Routledge, 1990. 272 p.

Prohászková V. The genre of horror // American International Journal of Contemporary Research. 2012. Vol. 2, № 4. P. 132–142.

References

Artamonov G. A. Na peresechenii neogotiki, gotiki i realizma [At the intersection of Neo-Gothic, Gothic fiction and realism (on the material of S. King's novels)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Sciences], 2010, issue 1, pp. 169–176.

Alekseev K. *Pozhiratel' mukh* [Fly Eater]. Moscow, Krylov Publ., 2007. 384 p. (In Russ.)

Alekseevskiy M. D. 'I na pogoste byvayut gosti': poseshchenie kladbishcha v obryadovoy praktike i

pominal'nykh prichitaniyakh krest'yan Russkogo Severa. [‘There are guests even at the churchyard’: visiting a cemetery in ritual practice and memorial lamentations of the peasants of the Russian North]. *Kalevala v kontekste regional'noy i mirovoy kul'tury. Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 160-letiyu polnogo izdaniya Kalevaly* [Kalevala in the context of regional and world culture. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the complete edition of Kalevala]. Petrozavodsk, 2010, pp. 288–299. (In Russ.)

Ateev A. G. *Zagadka starogo kladbishcha* [The Mystery of the Old Cemetery]. Moscow, ViM Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Bakhtin M. M. Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Dobrovol'skaya V. E. *Kladbishche kak mesto vstrechi zhivykh i mertvykh: pravila, reguliruyushchie vzaimootnosheniya dvukh mirov v traditsionnoy kul'ture Tsentral'noy Rossii* [The cemetery as a meeting place for the living and the dead: the rules governing the relationship between the two worlds in the traditional culture of Central Russia]. *Slovene = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 2013, issue 1, pp. 111–120. (In Russ.)

Zueva T. V., Kirdan B. P. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Kom'yunity* [Community]. Moscow, AST Publ., 2018. 382 p. (In Russ.)

Klabukova Yu. V., Litsareva K. S. *Osobennosti organizatsii khudozhestvennogo prostranstva v romane A. Ivanova ‘Kom'yuniti’* [Features of the artistic space in the novel ‘Community’ by A. Ivanov]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Current Issues of Modern Science and Education], 2017, pp. 124–128. (In Russ.)

Lesev I. 23. Moscow, Ad Marginem Publ., 2008. 520 p. (In Russ.)

Nazarova Yu. V., Kudinova E. B. *Kul'turnye i eticheskie istoki kontsepta uzhasa (na materialakh angloyazychnoy literatury zhanra horror)* [Cultural

and ethical origins of the concept of horror (based on materials from English-language horror literature)]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [The Humanities Journal of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University], 2016, issue 2(18), pp. 29–34. (In Russ.)

Petrenko S. N. *Prostranstvo strashnogo v maloy proze Yu. Mamleeva i postfol'klornaya traditsiya* [The Space of the Fearful in Y. Mamleev's Small Prose and the Post-Folk Tradition]. Moscow, VOSTOK-ZAPAD Publ., 2017, pp. 131–138. (In Russ.)

Pushkina A. A. *Goticheskiy roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravleniya v kul'ture* [The Gothic novel and the emergence of the Neo-Gothic trend in culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2015, vol. 2, issue 2, pp. 319–330.

Razumovskaya O. V. *Ponyatie o goticheskom i neogoticheskom stile v kontekste istorii literatury* [The terms ‘Gothic’ and ‘Neogothic’ in the context of literary history]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filologiya, zhurnalistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Studies in Literature, Journalism], 2014, issue 4, pp. 48–53.

Romanova M. *Boloto* [Swamp]. Moscow, AST Publ., 2014. 320 p. (In Russ.)

Romanova M. *Staroe kladbishche* [The Old Cemetery]. Moscow, AST Publ., 2015. 320 p. (In Russ.)

Ruzhevskaya A. V. *Mifologicheskie motivy v sovremennoy literature zhanra ‘uzhasy’ (na primere tvorchestva amerikanskogo pisatelya Stivena Kinga)*. [Mythological motives in modern literature of the ‘horror’ genre (on the material of works of the American writer Stephen King)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka. Ch. 2: Sovremennye problemy izucheniya istorii i teorii literatury* [Current issues of philological science of the 21st century. Pt. 2: Modern issues of studying the history and theory of literature]. Ekaterinburg, 2019, pp. 87–94. (In Russ.)

Carroll N. *Philosophy of Horror, Or, Paradoxes of the Heart*. New York, Routledge, 1990. 272 p. (In Eng.)

Prohászková V. *The genre of horror. American International Journal of Contemporary Research*, 2012, vol. 2, issue 4, pp. 132–142. (In Eng.)

**MYTHOPOETICS OF THE CEMETERY SPACE IN HORROR FICTION
(Based on the Material of Modern Russian Literature)**

Daria L. Kulikova

**Postgraduate Student in the Department of History
of Modern Russian Literature and Modern Literary Process
Lomonosov Moscow State University**

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. dasha0kulikova@yandex.ru

SPIN-code: 2423-4494

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1435-7409>

ResearcherID: AAP-8233-2021

Submitted 01.06.2021

This article deals with the locus of the cemetery in modern Russian horror. We examine approaches to the depiction of scary spaces in literature, describe the cemetery as a locus of horror, study the motives associated with the cemetery in horror, detect intermedial connections, provide interpretation of folklore and literary references. The cemetery is one of the key loci of folk culture, presented in folklore as a space of contact with the otherworldly (with the world of the dead), which explains the interest of horror authors in these ‘scary’ places. The modern literature of horror offers modifications of the image of the cemetery, their main characteristics, intertextual interaction with Russian and foreign traditions, which allow us to speak of this image as a unit of the genre canon of horror. The paper examines how exactly the image of the cemetery is presented by modern Russian authors: A. Ivanov, A. Ateev, M. Romanova, K. Alekseev, I. Lesev. We have established that various clichés of folklore and horror literature are used in connection with the locus of the cemetery. These include the motive of a ‘bad place’, the motive of reviving the dead, the motive of crossing the borders, violation of a ban/taboo. The cemetery can be viewed in a literary work as a source of supernatural horror (and even, as in Alekseev’s work, may turn into a thinking creature) or, as in Ivanov’s novels, represent a false source of danger. We conclude that the cemetery in horror becomes a place where not only worlds but also eras are connected, which reveals the important function of horror – the comprehension of the past of an individual and society. The portrayal of the cemetery in horror draws on a rich literary and folkloric tradition.

Key words: horror; cemetery; folklore; popular literature; A. Ivanov; K. Alekseev; A. Ateev; M. Romanova; I. Lesev.

УДК 821.161.1–1
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100

ОБРАЗ ШАХТЕРА В СТИХАХ СОЛИКАМСКИХ ПОЭТОВ-КАЛИЙЩИКОВ¹

Лилия Михайловна Пантелеева

к. филол. н., научный сотрудник социально-гуманитарного факультета

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38. liliya_pant@mail.ru

SPIN-код: 2411-1021

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

Статья поступила в редакцию 25.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пантелеева Л. М. Образ шахтера в стихах соликамских поэтов-калийщиков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 94–100. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100

Please cite this article in English as:

Panteleeva L. M. Obraz shakhtera v stikhakh solikamskikh poetov-kaliyshnikov [The Image of a Miner in Verses of Solikamsk Poets – Potash Workers]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 94–100. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100 (In Russ.)

В статье подвергаются анализу современные наивные стихотворения о шахтерах-калийщиках, написанные соликамскими поэтами и адресованные широкой публике. Предметом внимания становится лексико-тематическое пространство, сопряженное с образом лирического героя. Лингвистическому описанию поддаются такие общие для всех авторов тематические группы, как «статус», «портрет», «деятельность», «окружение», «социальная оценка». Их наполненность и проработанность позволяет судить о концептуальной близости текстов советской производственной пропаганде. Собираемый образ шахтера во всех стихах подается как отделенный от народных масс. Портретные характеристики персонажа прописываются в традициях соцреализма: морщинистое лицо, гордая осанка, рабочие руки. Трудовой героизм рабочего не находит сопоставлений в обыденной – мирной – жизни: единственное адекватное ему проявление самоотверженности авторы видят в боевом духе военных. Условия труда репрезентируются через пространственные координаты, чаще вынесенные внутрь земли. Социальная оценка шахтерской профессии выражается прямо, в высокопатетичных признаниях и благодарностях.

Тематическое сравнение соликамской шахтерской лирики с произведениями кемеровских поэтов этого же времени позволило обнаружить некоторые концептуально значимые несовпадения в образе главного героя. Уральские стихотворения отличаются от сибирских торжественным настроением и не допускают лексики, снижающей, компрометирующей или обытовляющей образ. В соликамских стихах не поднимаются темы смерти, аварийных событий, низкой зарплаты, неценности страной, а также противоречащих общественной морали трудовых ритуалов. Указанные особенности подталкивают к мысли об отражении в анализируемой выборке субпрофессиональной и локальной идентичности авторов.

Ключевые слова: наивная поэзия; рабочая лирика; образ шахтера; лингвистический анализ текста; лексико-тематическая классификация.

Обращаясь к изучению наивной поэзии, мы, вслед за другими исследователями этого феномена [Давыдов 2004; Гришин, Зеленков, Орехов 2015], хотели бы сначала оговориться, что используемый термин однозначно лишен всяче-

ской отрицательной коннотации, которая стоит за омонимичным ему словом общенародного языка. Наивная поэзия – одна из интереснейших форм народно-литературного творчества, теоретические подходы к изучению которой постепен-

но оформляются [см.: «Наивная литература»... 2001; До и после литературы... 2009; и др.].

Данная статья посвящена определению специфики образа шахтера в рабочей поэзии на уровне эксплицитного (непосредственно выраженного) содержания текстов. Исследование ведется на материале произведений работников Соликамского калийного комбината, написанных в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и опубликованных в сборниках «Стихи» [Олюнин 2000], «А мир души такой огромный...» [«А мир души такой...» 2006]. Исследованию подвергаются стихи Ивана Батанина «Кто сказал, что шахтеры теперь не в цене...», Алексея Матвеева «За шахтеров-калийщиков!», Леонида Олюнина «Спасибо тебе», «Шахтер», «Соль на спецовке», «В забой», «Достоин высоких слов». Лингвистический анализ поэтических текстов сосредоточен на лексико-тематических особенностях языкового пространства.

К слову, номинация *поэты-калийщики* не подразумевает нового понятия, вводимого автором статьи. Она бытует в кругах городской интеллигенции, местной корпоративной прессе и даже вынесена в заглавие коллективного сборника стихов. Поэтами-калийщиками в промышленной и культурной среде города именуется бывшие или настоящие работники калийного комбината, занимающиеся на досуге сочинением лирики.

Принадлежность сочинителей одному трудовому «цеху», совпадения и пересечения в их биографиях, поколенческая общность, единство избранной тематики – все это не могло не повлиять на сходство поэтических образов. Но все-таки отобранные примеры наивного творчества не представляют собой единой народно-литературной традиции: в них не фиксируется перенятие друг от друга поэтических элементов или конструкций [Лурье 2001: 22]. Лексическая, содержательная, образная и концептуальная близость стихов разных авторов является следствием их причастности к общей локально-профессиональной культуре и позволяет рассматривать все произведения в едином контексте – как выраженное посредством художественных образов представление о профессии в сознании работников горной промышленности.

В культурологическом смысле рассматриваемые стихи нельзя назвать «чистым» наивом. Скорее, они относятся к «промежуточным формам», о которых говорит С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2001]. Как и собственно наивные произведения, представленные стихи оторваны от верхнего (профессионального) слоя, поскольку не обнаруживают системы поэтической техники и не включаются в идейно-философский контекст актуального литературного процесса.

От основного же массива наивных произведений их отличает изначальная ориентация на широкую читательскую общественность. Авторы «обкатывали» стихи в публичных чтениях – на торжественных собраниях коллектива, в библиотеках на встречах с читателями, на встречах с участниками местного поэтического клуба «Лира» и т. п. При издании сборников произведения поддавались внешней правке – корректуре, а возможно, и редактуре. В силу указанных внешних факторов появлялись варианты лексического, структурного и пунктуационного оформления одних и тех же стихотворений – например, тексты Л. Олюнина «Спасибо тебе», «Шахтер», «Прими» в разных сборниках.

Шахтер является центральным персонажем рабочей лирики, хотя она не ограничивается только этой тематикой: в наивном корпусе стихов местных поэтов этого же времени есть посвящения ветеранам-калийщикам (Юрий Каверинский «Ветеранская», Геннадий Мельков «Хору ветеранов ОАО “Сильвинит”») и собственно комбинату (Геннадий Мельков «Марш ОАО “Сильвинит”», Леонид Олюнин «Комбинат», «Звезда над копром»). Однако на фоне других произведений «шахтерские стихи» представляют собой более обширный и символически однородный пласт.

Их главной идеей становится воспевание трудового образа шахтера. Строятся стихи часто в форме торжественной благодарности герою за его тяжелый, но важный труд. Этим поэтическим сочинениям свойственен благородный пафос, обусловленный высоким статусом профессии в индустриальном обществе, а также в локальном сообществе, поскольку добыча соляных отложений Пермского моря со времен глубокой истории является одним из градообразующих видов деятельности в Соликамске, а «шахтерский класс» соответственно – заметная и авторитетная группа в социальном пространстве города.

Тематическое расслоение текстов наглядно показывает несколько уровней в построении лирического образа шахтера: статус, портрет, деятельность, окружение, социальная оценка. Их лингвистический объем различен, поэтому и различна значимость в структуре образа. При этом же смысловая спаянность между уровнями создает впечатление цельности обобщенного представления о шахтерах.

1. Собираемый образ шахтера во всех стихах подается как отделенный от народных масс. Это исключительная личность, являющаяся предметом всеобщего внимания: *Кто сказал, что шахтёры теперь не в цене – / Под землёю, в горячих забоях? / Они нынче нужнее вдвойне и втройне / И по-прежнему ходят в героях* (И. Б.).

Культ героя поддерживается идеей каждодневного подвига: *Твой труд благороден – / Это не лесть! / В нём, как и в стихах, / Вдохновение есть. / В нём, как в бою, / Есть подвигу место – / Это известно! / Это известно!* (Л. О. Спасибо тебе); *Идет на работу / В дальний забой: / Шахтера труд – подвиг, / Шахтера труд – бой.* (Л. О. В забой). При этом высокие заслуги трудового человека известны всем и отмечаются не только как репутационная характеристика, но и посредством официальных знаков отличия: *За то, что есть на рудниках герои / Шахтёрской Славы разных степеней!* (А. М.)

Трудовой героизм шахтера не находит сопоставлений в обыденной – мирной – жизни. Единственное адекватное ему проявление самоотверженности авторы видят в боевом духе военных – *Рядовые труда полководцы.* (Л. О. Соль на спецовке).

2. Портретные характеристики персонажа подаются в традициях советской производственной пропаганды: морщинистое лицо, гордая осанка, рабочие руки: *Труд шахтерский тяжел, и просоленный пот / На челе оставляет морщины.* (И. Б.), *Величавы вблизи и в дали* (Л. О. Соль на спецовке), *Вам слава, / Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов). Устоявшейся деталью образа является рабочий пот: *Глотаешь соль, и пот течёт ручьями...* (А. М.), *Вам хвала, чья спецовка в поту* (Л. О. Соль на спецовке).

Во внешнем виде внимание уделяется специализированному снаряжению и рабочей одежде: *Самоспасатель на плече, под боком <...>* (А. М.), *Вам хвала, чья спецовка в соли, / Вам хвала, чья спецовка в поту.* (Л. О. Соль на спецовке). Психологические характеристики, напротив, не составляют однородности, если только в том, что все они относятся к положительным качествам и чувствам: *И кто в шахте бывал, только тот и поймёт / Их души несравненной глубины* (И. Б.), *Потому, видно, любят шахтеры простор, / Гладь воды и небесную ясность...* (И. Б.), *Надежда / Живет / Не для снов* (Л. О. Достоин высоких слов).

Безусловно, если отвлечься от сугубо языковых значений и выйти на имплицитный уровень (глубинное содержание, подтекст), многие портретные черты будут более обостренными. Однако, не желая отдаляться от поставленной цели, мы не будем развивать эту идею. Отметим только, что именно в плоскости ассоциативно-образного прочтения через детали внешнего вида (*просоленный пот* (И. Б.), *Вам хвала, чья спецовка в соли* (Л. О. Соль на спецовке), *Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов)) открывается такое качество лириче-

ского героя, как опытность. Ср. рассказ комбайнера ОАО «Сильвинит» В. Д. Журавлева о первом спуске в шахту «Я спустился, как вы, очень чистый. А комбайнеры были очень белые. И я тоже захотел побыстрее стать белым, ведь по этому налету соли бывалых всегда отличишь <...>» [За калий 2008].

3. Наиболее разработанным и объемным тематическим полем в рабочей лирике является «деятельность». Она описывается в произведениях в конкретно-образном и оценочном ключе. Среди общих ракурсов описания предмет труда, условия труда, специфика труда, обусловленные трудовой средой ценности, значимость труда в историко-культурном процессе.

Предмет труда описывается в стихах в природной и культурной (сырьевой) формах: *Врубайся в пласты бывшего моря* (А. М.); *Шахтер дает и соль, и сильвинит!* (А. М.), *Что соль земли для новых урожаев / дает всем наш с тобою «Сильвинит»!* (А. М.), *Она дешево не дается / Благородная соль земли.* (Л. О. Соль на спецовке). Связь предмета труда и образа персонажа проводится не только в строгом технологическом смысле, но и в портретном – со стороны вещественных и физиологических характеристик: *спецовка в соли* (Л. О. Соль на спецовке); *просоленный пот* (И. Б.), *глотаешь соль* (А. М.), *Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов). Нельзя не отметить также связь предмета труда и статуса персонажа, которая проявляется в значении фразеологизма *соль земли* – «лучшие, элита, лучшие из лучших, избранные, цвет, сливки» [Словарь синонимов ASIS 2013].

Условия труда репрезентируются через пространственные координаты, чаще вынесенные внутрь земли: *Под землю, в горячих забоях <...>* (И. Б.), *Под землю клеть спускается глубоко <...>* (А. М.), *Но если будет жарко в шахте-яме <...>* (А. М.), *За то, что есть на рудниках герои <...>* (А. М.), *Спасибо тебе, / Уходящий в забой!* (Л. О. Спасибо тебе), *Идет на работу / в дальний забой <...>* (Л. О. В забой). В характеристике шахтного пространства отмечаются элементы профессиональной материальной культуры: *И ведет свой комбайн сквозь опасность <...>* (И. Б.), *Вынесет клеть.* (Л. О. В забой), а также используются однотипные эмоционально-чувственные образы, порожденные советской литературно-публицистической традицией описания военных действий: *в горячих забоях* (И. Б.), *Здесь, как в бою, бывает горячо, Но если будет жарко в шахте-яме <...>* (А. М.).

Специфика труда раскрывается в стихотворениях чаще не в конкретном (*ведет свой комбайн* (И. Б.), *врубается в пласты* (А. М.)), а оценоч-

ном ключе. Оценочность проявляется как в выборе наименования деятельности – не работа, а труд, так и связанных с ним признаках – физической напряженности и благородстве: **Труд шахтерский тяжел** (И. Б.), **Она дешево не дается** / **Благородная соль земли**. (Л. О. Соль на спецовке); **Твой труд благороден** (Л. О. Шахтер). Эти качества, наряду с подверженностью непредсказуемым смертельным авариям – **ведет свой комбайн сквозь опасность** (И. Б.), подкрепляют устоявшееся в профессиональной среде сравнение шахтерского трудового быта и боевых условий: **И в забой, словно в бой** (И. Б.), **Шахтёр, ты каждый день – как на войне** (А. М.), **Здесь, как в бою, бывает горячо** (А. М.), **В нем, как в бою, / Есть подвигу место** (Л. О. Шахтер).

Специфичность трудовой обстановки, связанная со смертельной опасностью, обуславливает аксиологические основы шахтерской профессии. В стихах они раскрываются в двух ракурсах: с одной стороны, профессионального этического кодекса – в этом случае подчеркиваются ценности дружбы и коллективизма: **На всех хватает радостей и горя, / И дружба крепче оттого вдвойне** (А. М.), **Всегда подставит друг свое плечо** (А. М.), **Все по силам – когда вы вместе** (Л. О. Соль на спецовке), а с другой стороны, смысловых оснований – здесь высшим ориентиром выступает человеческая жизнь: **Дай же Бог, чтобы все были живы...** (И. Б.), **И ладно, коль воротиться живой** (А. М.).

Рефлексия о значимости труда в историко-культурном процессе осуществляется авторами стихов по линии преемственности между солеваренным промыслом и калийной промышленностью как последовательными технологическими этапами горной разработки на соликамской земле. Чаще и больше эта линия разрабатывается в стихах, посвященных комбинату – **В старину – послушай солеваров глас, – / «Соляные уши» называли нас: / Неразлучной парой – лошадь да бадья / Были солевару верные друзья!** (Г. М. Марш ОАО «Сильвинит»), в посвящениях шахтерам делаются только обобщенные указания: **Хотя настали времена иные, / Но соль всему была и будет соль.** (А. М.), **Так было всегда, / С дней седой старины** (Л. О. В забой). Кроме того, есть в стихотворениях и другая линия, связывающая настоящее и будущее на основе практического назначения калия – служить сельскохозяйственным удобрением: **Что соль земли для новых урожаев / дает всем наш с тобою «Сильвинит»!** (А. М.), **Мы создаем / Плодородье земли! / Мы грузим составы / И корабли. / В зернышко каждое / Вложен наш труд – / Всё, что мы сделали / Дни не сотрут** (Л. О. Спасибо тебе).

4. В социальном окружении персонажа, помимо друзей-«соратников» (о чем мы уже писали выше), лексически маркируется семья: **День шахтера, ты праздник шахтерских семей!** (И. Б.), **Тревога застыла / Во взоре жены** (Л. О. В забой). (Благополучие семьи выступает одним из оправданий тех рисков, которые присущи профессии, и одновременно – наградой за них.)

5. Социальная оценка шахтерской профессии выражается прямо, в высокопатетичных признаниях и благодарностях: **За то, шахтер, тебя и уважаю, / За то и слава о тебе гремит, / Что соль земли для новых урожаев / Дает всем наш с тобою «Сильвинит»!** (А. М.), **Пусть благодарности / Грянет прибой. / Спасибо тебе, / Уходящий в забой!** (Л. О. Спасибо тебе), **Заслужили вы весен и песен, / Воплощая свою мечту.** (Л. О. Соль на спецовке), **Шахтеры, / Шахтеры, / Шахтеры – / Достойны / Высоких слов!** (Л. О. Достойны высоких слов).

Представленная лексико-тематическая система и структурно, и содержательно оказывается близка советской производственной пропаганде: в этой эстетической плоскости сходятся все авторы. Образ персонажа-гиганта зачастую выстраивается высокими устойчивыми выражениями, заложенными в культуре методом соцреализма.

Идеологические стереотипы, вероятно, сложившиеся в начале трудового пути и/или отражающие ностальгическую волну воспоминаний о советском прошлом, диктуют поэтам правильный (нормативный) стиль повествования о герое «трудового фронта» и обуславливают появление в текстах штампов официальной советской культуры. В мыслительно-поэтических образах раскрывается наивное представление об исключительной профессиональной личности и повлиявший на нее жизненный, читательский и зрительский кругозор сочинителей.

Однако же нельзя сказать, что лирические идеалы соликамских поэтов были навязаны местной художественной литературой. По «духу» они не пересекаются, например, со стихами Алексея Решетова, в текстах которого – «Я верил в розовые сказки...» (1969), «Баллада о волшебном слове» (1975) [Решетов 2004] – тоже есть место и профессиональному языку шахтеров, и идиомам советской производственной пропаганды. Тем более что его трудовая жизнь на калийном комбинате в соседнем городе Березники пришлась именно на советское время – конец 50-х – начало 80-х гг. Решетовская рабочая лирика отличается тем, что советские официозные метафоры в ней распадаются, высвобождая место для «экзистенциальной проблематики человеческого бытия» [Абашев 2000: 280].

Прорывы «человеческого» незначительны в современной местной поэзии. В большей степени эта оторванность от «стахановской» символики заметна в стихотворении А. Матвеева. В языке автора идеологические формулы лексически облегчаются и частично десемантизируются вследствие контекстуального соседства с разговорными элементами народной речи (*ладно, коль, воротись, наплевать*), а также общего торжественного, но не парадно-церемониального настроения. Отражается в стихотворении и неформальная культура шахтеров, воплощенная в мифологических образах их святого покровителя и противоборствующей силы: *Да наплевать – мы ходим все под Богом, / И нас Христос пока еще хранит. / Пока там дьявол пошевелит рогом – / Шахтер дает и соль, и сильвинит!* (А. М.)².

Полагаем, что подчеркнутая в лексике идеалистичность шахтерского образа не могла быть критерием специального отбора стихов для публикации в сборнике предприятия «А мир души такой огромный...». Так, например, стихи Л. Олюнина в авторском сборнике («Соль на спецовке», «В забой», «Достоин высоких слов») не отличаются по символике и накалу от опубликованных в коллективном издании. Более вероятной причиной видится нерелексивное следование сочинителей широко растиражированным в советской культуре плакатным, скульптурным, литературным, кинематографическим образцам изображения шахтеров. Там же, где такие образцы отсутствуют, поэты разрабатывают собственный «канон», который, в частности, можно проследить в образе ветерана-калийщика. Он тоже значительно стереотипен, но символика не в таком объеме восходит к советской производственной идеологии.

Идеалистичность как общая поэтическая черта обусловлена выбранной поэтами темой – восхваление героя. Отчасти темой же, точнее, ее наивным истолкованием, определяются стороны характеристики персонажа – не компрометирующие и не снижающие образ, не «обытовляющие» его. Стихи соликамских поэтов жизнеутверждающие, практически лишены проблемной рефлексии, «здравные» по качеству финала: *Дай же Бог, чтобы все были живы...* (И. Б.), *Так выьем – наливай бокал полной!* (А. М.), *Спасибо тебе, / Уходящий в забой!* (Л. О. Спасибо тебе).

По типу характеристики шахтерский образ в соликамской наивной лирике заметно отстоит от лирического персонажа в творчестве кузбасских поэтов. Народно-литературная поэзия Кузбасса более внимательно настроена на «живого современника» – ср. стихи в сборнике «Шахтерский

город» [Шахтерский город 2005]. В творчестве сибирских поэтов, помимо указанных выше тематических слоев, намечаются своеобразные реперные точки «смерти», «аварийных событий», «низкой зарплаты», «неоцененности страной». (Как известно, эти темы отчетливо звучат не только в лирике, но и в промышленной жизни угольного региона. Высокое число аварий, многочисленные смерти горняков, забастовочное движение – все это на переломе тысячелетий было не просто внутренней проблемой Кузбасса, а составляющей общероссийского медийного пространства.) Не опускается в портретной характеристике кузбасских шахтеров и не одобряемое широким социумом поведение в форме совместного выпивания, которое в мужских коллективах выполняет функцию ритуала сплочения (ср. тюремную и солдатскую среду [Ефимова 2001]).

Принимая во внимание специфику лексикотематической характеристики главного персонажа в соликамской рабочей лирике, а также категориальное, во многом содержательное и пафосное несовпадение образа соликамского шахтер-калийщика с образом кузбасского шахтера-угольщика, подчеркнем связь языкового уровня текстовой организации с экстралингвистическим. Полагаем, что в рассматриваемой совокупности текстов воплотились прежде всего субпрофессиональная и локальная идентичности создателей текстов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-41-590002.

² Поясним, что мифология, выраженная в знаках религиозно-православной модели, имеет глубокие корни. Ее основание составляют дохристианские представления о покорении природы культурным героем-демиургом. При этом сюжетный мотив состязания человека (рудокопа, шахтера) с хозяином (хозяйкой) подземелья за природные богатства довольно распространен в профессиональных кругах и широко бытует в шахтерской лирике – см. примеры из текстов кузбасских поэтов: *Засыпало по грудь меня в чертоге, / В завале сильно ноги затекли, / Тогда впервые вспомнил я о Боге, / Почувствовав дыхание земли* (Н. Бацевич. Про это я еще не рассказывал...), *Там всю жизнь игра идет со смертью, / Даже серой пахнет, как в аду. / Реут шахтеры, черные, как черти, / У чертей подметки на ходу* (А. Курицын. Особая профессия), *Каждый день мы уходим на смену. / За торженье прости нас, Земля, / Не бери непомерную цену / За добытые тонны угля* (А. Курицын).

Такой характер), *И что за каждый миллион угля / Шахтера, словно косточку по счетам / Кида-ет влево матушка земля, / Сочтятся за уголек кровавым счетом* (И. Полунин) [Шахтерский город 2005], или советской песенной поэзии: *Любой из нас – ну, чем не чародей? / Из преисподней наверх уголь мечем. / Мы топливо отнимем у чертей – / Свои котлы топить им будет нечем!* (В. Высоцкий. Марш шахтеров) [Шахтерские песни].

Список литературы

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

А мир души такой огромный...: сб. стихов поэтов-калийщиков. Соликамск, 2006. 288 с.

Гришин Е. А., Зеленков Ю. Г., Орехов Б. В. Наивная поэзия в акцентологическом корпусе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2015. № 6. С. 257–272.

Давыдов Д. М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генетика, эволюция, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 188 с.

До и после литературы. Тексты «наивной словесности» / сост. А. П. Минаева; отв. ред. Е. Е. Жигарина. М.: РГГУ, 2009. Сер.: Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика. 528 с.

Ефимова Е. С. Картина мира тюремной лирики // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. Науч. фонд, 2001. Серия: Научные доклады. № 129. С. 187–201. URL: <http://a-pesni.org/dvor/moskva/a-kartmira.php> (дата обращения: 18.01.2021).

За калий. 19.09.2008. № 37. С. 2.

Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Мос. обществ. науч. фонд, 2001. Сер.: Научные доклады. № 129. С. 86–92.

«Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Мос. обществ. науч. фонд, 2001. Сер.: Научные доклады. № 129. 248 с.

Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. Серия: Научные доклады. № 129. 248 с. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bookcenter.htm> (дата обращения: 18.01.2021).

Олюнин Л. Стихи. Соликамск: ОГУП «Соликамская типография», 2000. 112 с.

Решетов А. Л. Собрание сочинений: в 3 т. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 472 с.

Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/167504/соль (дата обращения: 20.01.2021).

Шахтерские песни // Ежемесячный научно-технический и производственно-экономический журнал «Уголь». URL: <http://www.ugolinfo.ru/pesni.html#14> (дата обращения: 20.01.2021).

Шахтерский город. Стихотворения о шахтерах и поздравления ко Дню шахтера / сост. Г. А. Белова; МУ «ЦБС г. Белово». Белово, 2005. 19 с.

References

Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm, Perm State University Press, 2000. 404 p. (In Russ.)

'A mir dushi takoy ogromnyu...': Sbornik stikhov poetov-kaliyshchikov ['And the world of the soul is so huge...': A collection of poems by poets-potash miners]. Solikamsk, 2006. 288 p. (In Russ.)

Grishin E. A., Zelenkov Yu. G., Orekhov B. V. *Naivnaya poeziya v aktsentologicheskom korpusе* [Naive poetry in the accentological corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Scientific Works of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, issue 6, pp. 257–272. (In Russ.)

Davydov D. M. *Russkaya naivnaya i primitivistskaya poeziya: genetika, evolyutsiya, poetika. Diss. ... kand. filol. nauk* [Russian naive and primitivist poetry: Genetics, evolution, poetics. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2004. 188 p. (In Russ.)

Do i posle literatury. Teksty 'naivnoy slovesnosti'. [Before and After Literature. Texts of 'Naive Literature']. Comp. by A. P. Minaeva. Ed. by E. E. Zhigarina. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2009, series: Traditsiya-tekst-fol'klor: tipologiya i semiotika [Tradition-text-folklore: Typology and semiotics]. 528 p. (In Russ.)

Efimova E. S. *Kartina mira tyuremnoy liriki* [The world view of prison lyrics]. *'Naivnaya literatura': issledovaniya i teksty* ['Naive Literature': research and texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, pp. 187–201. Available at: <http://a-pesni.org/dvor/moskva/a-kartmira.php> (accessed 18.01.2021). (In Russ.)

Za kaliy [For potassium], 19.09.2008, issue 37, p. 2. (In Russ.)

Lurie M. L. *O fenomene naivnogo sochinitel'stva* [On the phenomenon of naive writing]. *'Naivnaya literatura': issledovaniya i teksty* ['Naive Litera-

ture': Research and texts]. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, pp. 86–92. (In Russ.)

'*Naivnaya literatura*': issledovaniya i teksty ['Naive Literature': Research and Texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, 248 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelya [From the compiler]. '*Naivnaya literatura*': issledovaniya i teksty ['Naive Literature': Research and Texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129. 248 p. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bookenter.htm> (accessed 18.01.2021). (In Russ.)

Olyunin L. *Stikhi*. [Poems]. Solikamsk, Solikamsk Publishing House, 2000. 112 p. (In Russ.)

Reshetov A. L. *Sobranie sochineniy v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2004. 472 p. (In Russ.)

Slovar' sinonimov ASIS [Dictionary of Synonyms ASIS]. Comp. by V. N. Trishin. 2013. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/167504/sol/ (accessed 20.01.2021). (In Russ.)

Shakhterskie pesni [Miners' songs]. *Ezhemesyachnyy nauchno-tekhnicheskii i proizvodstvenno-ekonomicheskii zhurnal 'Ugol'* [Monthly scientific-technical and production-economic magazine 'Coal']. Available at: <http://www.ugolinfo.ru/pesni.html#14> (accessed 20.01.2021). (In Russ.)

Shakhterskiy gorod. Stikhotvoreniya o shakhterakh i pozdravleniya ko Dnyu shakhtera [A Mining Town. Poems about miners and congratulations on the Miner's Day]. Comp. by G. A. Belova. Belovo, Centralized Library System of the town of Belovo Publ., 2005. 19 p. (In Russ.)

THE IMAGE OF A MINER IN VERSES OF SOLIKAMSK POETS – POTASH WORKERS

Liliya M. Panteleeva

Researcher in the Faculty of Social Sciences and Humanities

HSE University

38, Studencheskaya st., Perm, 614070, Russian Federation. liliya_pant@mail.ru

SPIN-code: 2411-1021

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

Submitted 25.04.2021

This article analyzes modern naive poems about potash miners written by Solikamsk poets and addressed to the general public. The focus is on the lexical-thematic space associated with the image of the lyrical hero. The paper provides linguistic description of the thematic groups common to all the authors, such as 'status', 'portrait', 'activity', 'environment', 'social assessment'. By their characteristics, the texts of the poems appear to be conceptually close to Soviet industrial propaganda. The image of a miner in all the poems is presented as being separated from the masses. The portrait characteristics of the character are depicted in the traditions of socialist realism: a wrinkled face, proud posture, working hands. In the verses, labor heroism of the worker finds no parallels in everyday – peaceful – life, the poets only draw parallels between the miners and the military, as both demonstrating extreme selflessness. Working conditions are represented through spatial coordinates, most often located under the earth's surface. The social assessment of the mining profession is expressed explicitly, in highly pathetic honoring and praising.

A thematic comparison of Solikamsk miners' lyrics with poems written by Kemerovo poets of the same period has revealed some conceptually significant discrepancies in the image of the hero. The Ural (Solikamsk) poems differ from the Siberian (Kemerovo) ones in their solemn mood, and they do not allow vocabulary that would degrade, discredit the image, make it appear ordinary. The Solikamsk poems do not raise the topics of death, accidents, low wages, workers being misappreciated by the country, as well as labor rituals contrary to public morality. These features encourage the idea that the poems under study reflect the subprofessional and local identity of their authors.

Key words: naive poetry; working lyrics; image of a miner; linguistic analysis of text; lexical-thematic classification.

УДК 821.111: 82.09

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-101-111

ЧИТАЯ «НЬЮКОМОВ» ТЕККЕРЕЯ ПО-РАЗНОМУ: ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ «ДУЭЛЬ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО И ДРУЖИНИНА

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Статья поступила в редакцию 28.06.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Проскурнин Б. М. Читая «Ньюкомов» Теккерей по-разному: литературно-критическая «дуэль» Чернышевского и Дружинина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 101–111. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-101-111

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. Chitaya «N'yukomov» Tekkereya po-raznomu: literaturno-kriticheskaya «duel'» Chernyshevskogo i Druzhinina [Reading 'The Newcomes' in Different Ways: Literary and Critical 'Duel' of Chernyshevskiy and Druzhinin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 101–111. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-101-111 (In Russ.)

В статье рассматриваются проблемы рецепции английской литературы русской литературно-критической мыслью XIX в. и анализируются полемически заостренные оценки двух ведущих русских литературных критиков романа У. М. Теккерей «Ньюкомы» (1853–1855), занимающего особое место в творчестве английского писателя, поскольку с идеологической, жанровой, повествовательной точек зрения, но главным образом – на уровне героя демонстрирует своеобразие его творчества после «Ярмарки тщеславия» (1848). Этот роман дает объемную и изнутри, в силу особенным образом организованным повествованием, картину жизни английского общества, опираясь на хроникально-панорамный принцип сюжетостроения. Сатира, инвектива и едкая ирония «Ярмарки тщеславия» не работают в произведении, поскольку иронико-психологически ориентированное романное содержание требует другой тональности. Именно эта «инаковость» романа на фоне сатирической фрески, какой является «Ярмарка тщеславия», стала предметом практически противоположных оценок произведения русскими критиками: от жесткой критики Чернышевского, хотя и отмечающего ряд достоинств романистики Теккерей в целом и в меньшей степени в этом романе, но все же доминантно обвиняющего произведение в мелкотемье, невыразительности героя, затянутости и медлительности сюжета, неконцептуальности взгляда на английскую реальность, до доброжелательной рецензии Дружинина, вскрывающей ряд важных аспектов именно художественного своеобычия «Ньюкомов», не впадающей в идеолого-мировоззренческие оценки произведения, исходя из контекста русской реальности. Поскольку Дружинин воспринимался Чернышевским как литературно-критический визави в условиях серьезной литературной борьбы в первые годы после николаевской реакции 1848–1855 гг. и его рецензия появилась как своего рода ответ на рецензию литературно-критического «противника», становится понятным, почему Чернышевский заметил не все достоинства романа Теккерей, а некоторые не заметил вовсе, педалируя его недостатки и слабые места. Нет сомнения, не будь такой острой идеологической и эстетической конфронтации в русской литературно-критической мысли в то время, своеобразие романа Теккерей было бы понято еще полнее, а творчество английского писателя воспринималось бы более адекватно.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский; А. В. Дружинин; русская литературная критика XIX в.; рецепция, викторианство; Теккерей; «Ньюкомы»; английский роман; литературный герой.

В отечественной англистике хорошо известен весьма суровый критический отзыв Н. Г. Чернышевского о романе У. М. Теккерея «Ньюкомы» (*The Newcomes*, 1853–1855), опубликованный во втором номере журнала «Современник» за 1857 г. и определивший почти на 165 лет советское, а затем и российское отношение к нему. Менее известна появившаяся несколько ранее рецензия на этот роман в журнале «Библиотека для чтения», написанная А. В. Дружининым, «первым серьезным критиком, взявшимся за освещение зарубежной литературы» [Ломакин 2012: 11], пришедшим к зарубежной литературе, как пишет Н. Н. Скатов, из-за «недостатка в серьезной отечественной литературе» [Скатов: эл. ресурс] (в конце 1840-х – начале 1850-х гг. – Б. II.). При внимательном прочтении той и другой рецензии становится очевидным, насколько по-разному, а со стороны Чернышевского даже полемически заостренно и в противовес Дружинину, прочитан этот роман Теккерея, насколько специфически «свое» увидели и не заметили (скорее, не захотели заметить) оба критика в этом произведении.

Роман «Ньюкомы» – ключевое произведение для того периода творчества Теккерея, который называют «романным», когда были созданы «История Пенденниса» (1848–1850), «История Генри Эсмонда, эскайра» (1852) и рассматриваемый роман, а малые жанры как преимущественные в 1830–1840-х гг. отошли на второй, если не больший, план. Один из лучших отечественных знатоков творчества Теккерея В. С. Вахрушев, посвящая специальный раздел этому этапу в фундаментальной монографии о творчестве писателя, отмечает отличительную доминанту указанного периода: «Возникает новый в творчестве писателя тип романного героя, человека гамлетовских колебаний, сомнений, горько чувствующий свою оторванность от окружающих. Усиливается внимание писателя к внутреннему миру таких персонажей, к проблеме становления их личности» [Вахрушев 1984: 84]. Исследователь справедливо полагает, что роман воспитания с изначально заложенной в его структуре психолого-аналитической парадигмой становится основной жанровой платформой писателя, о чем бы он ни писал – об Англии первой половины XIX в. или о временах войн за испанское наследство и становления династии Ганноверов на рубеже XVII–XVIII вв. О сопряжении исторического романа и психологически и аналитически заостренного романного повествовательного модуса в «Истории Генри Эсмонда» нам уже приходилось писать в свое время (см. [Проскурнин 2012]). Здесь же сошлемся еще и на мнение американского литературоведа Гордона Рэя, работы которого о Теккерея знаменуют начало нового этапа

мировой «теккерианы» в XX в. (кстати, в разы уступающей по количеству исследований мировым «диккенсиане» и «треллопиане», например): Рэй отмечает, что Теккерей в рассматриваемом романе (как и в «Пенденнисе») «уделил максимум внимания раскрытию характеров и минимум – поворотам сюжета», т. е. событийной, а значит, и открыто эпической, стороне [Ray 1968: 148]. Хотя при этом критик отмечает, что «Ньюкомы» – это «роман едва ли микрокосма, здесь наличествует почти весь мир как таковой (almost the world itself)» [там же]. Кстати, в современной Англии «Ньюкомы», «пожалуй, самый малоизвестный роман из его [Теккерея. – Б. II.] основных работ» [Taylor 1994: xviii]; например, в престижном и концептуальном Кембриджском «путеводителе» по викторианскому роману «Ньюкомы» упоминаются лишь при разговоре о коммерческих успехах викторианской романистики и в контексте расовых проблем в тогдашних романах; ни при обсуждении эстетики викторианского романа (а у Теккерея есть весьма принципиальные размышления о романе как явлении литературы, вложенные в слова «якобы автора» мемуаров Артура Пенденниса), ни при размышлениях об интеллектуализации романного повествования в это время (в «Ньюкомах немало серьезных разговоров о жгучих проблемах человеческого знания и опыта, интересных, пусть и спорных, суждений о смысле жизни, роли общества, роли и месте женщины в мире и т. п.) не только роман, даже имя Теккерея не упоминается (см. [The Cambridge Companion to the Victorian Novel: 2001]). А в интереснейшей книге под весьма обязывающим названием «Ключевые концепты викторианской литературы» роман «Ньюкомы» также не упоминается при осмыслении типологии героя и динамики романа воспитания в викторианскую эпоху, где роман (да и творчество Теккерея в целом) мог бы уточнить некоторые существенные аспекты (см. [Purchase 2006]).

Это весьма удивило бы современников писателя, которые очень высоко отзывались о произведении Теккерея: Т. Карлейль называл его «одним из величайших романов на английском языке» [Taylor 1994: xviii], и с его мнением соглашались многие, а читатели «проголосовали» за «Ньюкомов» огромным количеством раскупленных ими экземпляров книги: за первое издание романа Теккерей получил от издателей по тем временам впечатляющую сумму – четыре тысячи фунтов стерлингов. Восхищенное отношение к роману сохранялось долго: ведущий историк литературы первой трети XX в. Джордж Сейнсбери утверждал, что в романе «есть многое, что удовлетворит каждого, и крайне мало того, что кому-то может не понравиться» (цит. по: [Taylor 1994:

xviii]), а Дэвид Сесил, который во многом определял литературную моду середины XX в., подчеркивал, что в «Ньюкомах» Теккерею удалось «создать органическое единство из хаоса под названием “крупномасштабный английский роман”» [Сесил 1964: 66], и ставил этот роман ничуть не ниже «Ярмарки тщеславия» и «Генри Эсмонда».

Нам уже приходилось писать о долго господствовавшем в нашей науке некорректном крене рассматривать западноевропейскую литературу 1850–1860-х гг. исключительно через призму открытого социального анализизма литературы 1830–1840-х гг. бальзаковского типа [Проскурнин 1998: 225–235], что пусть опосредованно, но обнаруживается в отношении к Теккерею. Неоднократно писалось и о не всегда, мягко говоря, плодотворном справедливом восприятии английской литературы 1830–1860-х гг. исключительно через сравнение всех писателей с Диккенсом, об издержках так называемого «диккенсоцентризма» (см. [Ивашева 1974; Гениева 1989: эл. ресурс; Проскурнин 1998]). Причем это характерно и для англоязычной истории викторианской литературы, которая много и охотно пишет о Диккенсе, а также о Треллопе, Джордж Элиот, Шарлотте Бронте и Элизабет Гаскелл, и невероятно мало о Теккерее. Диккенсовская манера «полных тонов», резких контрастов, романтизированной полярности добра и зла, прямого дидактического разоблачения, столь органичные для его художественного мира, не помогают, а то и мешают, понять художественный мир Теккерея 1850-х гг., по меткому определению Е. Ю. Гениевой, строящийся на «эстетике полутонув, порожденной новым взглядом на человека» и новым прочтением «человеческого сердца, которое не терпит однозначных решений и монохромной палитры» [Гениева 1989: эл. ресурс]. Сосредоточенность на человеческом сердце, то есть на внутреннем мире героя, в котором мало, а то и вовсе нет героического в прямом смысле слова, который живет обыденной жизнью, – вот доминанта романного содержания у Теккерея. Суть и характер этой жизни, ее нравственные и психологически объемно выписанные катаклизмы – это те, образно выражаясь, мазки, при помощи которых писатель рисует лицо (суть) современного английского высшего общества в его повседневности, обыденности, рутинности и малой событийности.

Гордон Рэй, как нам кажется, справедливо говорил о том, что так называемая викторианская респектабельность является своего рода этико-эстетическим кодом в романе, погружающим читателя в жизнь верхушки среднего класса (набравшего мощную социальную силу в то время) и аристократии [Ray 1968: 150]. Как тут не вспомнить знаменитую книгу Уолтера Хоутона, которая в 1950-е гг. ознаменовала начало новой

эпохи в осмыслении викторианства как социокультурной целостности. Исследователь помещает концептуальный разговор о респектабельности как одном из главных мерил жизни викторианца в раздел, названный им «Коммерческий дух», в соседстве с такими императивами времени, как «буржуазная мечта» и «успех». И в самом деле, большинство героев Теккерея в этом романе, в особенности те, кто принадлежит к верхним стратам социальной структуры (а их подавляющее большинство в системе образов), всячески цепляются за респектабельность, выставляя ее (и усилия по ее сохранению) главным условием сохранения своего места в обществе и/или «борьбы за социальное продвижение» (см. [Houghton 1985: 185]). Этот, говоря словами Г. Рэя, код определяет не только нравственные горизонты всех персонажей (в том числе и тех, кто не слишком озабочен поддержанием этой самой пресловутой респектабельности – отца и сына Ньюкомов прежде всего), он своего рода ключ к эпическому началу в романе, то есть к принципу охвата жизненного материала, поскольку Теккерей выделяет его как главную, сшивающую воедино идею жизни значительной части английского общества, на том этапе истории определяющую его «лицо».

Н. Г. Чернышевский ставит в вину Теккерею именно это обращение к повседневности и обыкновенности жизни высших классов, к не прямой, как в «Ярмарке тщеславия», инвективе и с ног сшибающей по своей едкости сатире, к разоблачительности, которая возникает исподволь и совершенно «подчинена» голосу одного из тех, кто существует внутри этого социума, хотя в силу своего характера и обстоятельств, известных читателю по предыдущему роману, позиционирует себя не совсем в их центре (Артур Пенденнис (рассказчик) неоднократно подчеркивает в романе свою принципиальную неслиянность с «объектами» своей хроники). Дружинина же это умаление прямой эпикей и открытой сатиры ничуть не смущает, поскольку он все же ведет разговор о романе исходя из его художественной целостности, какой она видится критику, а не из идеологической заданности, да еще и привнесенной извне, что во многом и вынуждает Чернышевского считать, что подход Дружинина «ограничивает литературу изящным эпикурейством» [Чернышевский 1947: 300]. Чернышевский, рецензируя «Ньюкомов», сердито пишет о том, что «колоссальный талант» «гениального поэта Теккерея», у которого и в этом романе «нет ни одной холодной страницы, ...ни одного мертвого слова» [Чернышевский: эл. ресурс], тратится «на слишком длинную (умную, прелестную, все это так, но длинную) беседу о пустяках» [там же]. Ему кажется странным и печальным противоре-

чие «между степенью таланта, обнаруживаемого произведением, и степенью достоинства самого произведения» Чернышевский: эл. ресурс]. Чернышевский полагает, что сосредоточенность Теккерера на пустышных событиях жизни персонажей, особенно – на «мизерной судьбе» и «жизненных ощущеньицах» главного героя Клайва (Клэйва – по Чернышевскому), который «хочет дать тон всему хору, – и хор поет довольно пустые мотивы, довольно безжизненным, хотя и стройным тоном», умаляет все достоинства произведения. «Голоса хороши, но что ж делать, если капельмейстер слаб и плох?» – сетует Чернышевский [там же], тем самым выказывая жажду другого, не типа Ньюкома, а активного и созидательного героя, столь желаемого им в жизни и в отечественной литературе. Дружинин же в конечном счете трактует историю Клайва Ньюкома как драму талантливого человека, подобно тому, как позднее и в истории Ильи Ильича Обломова он увидит скорее трагедию Обломовчеловека, чем критику социального типа (за что «на дуэль» его уже «вызовет» Добролюбов).

Чернышевский, соглашаясь с Дружининым по поводу блестяще выписанного образа, саркастически оттеняющего изъяны современного английского общества чужака и чудака, «нового Дон Кихота», полковника Ньюкома, пишет, правда только обзорно, о совершенстве созданных Теккереем комико-сатирически образов светских людей, особо выделяя образ «честной, холодной и практически мудрой бабушки» (имея в виду образ старой леди Кью) и «негодяя Барнса» [там же]. Дружинин же вовсе не упоминает их, поскольку социальная ирония интересна ему только как неотъемлемый элемент целостной картины жизни, по его мнению, блестяще воссозданной Теккереем в романе-хронике – «Одиссее современного британского общества» [Дружинин: эл. ресурс].

Чернышевский, призывая не винить Теккерера «в растянутости», тем не менее трижды едко иронизирует над 1042 страницами журнального формата романа, каждый раз говоря, что будь роман о 142 страницах, его достоинства были бы еще более впечатляющими: «Вот в этом-то и смысл: для “Ньюкомов” было бы лучше иметь вместо 1042 страниц только 142». «Сжатость – первейшее условие силы», – читаем мы в рецензии [Чернышевский: эл. ресурс]. Дружинин же этого не замечает: «Нас не томила бы биография Томаса Ньюкома, будь она хоть в 30 томах» [Дружинин: эл. ресурс], и мы понимаем, что хлесткая реплика Чернышевского о 1042 страницах была спровоцирована именно этим утверждением Дружинина, статья которого, еще раз подчеркнем, вышла раньше. Дружинин уверен: «Ньюкомы» – «широкий шаг от отрицания к созиданию» писателя, который «держится за дей-

ствительность» «с несокрушимой энергией», что это роман, в котором «много грустного, много смешного, много дурного, даже много карикатурного» [там же].

Почему же в российской литературно-критической мысли середины XIX в. столь по-разному был воспринят этот роман Теккерера? Чтобы понять этот феномен, надо иметь в виду два важнейших момента: во-первых, динамику восприятия Британии, ее политики, экономики, культуры, литературы в русском обществе в целом; во-вторых, диалектику литературного процесса (в том числе и литературно-художественной критики) в России сразу после смерти Николая I, когда закончилось так называемое «мрачное семилетие» – с 1848 по 1855 г. – и началась пора надежд на социальные и политические изменения в стране. При этом 1848 г. взят как год смерти В. Г. Белинского и год начала особо жесткой цензурной политики в области литературы и гонений за свободолобивую мысль, в том числе и из-за прокатившихся по Европе революционных событий, в подавлении части которых Россия активно участвовала, получив звание «жандарма Европы».

Об изменившемся характере внимания в России времен «потепления» после смерти Николая I к зарубежной мысли и культуре метко написал в свое время Н. Н. Скатов: «Русская мысль часто искала на Западе свое. Но в данном случае это уже было не то страстное увлечение Байроном, которое пережили наши 20-е годы, и те напряженные философские штудии на немецкой почве, что отличали русские годы 30-е, и не поиски ответов на социальные запросы жизни, которые искали у французов только что отшумевшие 40-е» [Скатов: эл. ресурс]. Об этом же размышляет орловский историк В. В. Борискин: «...на смену умозрительным представлениям, доминировавшим в России в 20-40-е гг. XIX в. и нашедшим воплощение в образе “дряхлого Альбиона”, приходит более соответствующий действительности образ передовой, научно-технической, промышленно-торговой и сельскохозяйственной державы, образ “мастерской мира” и “всемирной ярмарки”» [Борискин 2006: 14]. И это несмотря на Крымскую войну, которая, кстати, не столько оттолкнула мыслящих русских от Британии как участника коалиции, напавшей на Севастополь, сколько наоборот – на фоне поражений России – вызывала интерес к социальной и политическим практикам этой страны (при всем взлете патриотизма – особенно в начале войны). Отечественные историки справедливо пишут о том, что Крымская война оказала «огромное воздействие на крепнущее общественное и национальное самосознание» и сыграла важнейшую роль «в процессе оформления общественности в России как

самостоятельной, мыслящей силы, стремящейся к участию в составлении и осуществлении преобразовательных проектов» [Завьялова 2019: 39; 43]. Об этом же пишут А. И. Шепарнева (см. [Шепарнева 1995; Кузнецов 2016]), а К. В. Ратников, исследуя противоречивый художественно-публицистический отклик на военную кампанию в Крыму и отмечая господствовавшую в общественной и художественной мысли того времени (особенно в начале войны) анти-западническую, ура-патриотическую и даже православленную риторику, тем не менее указывает, что воспевание героизма матросов, солдат и офицеров не отменяло критической и, порой, разоблачительной по отношению к военным и политическим верхам николаевской России позиции многих думающих авторов (см. об этом [Ратников 2018]). Британия в этом контексте выступала не только как страна – военный противник, но и как образец передовой современности во многих аспектах. Хотя, конечно, одновременно российское общество того времени, «общество, где издавна ценились справедливость, взаимопомощь, коллективизм, нестяжательство, не могло принять ценностных приоритетов, основанных на протестантской этике личного преуспеяния» [Борискин 2006: 14].

Мы не будем сейчас развернуто говорить о том, что в самой Англии во время Крымской войны было немало выступлений с осуждением существующей в стране практики экономического, военного и политического устройства: достаточно назвать знаменитую «Ассоциацию содействия административной реформе», созданную передовой британской общественностью в начале Крымской войны, активным членом которой с мая 1855 г. был Ч. Диккенс, чей гневный пафос разоблачения закостенелой управленческой системы в Англии блестяще воплотился в «Крошке Доррит» (см. об этом [Прокурнин 2011]).

Стоит согласиться с историками, которые утверждают, что осмысление Британии в России времен окончания войны во многом происходит в парадигме необходимости реформ и решительных изменений, более того – как «столкновение двух программ модернизации России – либерально-реформистская и радикально-демократическая» [Борискин 2006: 18]. Совершенно очевидно, что и литературный процесс, а значит, и литературная критика, отражают именно такое распределение общественных сил. Крупнейший специалист в области литературно-эстетических исканий в России XIX в. Б. Ф. Егоров считает, что в 1855–1856 гг., то есть в самом начале правления Александра II, когда сильны были надежды на кардинальные изменения в обществе, основная борьба в литературно-эстетических кругах велась «между «общественниками», жаж-

давшими социальных преобразований и видевшими в искусстве своего помощника (Чернышевский в их числе), и между «антиобщественниками», защитниками автономии искусства, его независимости от общественных ситуаций и изменений» (Дружинин в их числе) [Егоров 2009: 87]. По его словам, например, в «Современнике», одном из ведущих литературных журналов того времени, «усиление демократических тенденций прежде всего отразилось в литературно-критическом отделе», которым с 1855 г. стал руководить Н. Г. Чернышевский, а аналитические и критически заостренные журнальные обзоры в 1855 г. сам редактор Н. А. Некрасов вел «в духе идей Чернышевского», которому в 1856 г. он и передал этот раздел [там же: 88].

А. В. Дружинин, называемый первым в России сторонником «чистого искусства», развивал так называемую «артистическую» теорию искусства, «которую он и группа критиков (Анненков, Дудышкин) противопоставляли «дидактической» теории разночинцев (Чернышевского, Добролюбова и др.). Сущность ее сводится к немногим положениям: 1) искусство должно быть свободно и не служить «минуте»; 2) оно выражает вечные идеи красоты, добра и правды; 3) искусство не утилитарно» [Бельчиков 1939, т. 3: эл. ресурс]. При этом, подчеркивал Н. Ф. Бельчиков, Дружинин утверждал, что «теория независимого и свободного творчества вовсе не исключает здравого и даже современного поучения». Но все же главная задача искусства, по теории Дружинина, – ставить себе не временные, а «вечные» цели [там же].

Подобная концепция была разительно далека от Чернышевского с его идеологией активной социальной (а то и политической) роли искусства и литературы, исходя из трех основных их черт: воспроизведение жизни, объяснение жизни, приговор над жизнью. Эта идеология была провозглашена в знаменитой диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1853) и в самой шумевшей его большой, печатавшейся в течение года (с декабря 1855 по декабрь 1856 г.) программной статье (даже цикле статей) «Очерки гоголевского периода русской литературы», вызвавшей, конечно же, горячее неприятие А. В. Дружинина. Но полемическое противостояние двух критиков к этому моменту уже успело обрести свои определенные черты. Одним из первых моментов «литературно-критической дуэли» Дружинина и Чернышевского стала негативная реакция первого еще в 1854 г. на ранние рецензии Чернышевского, по Б. Ф. Егорову, отчетливо проявленная в статье «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений», в которой он горестно констатирует, что из-за сатирического направления в русской

натуральной школе российская словесность «изнурена, ослаблена» [Егоров 2009: 92] и что творчество Пушкина трактуется совершенно превратно. «Дуэль» эта, обострившись, продолжилась при противоположном восприятии того, что в истории русской литературы с подачи Белинского называют «гоголевским периодом»: упомянутая статья Чернышевского 1856 г. на этот предмет практически спровоцировала контр-статью Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (того же года); их полемика продолжилась по поводу «Очерков из крестьянского быта» А. Ф. Писемского, где Чернышевский написал анти-дружининскую статью после появления рецензии Дружинина на книгу Писемского; об этом в марте 1857 г. Д. В. Григорович восхищенно писал И. И. Панаеву (см. об этом [Ямпольский 1978: 230]). Позднее Н. Г. Чернышевский полемически не согласится с оценкой А. В. Дружининим творчества широко известного и много переводившегося в России середины XIX в. Э. Бульвер Литтона, о чем доказательно пишет томский литературовед И. А. Матвеев (см. [Матвеев 2013]).

Размышляя о полемике Н. Г. Чернышевского и А. В. Дружинина, надо иметь в виду, что до Чернышевского именно Дружинин руководил литературно-критическим отделом «Современника», придя в него после ухода из жизни В. Г. Белинского и сделав немало для развития русской литературы в трудные для нее времена, о чем свидетельствует не только его собственное творчество, начало которого приветствовал сам Белинский, но и его обширная по тематике и именам литературная критика. По справедливому мнению Б. Ф. Егорова, более всех именно Дружинин способствовал утверждению в годы «мрачного семилетия» идеи о том, что «литература – радостная отдушина в невеселом мире» [Егоров 2009: 91]. Не случайно историки русской критики полагают, что лучшие статьи Дружинина «и по сей день могут считаться образцом высокоинтеллектуальной, точно выстроенной (с учетом авторской концепции) характеристики анализируемых произведений» [Шевцова 2015: 163].

Н. Н. Скатов говорил о том, что Дружинин писал «вполне в духе комильфо: легко, иронично, шутивно, если и полемично (по отношению к тем же славянофилам), то опять-таки в рамках «хорошего» тона, «честного рыцарства» [Скатов: эл. ресурс]. Согласимся, что подобный стиль весьма органично «ложился» на роман Теккерея, о котором он спорил с Чернышевским. В то же время права Л. И. Шевцова, которая отмечает, что «личная позиция критика [Дружинина] выражалась без уклончивости, часто принимала дискуссионный характер» и что вопросы, к кото-

рым обращался Дружинин, были «крупные, в сущности глобальные вопросы, которые решались русской литературой на протяжении всего XIX века» [Шевцова 2015: 164; 165].

Правда, по мнению ряда исследователей, Дружинин, став редактором литературно-критического отдела «Современника», «сначала тонко и искусно, потом все более откровенно начал оспаривать идеи Белинского» [Уздеева 2015: 125]. Г. Н. Поспелов в классической теперь уже «Истории русской литературы XIX века (1840–1860 гг.)» отмечал: главному редактору «Современника», Н. А. Некрасову, «единственному из крупных представителей демократического течения 1840-х гг., оставшихся в литературе» к середине 1850-х, было больно видеть, как «литературные сотрудники журнала постепенно изменяли заветам Белинского и основным положениям “натуральной школы”»; вот почему он приветствовал появление в 1854 г. в редколлегии журнала Н. Г. Чернышевского [Поспелов 1972: 148].

Как известно, Н. Г. Чернышевский был задирным полемистом, «нападающим» спорщиком; вся его литературная и художественная критика – это борьба, схватка, наступление [Тихомиров 2009]. Это связано прежде всего с его пониманием того, что такое литература (не только в эстетическом аспекте) и какова ее роль в жизни общества, с тем, что задачи, которые Чернышевский ставил перед собой как критиком, были практической реализацией его этико-эстетических взглядов. Он, как уже говорилось, всячески подчеркивал «социально активную, преобразовательную функцию» литературы. И не только ее: как хорошо известно, Чернышевский, отдав в конце 1850-х гг. отдел литературной критики в «Современнике» Н. А. Добролюбову, обратился к философским, социальным, политическим вопросам развития современной ему России.

Дружинину же и его «мировоззрению, стилю, облику импонировала культура, отмеченная солидностью и сдержанностью», которая переходила в совершенно не приемлемую для Чернышевского «некоторую холодноватую бесстрастность» и вскоре, по его убеждению, «оказывалась своеобразным дендизмом» и «общественным индифферентизмом» [Скатов: эл. ресурс]. Здесь нельзя не сказать об известном англофильстве А. В. Дружинина. И. А. Матвеев справедливо писала об «особой приверженности Дружинина английской культуре», о том, что «его мировоззрению импонировала многовековая традиционность и беспристрастность английской словесности», английская система воспитания зрелости и ответственности молодых людей в школах и университетах и т. п. [Матвеев 2013: 131]. Не случайно Дружинин так много перево-

дил из английской литературы и много писал о ней: он был одним из первых переводчиков Байрона и Шекспира (его перевод «Короля Лира» долгое время считался образцовым); его статьи о Диккенсе, Ш. Бронте, В. Скотте, Б. Дизраели, Т. Карлейле и других английских авторах составляют важную часть отечественной англистики. Думается, что А. В. Дружинин читал «Ньюкомов» (не исключено, что по-английски), прежде всего исходя из своей концепции литературы, исходя из художественной («артистической») целесообразности, практически не особо имея в виду российский контекст появления романа и его перевода. Чернышевский же читал «Ньюкомов», подавляющим образом исходя из российских социокультурных обстоятельств и должностного воздействия литературы на внелитературные стороны жизни в России начала первой в истории страны «оттепели».

Разность в подходах к жизни – современной и не только, к литературе и искусству не могли не породить того, что многое в рецензии Дружинина на «Ньюкомов» оказалось неприемлемым для Чернышевского. Потому и родилось его собственное критическое осмысление этого романа Теккерея, построенное главным образом на методологии идейного и проблемно-тематического сравнения «Ньюкомов» с «Ярмаркой тщеславия», с одной стороны, и попытке вписывания романа с его хронологической неспешностью и психологической изысканностью в убыстренную динамику социо-исторического развития России ранних лет правления Александра II – с другой. Все это привело к односторонней историко-литературной трактовке не только рецензируемого романа, но только английской литературы 1850-х гг., но и всей логики развития европейского литературного процесса. Впрочем, понятно, что не они были в центре внимания критика, в большей степени анализ этого романа Теккерея был нацелен на русскую литературу и на формирование «правильного» русского читателя. А в этом отношении в рецензии Чернышевского все правильно – исходя из идеологии автора рецензии.

При прочтении рецензии Чернышевского удивляет не тотальное неприятие образа центрального героя («С литературной точки зрения, «Ньюкомов» погубил герой, Клэйв», «прекраснокудрый сынок полковника» [Чернышевский: эл. ресурс]), а то, что, сосредоточившись на отрицании героя английского писателя, не совпадающего с российскими необходимостями – малодетельного и бесконечно рефлексующего, сосредоточенного на двух сугубо личных любовных и художественных страстях, Чернышевский не оценил поворота Теккерея к поэтике тонкого психологического рисунка. И это тот Чернышевский, который до того написал бле-

стящую рецензию на ранние произведения Л. Толстого и разработал знаменитую концепцию «диалектики души». Чтобы «добить» образ Клайва, Чернышевский специально останавливается на том, что Теккерей, объявив Клайва художником, тем не менее не показывает героя в творческих муках, в борьбе за свой успех в художественном деле. Чернышевский иронизирует: «Мистер Клэйв восхищается, находя в себе талант к живописи – очень интересно для меня! <...> ...но вашему мистеру Клэйву от нечего делать вздумалось писать картины, которые никому не нужны (потому что плохи)» [там же]. В этих неоднократно употребленных «вашему» и «ваш» явно чувствуется нацеленность на Дружинина, которому Клайв, наоборот, показался привлекательным «добрым художником» с «массой хороших сторон» [Дружинин: эл. ресурс]. Чернышевский при этом почему-то не берет во внимание, что формально повествование в романе доверено Артуру Пенденнису, тоже творческому человеку, но писателю, который не может войти в «творческую лабораторию» живописца Клайва, в его художественное миропонимание, хотя порой и старается. Справедливости ради скажем, что Теккерей все же в самом деле не дает возможностей Клайву объемно высказаться о своем творчестве в разговорах с Артуром, отцом, в своих письмах и т. д. А вот понять общечеловеческие чувства главного героя его хроники, «домыслить», «дописать» Артур в состоянии, поскольку сам переживал нечто похожее в предыдущем романе (лишь вскользь, поскольку это должно стать предметом специального рассмотрения, заметим, что Теккерей использует в романе балзаковский принцип «переходящих героев»).

Что это – пыл полемики? В этом пылу и образ Клайва не понят (как не понят и принцип его создания: один «обыкновенный» герой-повествователь – Артур Пенденнис – воспроизводит историю/хронику жизни другого обыкновенного человека (обыкновенную историю); не замечена явно ироническая заданность всего повествования романа: об этом свидетельствует и замечательная «Увертюра» к «Ньюкомам», вполне в духе «Ярмарки тщеславия», и намек на Эзопа и его басни о животных – большой иронический зооморфный акцент-штрих; поставленный в самом начале романа, он, конечно, определяет (или по крайней мере должен был это делать) читательскую рецепцию всего последующего повествования. В пылу полемики Н. Г. Чернышевский не заметил очевидного, особенно в отступлениях рассказчика от хроники семейства Ньюкомов, и его (а точнее, Теккерея) горько-иронических обобщений: теккереевский «взгляд на действительность как на «юдоль слез» [Теккерей 1978, т. 2: 185], полную «ветров попутных и против-

ных; штормов, подводных рифов, кораблекрушений» [Теккерей 1978, т. 1: 275], становится «все более мрачным» [Аникст 1956: 326]. Невозможно не увидеть здесь любопытный парадокс: открытая, прямая сатира уменьшается (однако образы младших братьев Ньюкомов и их жен, но особенно Барнса, выписаны не без прямого осуждения, хотя и поданного как личное отношение рассказчика, т. е. Артура Пенденниса), а пессимизм по поводу общественных перспектив растет. Чернышевский это пропустил или принципиально не взял в расчет, а Дружинин же, наоборот, заметил, что «мизантропическое настроение его [Теккерея] таланта во многом изменилось в последние годы» [Дружинин: эл. ресурс].

«Ньюкомы» – роман, который с идеологической, жанровой, повествовательной точек зрения, но главным образом на уровне героя, более других демонстрирует своеобразие творчества Теккерея после «Ярмарки тщеславия». Рисуя объемную и изнутри картину жизни английского общества и опираясь на хроникально-панорамный принцип сюжетостроения (в этом случае Теккерей блестяще наследует традиции столь любимых им писателей XVIII в., Филдинга и Смоллетта прежде всего), писатель редко прибегает к прямой сатире, инвективе и едкой, которыми так славны «Книга снобов» и «Ярмарка тщеславия». Совершенно очевидно, что «Ньюкомы» построены на новом для Теккерея романном содержании, которое требовало иной повествовательной тональности. Именно «инаковость» «Ньюкомов» по отношению к «Ярмарке тщеславия» вызвала жесткое неприятие Чернышевского. Кроме того, надо иметь в виду, что свою рецензию критик писал во многом как острый ответ на вполне доброжелательную рецензию Дружинина, демонстрирующую, порой, правда, номинативно (в соответствии с законами жанра рецензии), многие аспекты художественного своеобычия «Ньюкомов». Тот факт, что Чернышевский воспринимал Дружинина как своего литературно-критического визави, во многом объясняет, почему он заметил не все достоинства романа Теккерея, а некоторые не заметил вовсе, педалируя его недостатки и слабые места. Нет сомнения, не будь такой острой идеологической и эстетической конфронтации в русской литературно-критической мысли в то время, своеобразие романа Теккерея было бы понято еще полнее, а творчество английского писателя воспринималось бы более адекватно.

Список литературы

Аникст А. А. Теккерей // Аникст А. А. История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. С. 312–330.

Бельчиков Н. Ф. Дружинин Александр Васильевич // Литературная энциклопедия: в 11 т. / отв. ред. В. М. Фриче. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1939. Т. 3. URL: http://www.azlib.ru/-d/druzhinin_a_w/text_0010.shtml (дата обращения: 17.05.2021).

Борискин В. В. Викторианская Англия в оценках российских либералов и демократов 50–60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006. 25 с.

Вахрушев В. С. Романы Теккерея начала пятидесятых годов // Творчество Теккерея. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 83–104.

Гениева Е. Ю. Странная судьба Уильяма Теккерея // У. М. Теккерей: Творчество. Воспоминания. Библиографические изыскания. М.: Худож. лит., 1989. URL: <http://philology.ru/literature3/genieva-89c.htm> (дата обращения: 12.05.2021).

Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. СПб.: Летний сад, 2009. 663 с.

Дружинин А. В. «Ньюкомы», роман Теккерея. URL: <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/kritika-druzhinin/nyukomy-tekkereya.htm> (дата обращения: 12.05.2021).

Завьялова О. О. Активизация модернизационного потенциала российской общественности в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Псковский военно-исторический вестник. 2019. Вып. 5. С. 39–44.

Ивашева В. В. За щитом скептицизма // Английский реалистический роман в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. С. 193–263.

Кузнецов О. В. Крымская война как «момент истины» для России // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2016. С. 154–166.

Ломакин С. В. Уильям Теккерей и русская литература 40–60-х гг. XIX века: оценки в критике и типологические связи: автореф. канд. дис. ... филол. наук. М., 2012. 26 с.

Матвеев И. А. Полемика А. В. Дружинина и Н. Г. Чернышевского о творчестве Э. Бульвер-Литтона как отражение литературной ситуации 1850–1860 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3(21), ч. II. С. 130–133.

Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840–1860 гг.). М.: Высшая школа, 1972. 470 с.

Проскурнин Б. М. Эстетическое своеобразие западноевропейского реализма после 1848 года // Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М.: Флинта: Наука, 1998. С. 225–235.

Проскурнин Б. М. Человек и власть в романе Чарльза Диккенса «Крошка Доррит» // Филолог.

2011. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_17_343 (дата обращения: 12.05.2021).

Проскурнин Б. М. Может ли историк доверять романисту: об историческом романе У. М. Теккерея «История Генри Эсмонда, эсквайра» // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2012. Вып. 2(19). С. 44–53.

Ратников К. В. Отражение событий Крымской войны 1853–1856 гг. в восприятии русского общества той эпохи // Известия вузов. Уральский регион. 2018. № 2. С. 49–65.

Скатов Н. Н. А. В. Дружинин – литературный критик. URL: <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/kritika/skatov-druzhinin.htm> (дата обращения: 12.05.2021)

Теккерей У. М. Ньюкомы. Жизнеописание одной весьма почтенной семьи, составленное Артуром Пенденнисом, эсквайром / пер. с англ. Р. Померанцевой // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 8. 494 с. Т. 9. 479 с.

Тихомиров В. В. Развитие литературно-критического метода Н. Г. Чернышевского // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 157–167.

Уздеева Т. М. Критические взгляды Н. Г. Чернышевского и А. В. Дружинина // Вестник Чеченского государственного университета. 2015. № 2(18). С. 124–127.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статьи и рецензии 1856 г. // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1947. Т. III. С. 5–309.

Чернышевский Н. Г. Роман Теккерея. Две части. СПб., 1856. URL: <http://chernyshevskiy.lit-info.ru/chernyshevskiy/kritika/nyukomy-istoria.htm> (дата обращения: 12.05.2021).

Шевцова Л. И. Жанрово-композиционное и стилистическое своеобразие критических выступлений А. В. Дружинина // Текст: структура, семантика, стилистика: сб. ст. М.: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М. А. Шолохова, 2015. С. 163–173.

Шепарнева А. И. Крымская война в оценке русского общественного мнения, 1853–1856: дис. ... канд. истор. наук. Орел, 1995. 242 с.

Ямпольский И. Г. Заметки о Чернышевском (К полемике Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы: межвуз. науч. сб. / под ред. профессора Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. Т. 8. С. 230–237.

Cecil D. William Makepeace Thackeray // Early Victorian Novelists. Essays in Reevaluation. L.: The Fontana Library 1964. P. 58–88.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven; London: Yale University Press, 1985. 467 p.

Purchase S. Key Concepts in Victorian Culture. London: Palgrave, Macmillan, 2006. 282 p.

Ray G. The Newcomes // Thackeray. A Collection of Critical Essays / Ed. by A. Welsh. New Jersey: Prentice Hall, 1968. P. 147–160.

Taylor D. J. Introduction // Thackeray W. M. The Newcomes. L.: Everyman, 1994. P. xviii–xxix.

Thackeray W. M. The Newcomes. Memoirs of a Most Respectable Family / Ed. by A. Pendennis Esq. L.: Everyman, 1994. 801 p.

The Cambridge Companion to the Victorian Novel / Ed. by Deidre David. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 267 p.

References

Anikst A. A. Tekkerey [Thackeray]. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English literature]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, pp. 312–330. (In Russ.)

Bel'chikov N. F. Druzhinin Aleksandr Vasil'evich [Druzhinin Alexander Vasilyevich]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia: in 11 vols.]. Ed. by V. M. Friche. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoy Akademii Publ., 1939, vol. 3. Available at: http://www.azlib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0010.shtml (accessed 17.05.2021). (In Russ.)

Boriskin V. V. *Viktorianskaya Angliya v otsenkakh rossiyskikh liberalov i demokratov 50–60-kh godov XIX veka*. Avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. [Victorian England in the assessment of Russian liberals and democrats of the 50s–60s of the 19th century. Abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Oryol, 2006. 25 p. (In Russ.)

Vakhrushev V. S. *Romany Tekkereya nachala pyatidesyatykh godov* [Thackeray's novels of the early 1850s]. *Tvorchestvo Tekkereya* [Thackeray's oeuvre]. Saratov, Saratov State University Press, 1984, pp. 83–104. (In Russ.)

Genieva E. Yu. *Strannaya sud'ba Uil'yama Tekkereya* [The strange fate of William Thackeray]. *U. M. Tekkerey: Tvorchestvo. Vospominaniya. Bibliograficheskie izyskaniya* [W. M. Thackeray: Oeuvre. Recollections. Bibliographical studies]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Available at: <http://philology.ru/literature3/genieva-89c.htm> (accessed 12.05.2021). (In Russ.)

Egorov B. F. *Izbrannoe. Esteticheskie idei v Rossii XIX veka* [Selected works. Aesthetical ideas in Russia of the 19th century]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2009. 663 p. (In Russ.)

Druzhinin A. V. 'Nyukomy', roman Tekkereya [The Newcomes, the novel of Thackeray]. Available at: <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/kritika-druzhinin/nyukomy-tekkereya.htm> (accessed 12.05.2021). (In Russ.)

Zav'yalova O. O. Aktivizatsiya modernizatsionnogo potentsiala rossiyskoy obshchestvennosti v gody Krymskoy voyny (1853–1856) [Activization of the modernization potential of the Russian society in the years of the Crimean War (1853–1856)]. *Pskovskiy*

voenno-istoricheskii vestnik [Pskov Bulletin of Military History], 2019, issue 5, pp. 39–44. (In Russ.)

Ivasheva V. V. Za shchitom skeptitsizma [Behind the shield of skepticism]. *Angliyskiy realistsicheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The English novel of the 19th century in the contemporary context]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, pp. 193–263. (In Russ.)

Kuznetsov O. V. Krymskaya voyna kak ‘moment istiny’ dlya Rossii [The Crimean War as the moment of truth for Russia]. *Voennaya istoria Rossii: problemy, poiski, resheniya* [The Military history of Russia: Issues, searches, solutions]. Volgograd, Volgograd State University Press, 2016, pp. 154–166. (In Russ.)

Lomakin S. V. *Uil'yam Tekkerey i russkaya literatura 40–60-kh gg. XIX veka: otsenki v kritike i tipologicheskie svyazi*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [William Thackeray and Russian literature of the 40s–60s of the 19th century: Assessments in criticism and typological connections. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow State University Press, 2012. 26 p. (In Russ.)

Matveenko I. A. Polemika A. V. Druzhinina i N. G. Chernyshevskogo o tvorchestve E. Bul'ver-Littona kak otrazhenie literaturnoy situatsii 1850–1860 gg. [Polemics of A. V. Druzhinin and N. G. Chernyshevsky on E. Bulwer-Lytton's works as the reflection of the literary situation of the 1850s–1860s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2013, issue 3(21), pt. 2, pp. 130–133. (In Russ.)

Pospelov G. N. *Istoriya russkoy literatury XIX veka (1840–1860 gg.)* [The history of Russian literature (1840s–1860s)]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972. 470 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Esteticheskoe svoeobrazie zapadnoevropeyskogo realizma posle 1848 goda [The aesthetical peculiarities of the Western European realism after 1848]. Proskurnin B. M., Yashen'kina R. F. *Istoriya zarubezhnoy literatury XIX veka: zapadnoevropeyskaya realistsicheskaya proza* [The history of foreign literature of the 19th century: Western European realistic prose]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 1998, pp. 225–235. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Chelovek i vlast' v romane Dikkensa ‘Kroshka Dorrit’ [A man and the power in Charles Dickens's *Little Dorrit*]. *Filolog* [Philologist], 2011. 9 p. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_17_343. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Mozhet li istorik doveryat' romanistu: ob istoricheskom romane U. M. Tekkereya ‘Istoriya Genri Esmonda, eskvaira [Can a historian trust a novelist: On *The History of Henry Esmond, Esq.* by W. M. Thackeray]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya ‘Istoria’* [Perm University Herald. History], 2012, issue 2(19), pp. 44–53. (In Russ.)

Ratnikov K. V. Otrazhenie sobytii Krymskoy voyny 1853–1856 gg. v vospriyatii russkogo obsch-

estva toy epohi [Reflection of the events of the Crimean War of 1853 – 1856 in the perception of the Russian society of that epoch]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region* [Bulletin of Higher Educational Institutions. Ural Region], 2018, issue 2, pp. 49–65. (In Russ.)

Skatov N. N. *A. V. Druzhinin – literaturnyy kritik* [A. V. Druzhinin as a literary critic]. Available at: <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/kritika/skatov-druzhinin.htm> (accessed 13.05.2021). (In Russ.)

Thackeray W. M. Nyukomy. Zhizneopisanie odnoy ves'ma pochtennoy sem'i, sostavlennoe Arturom Pendennisom. Eskvayrom [The Newcomes. Memoirs of a most respectable family, edited by Arthur Pendennis, Esq.]. Transl. from English by R. Pomerantseva. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collection of works in 12 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 8. 494 p.; vol. 9. 479 p. (In Russ.)

Tikhomirov V. V. Razvitie literaturno-kriticheskogo metoda N. G. Chernyshevskogo [The development of Chernyshevsky's method of literary criticism]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2009, issue 3, pp. 157–167. (In Russ.)

Uzdeeva T. M. Kriticheskie vzglyady N. G. Chernyshevskogo i A. V. Druzhinina [Literary critical views of N. G. Chernyshevsky and A. V. Druzhinin]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chechen State University], 2015, issue 2(18), pp. 124–127. (In Russ.)

Chernyshevsky N. G. Ocherki gogolevskogo perioda russkoy literatury. Stat'i i retsenzii 1856 g. [Essays on the Gogol period of Russian literature. Essays and reviews of 1856]. Chernyshevsky N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [A complete collection of works: in 15 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1947, vol. 3, pp. 5–309. (In Russ.)

Chernyshevsky N. G. *Roman Tekkereya. Dve chasti* [The Novel of Thackeray. Two parts]. St. Petersburg, 1856. Available at: <http://chernyshevskiy.lit-info.ru/chernyshevskiy/kritika/nyukomy-istiriya.htm> (accessed 12.05.2021). (In Russ.)

Shevtsova L. I. Zhanrovo-kompozitsionnoe i stilisticheskoe svoeobrazie kriticheskikh vystupleniy A. V. Druzhinina [Peculiarities of the genre, composition and style of A. V. Druzhinin's literary criticism]. *Tekst: struktura, semantika, stilistika*. Sbornik statey [Text: Structure, semantics, style. Collection of articles]. Moscow, Sholokhov Moscow State University for the Humanities Press, 2015, pp. 163–173. (In Russ.)

Sheparneva A. I. Krymskaya voyna v otsenke russkogo obshchestvennogo mneniya, 1853–1856: diss. ... kand. istor. nauk [The Crimean War as Represented in Russian Public Opinion, 1853–1856. Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 1985. 242 p.

Yampol'skiy I. G. Zametki o Chernyshevskom (K polemike N. G. Chernyshevskogo s A. V. Druzhininym [Notes on Chernyshevsky (on polemics of N. G. Chernyshevsky and A. V. Druzhinin)]. *N. G. Chernyshevsky. Stat'i, issledovaniya, materialy* [N. G. Chernyshevsky. Essays, studies, materials]. Saratov, Saratov State University Press, 1978, vol. 8, pp. 230–237. (In Russ.)

Cecil D. William Makepeace Thackeray. Cecil D. *Early Victorian Novelists. Essays in Reevaluation*. London, Fontana Library, 1964, pp. 58–88. (In Eng.)

Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London, Yale University Press, 1985. 467 p. (In Eng.)

Purchase S. *Key Concepts in Victorian Culture*. London, Palgrave, Macmillan, 2006. 282 p. (In Eng.)

Ray G. The Newcomes. *Thackeray. A Collection of Critical Essays*. Ed. by A. Welsh. New Jersey, Prentice Hall, 1968, pp. 147–160. (In Eng.)

Taylor D. J. Introduction. Thackeray W. M. *The Newcomes*. London, Everyman, 1994, pp. xviii–xxix. (In Eng.)

Thackeray W. M. *The Newcomes. Memoirs of a most respectable family, edited by Arthur Pendennis, Esq.* London, Everyman, 1994. 801 p. (In Eng.)

The Cambridge Companion to the Victorian Novel. Ed. by Deidre David. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 267 p. (In Eng.)

READING 'THE NEWCOMES' IN DIFFERENT WAYS: LITERARY AND CRITICAL 'DUEL' OF CHERNYSHEVSKY AND DRUZHININ

Boris M. Proskurnin

**Professor, Head of the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Submitted 28.06.2021

The essay deals with the issues of reception of English literature by Russian literary criticism; it analyzes polemically pointed evaluations of *The Newcomes* (1853–1855) by two leading Russian critics of the 1850s – 1860s – Nikolay Chernyshevsky and Alexander Druzhinin. To look at their reviews of the novel is worthwhile as it leads to a better understanding of both Russian literary process of the period and Russian reception of English literature in the middle of the 19th century. While examining these reviews, it is necessary to remember that this novel occupies quite an important place in the creative work of Thackeray and has many peculiarities at such levels of its structure as genre, plot, narrative, character-making, irony. The novel belongs to the after *Vanity Fair* period of Thackeray's oeuvre with its own aesthetics which just in *The Newcomes* gets its final look. The novel pictures the life of the English upper classes with the help of chronicle and panoramic methods of plot-making; direct satire, keenest irony and invective do not work here as they work in *Vanity Fair*. It is precisely this 'otherness' of *The Newcomes*, in comparison with the most famous novel by Thackeray, that becomes the matter of the opposite estimates of this novel by two Russian critics: at one extreme, Chernyshevsky who, though noting some strong plot-making and narrative positions in the novel, criticizes the writer for poor conceptuality of the novel, the petty themes raised, the hero's unimpressiveness, procrastination and slowness of the narrative; at the other extreme, the benevolent view of Druzhinin who reveals some important facets of the novel's artistic originality. He does not assess the novel from the ideological positions which are, in many respects, the products of the first Russian 'thaw' after the period of political reaction of the regime of Nicholas I and which determine the position of Chernyshevsky. Since Druzhinin had been taken by Chernyshevsky as his ideological rival and the founder of 'art for art's sake' conception, his review was a severe polemical answer to Druzhinin's review published earlier. That is one of the main reasons why such a profound literary critic as Chernyshevsky did not notice or did not want to notice many merits of *The Newcomes* which are stressed in the essay. It is shown in the essay that, while writing his review of *The Newcomes*, Chernyshevsky was thinking more about Russian literary situation than Thackeray's novel itself and the literary process in England in the middle of the 19th century.

Key words: Nikolay Chernyshevsky; Alexander Druzhinin; Russian literary criticism of the 19th century; reception; Victorianism; William Thackeray; *The Newcomes*; English novel; literary hero.

УДК 82.09+821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2021-3-112-117

САТИРИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ Н. И. СТРАХОВА И «МОДНАЯ КНИГА» Л.-А. КАРАЧЧИОЛИ

Лев Аркадьевич Трахтенберг

д. филол. н., доцент кафедры истории русской литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. Lev_A_T@inbox.ru

SPIN-код: 6842-0304

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4345-0955>

ResearcherID: X-2444-2019

Статья поступила в редакцию 23.06.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Трахтенберг Л. А. Сатирические издания Н. И. Стрехова и «Модная книга» Л.-А. Караччиоли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 112–117. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-112-117***Please cite this article in English as:***Trakhtenberg L. A. Satiricheskie izdaniya N. I. Strakhova i «Modnaya kniga» L.-A. Karachchioli [N. I. Strakhov's Works of Satire and 'The Fashionable Book' by L.-A. Caraccioli]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 112–117. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-112-117 (In Russ.)*

В 1790–1793 гг. Н. И. Стрехов выпускает четыре сатирических издания. Это «Сатирический вестник» (1790–1792), «Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву» (1791), «Переписка Моды» (1791) и «Плач Моды о изгнании модных и дорогих товаров» (1793). В статье доказывается, что одним из их литературных источников может быть «Модная книга» французского писателя Л.-А. Караччиоли, вышедшая в переводе на русский язык в 1789 г.

Все четыре названных произведения Стрехова объединяет с книгой Караччиоли тема моды. В «Карманной книжке», «Переписке» и «Плаче Моды», как и в «Модной книге», эта тема единственная, а в «Сатирическом вестнике» – основная. Возможно, знакомство с сочинением Караччиоли подталкивает Стрехову мысль о том, что моде можно посвятить целую книгу.

Кроме того, «Карманную книжку» с произведением французского писателя сближает своеобразная модель адресации. Оба произведения обращены к щеголям, как будто с целью привлечь их внимание. В обеих книгах щеголям даются советы, характеризующие принятое в свете поведение. У Караччиоли такие рекомендации занимают меньшую, а у Стрехова – большую часть текста. Разумеется, в действительности апелляция к щеголям носит иронический характер; советы им надо понимать в противоположном смысле. Следование моде у обоих авторов – предмет сатиры.

Знакомство Стрехова с русским переводом сочинения Караччиоли весьма вероятно, поскольку этот перевод печатается в типографии Московского университета, арендованной Н. И. Новиковым, а именно в то время – во второй половине 1780-х гг. – Новиков сотрудничает со Стреховым, публикуя переведенные им книги. То, что сатирические произведения Стрехова появляются вскоре после выхода русского перевода «Модной книги», служит дополнительным аргументом в пользу гипотезы о ее влиянии на них.

Ключевые слова: литература XVIII в.; русско-французские литературные связи; тема моды; сатира; ирония.

В истории отечественной сатиры XVIII в. творчество Н. И. Стрехова занимает особое место (см о нем.: [Тимофеев 1888; Покровский 1892; Западов 1940; Стенник 1985: 260–278; Лот-

ман 2000: 226–228; Зайонц 2004, 2008, 2013; Костин, Стенник 2010; Костин 2014]). В это время сатирический дискурс в русской литературе представлен тремя основными жанрами: комеди-

ей, поэтической сатирой и эссе. Эссеистику культивируют сатирические журналы, такие как «Всякая всячина» Екатерины II или «Трутень» Н. И. Новикова. Из этих традиций Страхов продолжает третью – традицию журнальной эссеистики. Но если эссе предполагает краткость, то Страхов разрабатывает и крупную форму сатирической книги.

Расцвет сатирического творчества Страхова приходится на 1790–1793 гг. За эти годы он выпускает четыре сатирических издания (Страхов 1790–1792, 1791а, 1791б, 1793). В 1790–1792 гг. публикуется «Сатирический вестник» – один из последних русских журналов в традиции «Всякой всячины» и «Трутня», причем самый большой из всех: выходят девять выпусков объемом от 92 до 142 страниц. Форма этого журнала своеобразна: он представляет собой пародию на газеты с обычными для них в то время отделами новостей и разного рода объявлений. В 1791 г. Страхов издает «Карманную книжку для приезжающих на зиму в Москву» в трех частях. Подзаголовок: «Иносказательные <...> наставления и советы» – раскрывает специфику текста: это иронические рекомендации, обращенные к светским щеголям, которые читатель в действительности должен понимать в противоположном смысле – как обличение щегольства. В том же году появляется еще одна книга Страхова – «Переписка Моды». Здесь сатире придана форма цикла писем, среди авторов которых – персонафицированная *Мода*, *картежная игра*, *золотые цепочки с эмалью*, *старинные головные уборы*, *модная прическа*, *старинный кафтан*, *каре́та*, *портфель*, а также *доктора*, *актеры* и *актрисы*, *выдумщики* и *иностранные учителя*. В 1793 г. за «Перепиской» следует брошюра «Плач Моды», поводом для которой становится запрет на ввоз дорогих французских товаров, введенный Екатериной II после казни Людовика XVI.

Среди литературных источников произведений Страхова называют прежде всего русские сатирические журналы, как, например, «Трутень» или «Смесь» [Тимофеев 1888: 340; Западов 1940: 293, 317; Зайонц 2004: 171]. В частности, Ю. В. Стенник отмечает, что форма пародии на газеты, избранная Страховым для «Сатирического вестника», восходит к сатирическим «Ведомостям» из журналов Новикова – «Трутня» и «Живописца» [Стенник 1985: 268]. Л. О. Зайонц демонстрирует сходство между «Перепиской моды» и одной из статей журнала И. А. Крылова «Почта духов» [Зайонц 2013: 212–213]. Указывают и зарубежные источники: «Персидские письма» Ш.-Л. Монтескье [Западов 1940: 315], романы А.-Р. Лесажа, очерки Л.-С. Мерсье [Стенник 1985: 263; Зайонц 2013: 207].

Представляется, что в ряду зарубежных образцов, на которые ориентируется Страхов, можно назвать еще одно произведение французской литературы. Это «Модная книга» Л.-А. Караччиоли¹. Обосновать гипотезу о ее влиянии на сатирические сочинения Страхова – задача работы.

Луи-Антуан Караччиоли (Louis-Antoine Caraccioli, 1719–1803) – французский писатель, автор моралистических и сатирических сочинений (см. о нем: [Jacques 2002, 2014; Travier, 2010]. «Модная книга», впервые опубликованная в 1759 г., – образец сатиры (Caraccioli 1759а, 1759б). Она посвящена обличению щеголей, увлеченных модой. Это издание отличается яркой внешней особенностью: один из двух томов напечатан зеленой, а другой – розовой краской². «Модная книга» вскоре переводится на немецкий, а впоследствии – на испанский и русский языки. Русский перевод напечатан в 1789 г. в типографии Московского университета, которую в это время арендует Н. И. Новиков (Караччиоли 1789).

В ряду доказательств влияния Караччиоли на Страхова место и дата публикации этого перевода имеют определяющее значение. Во второй половине 1780-х гг. Страхов постоянно сотрудничает с Новиковым. В типографиях Новикова выходят несколько книг, переведенных Страховым: в 1786 г. – роман О. Голдсмита «Векфильдский священник», в 1787 – восточная повесть Ш.-Л. Монтескье «Арсас и Исмения»; в 1788 г. печатается книга «Дух изящнейших мнений, избранных большею частию из сочинений г. Рошефокольда и прочих лучших писателей», скорее всего, тоже составленная Страховым [Костин, Стенник, 2010: 166]. Есть все основания предполагать знакомство Страхова с книгой Караччиоли, которую также издает Новиков.

Сатирические сочинения Страхова выходят в свет в течение нескольких лет после русского перевода «Модной книги». Издание первого из них, «Сатирического вестника», начинается уже на следующий год после его появления. Следующие два, «Карманная книжка» и «Переписка Моды», выходят еще через год. Лишь четыре года разделяют этот перевод и последнее в ряду сатирических сочинений Страхова начала 1790-х гг. – «Плач Моды». Если Страхов действительно читает книгу Караччиоли, то впечатления от ее чтения должны быть еще свежи в тот момент, когда он приступает к работе над собственными произведениями. Хронологическая близость служит, таким образом, еще одним аргументом в пользу предположения о том, что знакомство с сочинением Караччиоли оказывает влияние на творчество Страхова. Эта гипотеза подтверждается сопоставлением на уровне содержания и стиля.

Наиболее очевидный признак, объединяющий произведения Стрехова и «Модную книгу», – тематический. Во всех четырех сатирических сочинениях, выпущенных Стреховым в начале 1790-х гг., мода – центральная тема. Тематика «Сатирического вестника» разнообразна, но именно поведение щеголей становится в этом журнале основным предметом обличения. В «Карманной книжке», «Переписке Моды» и «Плаче Моды» эта тема единственная.

Пример Караччиоли, возможно, подает Стрехову мысль о том, что мода может стать темой целой книги – и даже не одной. Притом речь идет не о романе, а о крупной форме, созданной на эссеистической основе: в этом сочинении русского и французского авторов также сходны. Эпистолярная форма «Переписки Моды» напоминает о жанре романа в письмах – однако в ней нет связного действия. В «Карманной книжке», напротив, действие есть – но не романного типа. В ней нет героев с индивидуальной судьбой. Ее персонажи безымянны и коллективны: речь идет о поведении всех щеголей, из которых, как предполагается, один не отличается от другого. Предмет повествования – времяпрепровождение щеголей в Москве начиная с приезда из своих имений и вплоть до отъезда обратно; предполагается, что оно повторяется из года в год и бесцельно в своем однообразии.

Разумеется, в разработке темы моды примером Стрехову может служить не только книга Караччиоли. Мода – одна из постоянных сатирических тем в литературе XVIII в. К ней обращается уже А. Д. Кантемир в Сатире II. Образы щеголей создают в своих комедиях А. П. Сумароков и Д. И. Фонвизин. Щегольство обличают сатирические журналы, в частности «Всякая всячина», «Трутень», «Живописец». Однако на этом фоне «Карманная книжка», «Переписка» и «Плач Моды» вслед за сочинением Караччиоли выделяются тематическим единством на протяжении всего текста, в первых двух случаях – довольно значительного объема.

Есть и другие черты, сближающие произведения Стрехова, в первую очередь «Карманную книжку для приезжающих на зиму в Москву», с «Модной книгой». Это прежде всего своеобразная, редкая модель адресации.

Караччиоли обращается к щеголям и, по собственному утверждению, старается привлечь их внимание. Значительная часть текста «Модной книги» посвящена мотивировке использованного в ней своеобразного типографского приема – печати не черной, а зеленой и розовой краской: сатирик утверждает, что благодаря этому в моду войдет сама его книга. На эту установку указывает уже название, причем в оригинале эта семантика яснее, чем в переводе (также ее переда-

ющем): “Le livre à la mode” – буквально «книга по моде», «соответствующая моде».

Нередко Караччиоли дает щеголям советы, будто бы поддерживая их образ жизни. Советы, например, такие: «С самого начала надлежит поставить себе за правило, чтоб слушаться только себя самого <...> и взирать на себя так, как на первый предмет удивления и на центр, к которому все стремится долженствует. Надлежит различать свои поклоны по различию особ и не иначе поздравлять, как с видом и величайшим видом покровительства, тех, которые имеют изрядные дарования, не имея богатого платья» (Караччиоли 1789, ч. 1: 27–28).

Очевидно, что советы эти иронические: на самом деле книга Караччиоли направлена против моды и щегольства. В других местах он оставляет иронический тон и переходит к прямому нравованию.

В предисловии к русскому переводу разъясняется суть игры, которую французский автор предлагает читателю: «Книга сия <...> на французском языке печатана часть I *зелеными*, а II *розовыми* буквами в угождение, а в то же время и в осмеяние французской ветреной жадности к *новым модам*» (там же: 3).

Ирония как основная установка речи на протяжении всего текста – вот признак, объединяющий «Модную книгу» и три из четырех изданий Стрехова: «Карманную книжку», «Переписку Моды» и «Плач Моды». В этих трех произведениях сатирик на словах прославляет моду, а в действительности – обличает.

Более того: «Карманная книжка», подобно произведению Караччиоли, адресована щеголям и заключает в себе иронические советы им. Этот прием Стрехов использует даже более последовательно, чем французский автор. Советы щеголям занимают большую часть «Карманной книжки»; в основном они даются в форме повелительного наклонения. Притом, как и Караччиоли, Стрехов чередует иронические фрагменты с серьезными.

«Сатирический вестник», согласно своему полному названию, также предназначен, в частности, для «щеголей, вертопрахов, волокит, игроков» (это перечисление воспроизведено и в заглавии «Карманной книжки»). Однако ирония не играет в этом журнале такой же роли, как в «Карманной книжке».

Совпадение многих мотивов в сочинениях Стрехова и в книге Караччиоли не свидетельствует о заимствовании именно из нее, так как эти мотивы в большинстве своем традиционны. Они входят в общий фонд сатиры XVIII в. и встречаются в самых разнообразных произведениях как русской, так и зарубежной литературы. Однако если речь идет о мотиве относительно

малораспространенном, то его присутствие в произведениях французского и русского авторов можно считать дополнительным аргументом в пользу гипотезы об их генетической связи. Таков мотив притворной болезни. И Караччиоли, и Страхов смеются над щеголями и особенно над кокетками, которые делают вид, что нездоровы, так как и на болезни существует мода. В общей картине поведения щеголей, которую рисуют сатирики XVIII в., это сравнительно редкая деталь; Караччиоли же уделяет ей внимание (Караччиоли 1789, ч. 2: 7–10), а Страхов подробно разрабатывает в разных произведениях: «Сатирическом вестнике» (Страхов 1790–1792, ч. 1: 87–91; ч. 4: 30–31, 89–94; ч. 7: 88–89), «Карманной книжке» (Страхов 1791а, ч. 1: 60–69; ч. 3: 16) и «Переписке Моды» (Страхов 1791б: 144–147, 189–196).

Между сочинениями Страхова и «Модной книгой» есть и стилистическое соответствие, добавляющее штрих к общей картине сопоставления. Страхов нередко прибегает к анафоре, связывающей длинные ряды предложений (Страхов 1790–1792, ч. 1: 107–109; ч. 7: 27–28; ч. 8, 37–40; ч. 9: 3–5; 1791а, ч. 1: 33–34; ч. 2: 93; ч. 3: 28–30, 51, 64; 1791б: 42–43 и т. д.). Вот, например, как он говорит о маскарадах на масленице: «Настало время отличаться, блистать и делаться счастливыми. Настало время иметь опыт любви от тех, в кого влюблены, и волочиться и влюбляться снова. Настало время бегать за неизвестными особами, вздыхать о них и верить, что мы влюблены и любимы» (Страхов 1791а, ч. 2: 93). Здесь анафорическая конструкция не заканчивается; слова «настало время» повторяются в ней пять раз. Встречаются и анафорические ряды большего объема.

Образцом подобного приема в сатирическом дискурсе Страхову может служить, например, следующее место из книги Караччиоли, посвященное поведению кокеток: «Госпожи сии стараться будут, чтоб быть весьма жеманными, порабощаться своей фигуре, не выпускать из глаз своих зеркала <...> Они стараться будут, чтоб смеяться и сердиться с великим искусством и всегда кстати <...> Они стараться будут, чтоб хорошенько представлять себя холодными в то время, как они наиболее будут страстны» (Караччиоли 1789, ч. 1: 33–34). В этом фрагменте, продолжающемся далее, слова «Они стараться будут» повторены девять раз (в первой и последней фразе – с незначительными вариациями). Караччиоли прибегает к анафоре такого типа и в других местах (там же, ч. 1: 43; ч. 2: 25–26).

Сопоставление приведенных выше фактов позволяет прийти к следующим выводам.

Можно предположить, что Страхов знакомится с «Модной книгой» по русскому переводу, изданному в 1789 г. Новиковым. Сотрудничество

Страхова с Новиковым во второй половине 1780-х гг. делает это вполне вероятным. Знакомство с произведением Караччиоли дает импульс творческой мысли Страхова. Вероятно, пример французского писателя подсказывает ему мысль облечь сатиру на моду в форму книги. Таких изданий Страхов выпускает два: это «Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву» и «Переписка Моды». За «Перепиской» в дальнейшем следует брошюра «Плач Моды», развивающая ту же тему. Идейное воздействие произведения Караччиоли можно видеть и в «Сатирическом вестнике», но его форма имеет другой, ближайший образец – сатирические журналы.

Наибольшее сходство с произведением Караччиоли обнаруживает «Карманная книжка». Оно определяется своеобразной моделью адресации, основанной на иронической игре. Вслед за французским писателем Страхов обращается к щеголям и даже, как кажется на первый взгляд, стремится привлечь их внимание, вводя собственную книгу в сферу моды. Однако на самом деле поведение щеголей высмеивается; автор солидарен не с ними, а с просвещенными читателями, осознающими пустоту модного образа жизни.

Примечания

¹ В других источниках его фамилия передается иначе – Караччоли.

² В выходных данных французского оригинала второй том обозначен как новое издание «Модной книги». В действительности он является не переизданием первого тома, а продолжением, так как содержит совершенно иной текст.

Список источников

Караччиоли Л.-А. Модная книга: Ч. 1–2. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. 67 (ч. 1) + 68 (ч. 2) с.

[Страхов Н. И.] Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч. или Иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем Сатирического вестника: Ч. 1–3. М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1791а. 107 (ч. 1) + 101 (ч. 2) + 82 (ч. 3) с.

[Страхов Н. И.] Переписка Моды, содержащая письма безруких Мод, размышления неодушевленных нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебели, карет, записных книжек, пуговиц и старозаветных манек, кунташей, шляфоров, телогрей и пр. Нравственное и критическое сочинение, в коем с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разные смешные и важные сцены модного века. М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1791б. XX, 238 с.

[Стрехов Н. И.] Плач Моды о изгнании модных и дорогих товаров, писанный сочинителем Переписки Мод. М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1793. 30 с.

[Стрехов Н. И.] Сатирический вестник, удобоспособствующий разглаживать наморщенное чело старичков, забавлять и купно научать молодых барынь, девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и прочего состояния людей, писанный небывалого года, неизвестного месяца, несведомого числа, незнаемым сочинителем: Ч. 1–9. М.: Унив. тип., у В. Огорокова, 1790–1792. 131 (ч. 1) + 142 (ч. 2) + 123 (ч. 3) + 115 (ч. 4) + 103 (ч. 5) + 100 (ч. 6) + 96 (ч. 7) + 92 (ч. 8) + 104 (ч. 9) с.

Caraccioli L.-A. Le livre à la mode. A Verte-Feuille: De l'imprimerie du Printemps, au Perroquet, l'année nouvelle [i. e. Liège: Jean-François Bassompierre, 1759a]. XXII, 86 p.

Caraccioli L.-A. Le livre à la mode. Nouvelle édition, marquée, polie & vernissée. En Europe: Chez les libraires, 1000700509 [i. e. Liège: Jean-François Bassompierre, 1759b]. XXXVIII, 88 p.

Список литературы

Зайонц Л. О. «Говорящие знаки» Модного века в авторском проекте Н. И. Стрехова // Текст в тексте – Культура в культуре. Text within Text – Culture within Culture. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2013. С. 205–220.

Зайонц Л. О. Две судьбы Николая Ивановича Стрехова // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. С. 25–42.

Зайонц Л. О. Хворания по моде Николая Стрехова, или Об одном неосуществленном замысле Ю. М. Лотмана // Антропология культуры. М.: Вердана, 2004. Вып. 2. С. 171–186.

Западов А. В. Николай Стрехов и его сатирические издания // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века: сб. ст. / под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 292–323.

Костин А. А. Писатель на службе. Случай Н. И. Стрехова // Russian Literature. 2014. Vol. 75, № 1/4. P. 333–361. doi 10.1016/j.ruslit.2014.05.015

Костин А. А., Стенник Ю. В. Стрехов // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 166–169.

Лотман Ю. М. Пути развития русской просветительской прозы XVIII века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2000. С. 207–230.

Покровский В. И. Столетие Сатирического вестника // Библиографические записки. 1892. № 12. С. 851–860.

Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII века. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1985. 360 с.

Тимофеев С. П. Последний представитель русской сатиры прошлого века // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 338–354.

Jacques M. L.-A. Caraccioli et son œuvre: la mesure d'une avancée de la pensée chrétienne vers les Lumières // Dix-huitième siècle. 2002. № 34 «Christianisme et Lumières». P. 289–302.

Jacques M. Louis-Antoine Caraccioli: une certaine vision de l'Europe française // Revue d'histoire littéraire de la France. 2014. Vol. 114, № 4. P. 829–842. doi 10.3917/rhlf.144.0829

Travier D. Louis-Antoine Caraccioli ou les amusements typographiques d'un moraliste mondain // L'écrivain et l'imprimeur / Éd. A. Riffaud. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 175–192. doi 10.4000/books.pur.38661

References

Zayonts L. O. 'Govoryashchie znaki' Modnogo veka v avtorskom proekte N. I. Strakhova ['Speaking signs' of the Fashionable century in N. I. Strakhov's project]. *Tekst v tekste – Kul'tura v kul'ture* [Text within Text – Culture within Culture]. Tartu, Budapest, L'Harmattan Kiadó, 2013, pp. 205–220. (In Russ.)

Zayonts L. O. Dve sud'by Nikolaya Ivanovicha Strakhova [Two fates of Nikolay Ivanovich Strakhov]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie. VI (Novaya seriya): K 85-letiyu Pavla Semenovicha Reyfmana* [Studies in Russian and Slavic philology. Literary criticism. VI (New series): Dedicated to the 85th birthday of Pavel Semenovich Reifmann]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Press, 2008, pp. 25–42. (In Russ.)

Zayonts L. O. Khvoraniya po mode Nikolaya Strakhova, ili Ob odnom neosushchestvlennom zamysle Yu. M. Lotmana [Nikolay Strakhov's Maladies over Fashion, or On one unaccomplished project of Yuri Lotman]. *Antropologiya kul'tury* [Anthropology of Culture]. Moscow, Verdana Publ., 2004, issue 2, pp. 171–186. (In Russ.)

Zapadov A. V. Nikolay Strakhov i ego satiricheskie izdaniya [Nikolay Strakhov and his satirical publications]. *Problemy realizma v russkoy literature XVIII veka: Sbornik statey* [Problems of Realism in Russian Literature of the 18th-Century: Collection of articles]. Ed. by N. K. Gudziy. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1940, pp. 292–323. (In Russ.)

Kostin A. A. Pisatel' na sluzhbe. Sluchay N. I. Strakhova [A writer in civil office. The case of N. I. Strakhov]. *Russian Literature*, 2014, vol. 75, issue 1/4, pp. 333–361. doi 10.1016/j.ruslit.2014.05.015. (In Russ.)

Kostin A. A., Stennik Yu. V. Strakhov. *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of Russian

writers of the 18th-century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 3. R–Ya, pp. 166–169. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Puti razvitiya russkoy prosvetitel'skoy prozy XVIII veka [Ways of development of Russian 18th-century prose of the Enlightenment]. Lotman Yu. M. *Sobranie sochineniy*. [Collected Works]. Moscow, OGI Publ., 2000, vol. 1: Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya [Russian literature and culture of the Enlightenment], pp. 207–230. (In Russ.)

Pokrovskiy V. I. Stoletie Satiricheskogo vestnika [The centenary of 'The Satirical Bulletin']. *Bibliograficheskie zapiski* [Bibliographic Notes], 1892, issue 12, pp. 851–860. (In Russ.)

Stennik Yu. V. *Russkaya satira XVIII veka* [Russian satire of the 18th-century]. Leningrad, Nauka. Leningrad department Publ., 1985. 360 p. (In Russ.)

Timofeev S. P. Posledniy predstavitel' russkoy satiry proshlogo veka [The last Russian satirist of the previous century]. *Istoricheskiy vestnik* [The Historical Bulletin], 1888, issue 8, pp. 338–354. (In Russ.)

Jacques M. L.-A. Caraccioli et son œuvre: la mesure d'une avancée de la pensée chrétienne vers les Lumières [L.-A. Caraccioli and his works: Christian thought as advancing towards the Enlightenment]. *Dix-huitième Siècle* [The Eighteenth Century], 2002, issue 34. Christianisme et Lumières [Christianity and Enlightenment], pp. 289–302. (In Fr.)

Jacques M. Louis-Antoine Caraccioli: une certaine vision de l'Europe française [Louis-Antoine Caraccioli: A certain vision of French Europe]. *Revue d'histoire littéraire de la France* [Review of French Literary History], 2014, vol. 114, issue 4, pp. 829–842. doi 10.3917/rhlf.144.0829. (In Fr.)

Travier D. Louis-Antoine Caraccioli ou les amusements typographiques d'un moraliste mondain [Louis-Antoine Caraccioli, or typographical amusements of the worldly moralist]. *L'écrivain et l'imprimeur* [The writer and the Printer]. Ed. by A. Riffaud. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2010, pp. 175–192. doi 10.4000/books.pur.38661. (In Fr.)

N. I. STRAKHOV'S WORKS OF SATIRE AND 'THE FASHIONABLE BOOK' BY L.-A. CARACCIOLI

Lev A. Trakhtenberg

Associate Professor in the Department of History of Russian Literature
Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. Lev_A_T@inbox.ru

SPIN-code: 6842-0304

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4345-0955>

ResearcherID: X-2444-2019

Submitted 23.06.2021

In 1790–1793 Nikolai Strakhov publishes *The Satirical Bulletin* (1790–1792), *A Handbook for Winter Moscow Visitors* (1791), *The Correspondence of Fashion* and *The Lamentations of Fashion over the Expulsion of Fashionable and Expensive Goods* (1793). The paper shows that *The Fashionable Book* by the French writer Louis-Antoine Caraccioli, published in Russian translation in 1789, could have been one of their literary sources.

All the Strakhov's works mentioned above share a common topic with the book by Caraccioli: fashion. In *A Handbook*, *The Correspondence* and *The Lamentations of Fashion*, as well as in *The Fashionable Book*, fashion is the only topic, while in the journal *The Satirical Bulletin* it is central. Perhaps Caraccioli's satire suggests to Strakhov the very idea of a full-length book dealing entirely with the subject of fashion, the idea the writer develops in his *A Handbook* and *The Correspondence*.

A Handbook shares one more important feature with its probable French inspiration: a specific mode of communication with the readers. Both books are addressed to fops, who are obsessed with fashion, as if aimed at attracting their attention. In both books fops are given advice characterizing the behavior that is usual in high society. While such recommendations constitute a minor part of Caraccioli's satire, they predominate in *A Handbook*. Obviously, the appeal to fops is, in fact, ironic; the advice given to them should not be taken at face value. In both books fashion is the object of satire.

Strakhov's acquaintance with the Russian translation of Caraccioli's book may be supposed for the reason that this translation is printed by N. Novikov, who at the time, i. e. in the second half of the 1780s, collaborates with Strakhov, publishing his translations of foreign literature. The fact that Strakhov's works appear soon after the Russian translation of *The Fashionable Book* serves as an additional argument in favor of their connection.

Key words: 18th-century literature; Russian-French literary connections; the topic of fashion; satire; irony.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070: 316.776
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-118-128

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УСЛОВИЯХ (на примере медиа Республики Мордовии)

Ксения Владимировна Дементьева

к. филол. н., доцент кафедры журналистики

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва

430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. dementievakv@gmail.com

SPIN-код: 9365-4480

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6484-9594>

ResearcherID: AAD-1051-2020

Статья поступила в редакцию 12.09.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дементьева К. В. Специфика функционирования региональных СМИ в современных коммуникативных условиях (на примере медиа Республики Мордовии) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 118–128. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-118-128

Please cite this article in English as:

Dementieva K. V. Spetsifika funktsionirovaniya regional'nykh SMI v sovremennykh kommunikativnykh usloviyakh (na primere media Respubliki Mordoviya) [Regional Media and Their Functioning in Modern Communication Conditions (a Case Study of the Media of the Republic of Mordovia)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 118–128. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-118-128 (In Russ.)

В статье анализируются интернет-порталы и паблики региональных СМИ (на примере медиа Республики Мордовии), с помощью которых они адаптируются к современным коммуникативным условиям. В качестве источника используются публикации пяти самых популярных у аудитории изданий Мордовии и их паблики в социальной сети «ВКонтакте». Автором выполнен контент-анализ более 1000 медиатекстов и качественный анализ около 500 материалов. По его итогам составлен рейтинг СМИ в зависимости от активности подписчиков, выявлены характеристики, позволяющие увеличивать количество подписчиков и вызывать их активность, такие как экспрессивность материалов, использование разнообразных стилистических средств и приемов привлечения внимания аудитории. Региональные медиа успешно осваивают площадки всех социальных сетей и мессенджеров, число подписчиков на каждой из них регулярно увеличивается. Кроме того, определены перспективы развития региональных СМИ: повысить конкурентоспособность на информационном рынке региона помогут большее разнообразие в жанровой, стилистической, тематической, мультимедийной подаче информации, оперативная реакция на запросы аудитории, отклик на запросы подписчиков. На основе этого автором предложены критерии эффективной подачи информации в пабликах и интернет-порталах, которая способствует отклику аудитории.

Ключевые слова: СМИ; Интернет; портал; отклик аудитории; коммуникация; новость; рейтинг.

Введение

Изменения, происходящие в обществе, значительно трансформировали всю его структуру и существующие в нем коммуникационные практики. Вместо традиционной коммуникации сейчас наблюдается транзактная медийная коммуникация. Это «переход к таким межличностным коммуникационным отношениям, в которых каждая сторона может по очереди выступать в роли отправителя, получателя или передатчика информации. <...> Медийная означает, что эти технологии по-прежнему включают в себя медиа» [Брайант, Томсон 2004: 396].

«С появлением Интернета возникли новые коммуникационные практики, существенно изменившие традиционные модели отношений между инициатором и адресатом коммуникации» [Дзялошинский 2013: 69]. И если раньше реакция на послание адресанта была отсроченной, то сейчас, с развитием Интернета, общество переходит «к практически непрерывному интерактивному взаимодействию субъектов коммуникации» [там же].

В связи с этим основной проблемой является адаптация традиционных СМИ и развитие новых медиа в современном обществе. Данные вопросы за рубежом изучали, например, J. Abdenor [Abdenor 2017], J. Dimmick, Y. & Li Z. Chen [Dimmick, Chen 2004], M. Djierf-Pierre, M. Ghersetti, U. Hedman [Djierf-Pierre, Ghersetti, Hedman 2016].

Среди отечественных исследователей – Е. Л. Вартанова [Вартанова 2018], И. М. Дзялошинский [Дзялошинский 2013], А. В. Колесниченко [Колесниченко 2018] и мн. др. К различным аспектам функционирования массмедиа в Республике Мордовии обращались Д. А. Бакеева [Бакеева 2019], К. В. Дементьева [Дементьева 2018] и др. Так, Д. А. Бакеева, анализируя аккаунт в Instagram газеты «Столица С», отмечает, что «сервисы социальных сетей постоянно совершенствуются» [Бакеева 2019: 296]. Следовательно, становится актуальным анализ изменений, происходящих в региональных СМИ с развитием интернет-порталов и пабликов, и реакция аудитории на эти изменения.

Методология и методы исследования

В ходе исследования применялись общенаучные методы, такие как системный, структурно-функциональный и сопоставительный, а также эмпирические методы. Рассматривались медиатексты пяти самых популярных веб-сайтов региональных СМИ: газет «Известия Мордовии», «Столица С», информационных агентств «МордовМедиа», Info RM, сетевого издания www.pg13.ru («Pro Город Саранск»). Автором выполнен контент-анализ более 1000 медиатек-

стов и качественный анализ около 500 материалов, определенных методом случайной выборки.

Также анализировались паблики данных изданий в социальной сети «ВКонтакте». При этом подсчитывался коэффициент вовлеченности людей по выбранной публикации (ERpost) и суммарно у всех опубликованных в паблике записей за день (ERday). Сопоставлялись данные об отклике аудитории и форме подачи сообщений, на основе которых делались выводы о востребованности контента, в результате чего были сформулированы критерии эффективной подачи информации в пабликах и интернет-порталах.

Дни были выбраны с учетом отсутствия важных событий в жизни республики, которые могли бы повлиять на информационную повестку изданий. Месяц был выбран с учетом отсутствия в данное время в повестке дня тем пандемии коронавируса (COVID-19), с появлением которых медиаполе существенно изменилось.

Интернет-коммуникации как новый этап развития медиа

Развитие Интернета – это процесс, характерный в целом для России и для ее отдельных регионов. Так, «в начале 1998 г. в России имели доступ к Интернет более 600 тыс. человек» [Овсеян 1999: 296], однако полноценным средством распространения массовой информации он еще не стал. В 1999 г. создается первая ежедневная интернет-газета «Газета.ру», а в 2001 г. Фонд «Общественное мнение» писал, что «Россия только сейчас, с некоторым отставанием от развитых стран, начинает переживать интернет-бум» [Ослон 2001]. По данным проводимого тогда же опроса следует: «доля заявивших о себе как об интернет-пользователях составляет в городском населении России 3,6 %, или 3,3 млн человек» [там же].

Количество пользователей Интернета в Республике Мордовии значительно увеличивается с 2008 г.: по данным самого крупного на тот момент интернет-провайдера региона «ВолгаТелекома», количество пользователей услуг Интернета составило более 36 тыс. абонентов, уже в 2011 г. их число увеличилось почти вдвое. А 31 октября 2013 г. «МегаФон» первым среди операторов «большой тройки» запустил в Саранске сеть четвертого поколения.

Мордовия является регионом, который не богат крупной промышленностью и углеводородными запасами, регулярно получает федеральные субсидии. Поэтому и основные черты развития многих сфер жизни, в том числе и сферы массовых коммуникаций, обуславливаются экономическими причинами. Возможность дотирования каких-либо СМИ для реализации имидже-

вых задач минимальна. Интернет-СМИ здесь стали развиваться с середины 2000-х гг., однако, по оценкам экспертов, так и не стали самостоятельными монетизированными медиа.

В 2006 г. в республике было открыто информационное агентство «Инфо-РМ» холдинга ООО «РТКОМ», главным активом которого является «10 канал». Руководству региона, с одной стороны, нужно было засвидетельствовать, что республика «идет в ногу со временем», с другой – экспортировать имиджевые материалы в глобальную сеть. «Инфо-РМ» до сих пор остается одним из самых посещаемых информационных сайтов.

Следующим информагентством стала лента на сайте «Столица С», а с 2011 г. друг за другом открываются «Вестник Мордовии», «Мордов-Медиа», в 2013 г. в Саранск заходит большой холдинг RNTI Media Group с бумажным изданием Pro Город и порталом pg13.ru. «Мордов-Медиа» – продукт марийского холдинга «Проджект Вэйв», который запускает аналогичные линейные продукты во многих городах Поволжья. С 2015 г. происходит резкое увеличение пабликов СМИ в социальных сетях.

Таким образом, почти пропустив эпоху интернет-СМИ, Мордовия сразу шагнула в эпоху социальных сетей. Глобальные тренды и глобальные СМИ теперь могут прижиться именно благодаря им. Успешны также глобальные иногородние проекты – паблики типа «Привет, сейчас», «Подслушано...», которые администрируются иногородними SMM-специалистами.

Статистика посещаемости сайтов Liveinternet.ru [Рейтинги сайтов 2020] за январь 2020 г. выводит в лидеры по городу Саранску 5 порталов: «Столица С» (посещаемость – более 98 тыс. среди пользователей выбранного региона), «Мордов-Медиа» (более 43 тыс.), РИА «Инфо-РМ» (около 26 тыс.), «Pro Город» (около 25 тыс.), ГТРК «Мордовия» (более 7 тыс.).

Проанализировав в течение недели топ-5 новостных сюжетов Саранска по данным агрегатора новостных сообщений «Яндекс.Новости» [Топ-5 новостных сюжетов 2020], мы выявили, что туда попадают новости порталов «Столица С», Info-RM, «Известия Мордовии», Gazeta13, Мордов-Медиа.

В июле 2019 г. Brand Analytics впервые опубликовал рейтинги самых цитируемых в русскоязычных соцмедиа СМИ Приволжского федерального округа [Рейтинг СМИ Приволжского... 2019]. В топ-20 самых виральных изданий ПФО вошло только одно издание – газета «Столица С». В топ-5 СМИ по Мордовии вошли «Столица С» (индекс цитируемости – 9 944), «Известия Мордовии» (6 452), ИА «Мордов-Медиа» (3 970), Info-RM (2 669), «ProГород Саранск» (1 742).

Обобщая данные рейтингов, можно сделать вывод о том, что самым популярным новостным порталом остается газета «Столица С».

Анализ публикаций издания «Столица С»

Информационные паблики «Столицы С» в «ВКонтакте» и Instagram вовлекают минимум треть населения республики. Здесь газета делает ставку на гонзо-журналистику [Базикян, Фильченкова 2015], бравит не просто пренебрежением, а уничтожением журналистской этики.

Выигрывает издание по количеству размещаемых новостей в день – около 35–40 сообщений в будние дни и 20–30 новостей в выходные дни. В ленту попадают самые важные сообщения о происходящих в республике событиях, то есть в приоритете издания – оперативность в информировании с места события. Среди жанров – заметки, интервью, анонсы и др., встречается аналитика. На сайте размещаются традиционные и мультимедийные лонгриды («В лесах Мордовии появились зубры, самый крупный самец весит тонну», 22.01.2020). Практически нет материалов, не сопровождаемых фотографией, в редких случаях представлена инфографика.

При этом «Столица С» представлена почти во всех социальных сетях – «ВКонтакте» (109 тыс. подписчиков), Facebook (2 тыс.), «Одноклассники» (10 тыс.), Twitter (140), Instagram (40 тыс.), Telegram (700), YouTube (2,14 тыс. подписчиков, 2 млн просмотров), LiveJournal. Сайт издания зарегистрирован как СМИ в форме электронного периодического издания с территорией распространения – Российская Федерация.

Локальность большинства материалов (около 65 %) не выходит за пределы Саранска, основные рубрики стандартны для общественно-политического издания широкого профиля: общество, политика, происшествия, религия, экономика, спорт, культура, жизнь, афиша и т. д. Однако затрагиваются и события, происходящие за пределами Мордовии: в регионах Поволжья, России или в мире. В основном в них 1) дается представление о наиболее значимых событиях; 2) рассказывается о скандалах и происшествиях, которые могут привлечь внимание читателей.

Большое количество материалов издания опираются на факты и представляют заметки или расширенные заметки, отвечающие на вопросы триады «Что? Где? Когда?» и включающие комментарий эксперта. Используются данные статистики и официальные комментарии от пресс-служб. Однако и в подобных информативных сообщениях может содержаться сниженная лексика, например, *затер* (разг.) в значении ‘рассказал’ (не фиксируется словарями современного русского языка) («Жительница Саранска потеря-

ла 150 тысяч рублей, установив приложение», 29.01.2020), *мужчинка* (разг. уничиж.) [Толковый словарь русского языка] (здесь и далее при толковании значения слова используется это издание. – К. Д.), *шатался* (разг.), *бедолага* (прост.), *отрава* (разг. жарг.) («В Саранске на ул. Татьяны Бибиной взяли 33-летнего наркомана», 27.01.2020), *деляги* (разг. фам.) («В Саранске безработные украли из магазина тележку, чтобы сдать ее в пункт приема металлов», 27.01.2020).

Заголовки газеты используют все пять принципов привлечения внимания аудитории: 1. Приоритетность и интерес темы для аудитории, в соответствии с которыми сообщения прессы чаще всего «касаются таких проблем, как терроризм, разнохарактерные техногенные аварии и природные катаклизмы и общественные опасности» [Дементьева, Потапов 2016: 74] («Компания Вексельберга продолжает варить в кипятке живых людей», 28.01.2020). 2. Необычность фактов («Под Сызранью живут загадочные существа – карлики с лицом, покрытом шерстью», 27.01.2020). 3. Новизна фактов, к которым относится «информация, не получившая еще массового муссирования, которая может быть сенсацией» [Дементьева, Потапов 2016: 77] («Жительница Саранска отправила 7-летнюю внучку на праздник на такси: ребенок потерялся», 27.01.2020). 4. Успех («“Мисс Мордовия” призналась, что является фанаткой Земфиры», 04.11.2019). 5. Высокий общественный статус («Валентина Матвиенко: “Уверена, что созидательный труд депутатов Мордовии будет способствовать реализации потенциала региона в интересах всего государства”», 24.01.2020).

В заголовках нередко выносятся цитаты, в частности слова, содержащие бранные коннотации («Этому Козлову пневматик надо в ж... затолкать!», 26.01.2020, «Путин: “Мразь такая, уроды, я когда о них узнал, открыл рот и глаза вытаращил, и откуда они берутся?”», 22.01.2020), каламбуры («ГУКи вверх!», 26.01.2020, «Туркменский гамбит», 24.01.2020).

В некоторых публикациях осознанно присутствуют субъективность и опора на непроверенные факты. Так, один из текстов начинается словами: «Дикий, страшный и нелепый слух раздирает элитные круги Мордовии. Эксперты из движения “Гудвин изменил Железному дровосеку с группой хомяков” не желают в него верить. И все же...» («В Мордовии один из представителей элиты заразил супругу сифилисом, когда та находилась на 9 месяце беременности?!», 15.01.2020). В данном тексте неоднократно подчеркивается, что предметом публикации стал не факт, а слух: «вроде как», «ходят слухи», «скандал так и остался на уровне слухов». Здесь мож-

но проследить наличие средств, влияющих на социальную оценку: «шокирующий», «экстремально» (прямая оценка), «греховодник», «Как известно, в Мордовии живут исключительно высоко нравственные личности» (антитеза). Сочетания сниженной (*подхватил, лихо* (разг.), *гибониха* (жарг., не фиксируется словарями современного русского языка)) и высокой лексики (*недуг, проникся*), употребление терминов (*санкции, бледная трепонема*), устаревшей лексики (*сия, греховодник*) при описании неоднозначной темы лишь подчеркивают иронию и субъективное отношение автора к сообщаемому.

Используются в газете и другие стилистические фигуры, такие как каламбур на основе корневых паронимов – «Этот молодой человек суров, но безденежен. И даже безнадежен» («В Саранске ищут парня в полосатых штанах», 27.01.2020), риторические вопросы – подпись к материалу «Житель Саранска подарил подружке невесте краденный авто: свадьба не состоялась» звучит так: «Кто этот молодой человек? Герой? Романтик? Или просто даблпаб? Истину установит суд...» (23.01.2020), синтаксический параллелизм – «Госдеп США не поможет. Родные – не поймут. Друзья – улыбнутся. Мол, без лоха и жизнь плоха» («32-летний житель Мордовии „подарил” мошеннику почти 100 тысяч рублей», 12.01.2020) и др.

В. В. Бегун в своей работе «Пошлость и “наивный цинизм” как деструктивные качества журналистского текста» рассматривает некоторые технологии создания подобных текстов – «избыточная выразительность, избыточная детализация, <...> неуместная языковая игра, неуместный юмор; ложный пафос, профанирование ценностей» [Бегун 2009: 190]. Проведенный анализ показал, что эти технологии используются в газете «Столица С». Так, материал о пенсионере, который поплатился за свою доброту, пустив цыганку в дом попить воды, заканчивается словами: «На суде она признала вину. <...> А вот пенсионер вердикта не дождался – умер, так и не узнав, что в 2020 г. в России сменится правительство. Но Грачева успела отдать ему деньги еще на стадии расследования. Так что старика было на что хоронить...» («Житель Мордовии пустил незнакомку в туалет и лишился денег», 27.01.2020). Другой пример – использование прецедентного высказывания в тексте – «8-месячный ребенок был доставлен в больницу в состоянии комы, в его крови обнаружили “спайс”» заканчивается строчкой из стихотворения Э. Успенского: «просто приходил Сережка, поиграли мы немножко».

Публицистический стиль делится на два подстиля: информационный и воздействующий [Се-

рова 2007: 12]. Медиатексты «Столицы С» больше отличаются экспрессивностью, а значит, относятся к воздействующим.

Мы подсчитали показатель ERday (коэффициент вовлеченности пользователей суммарно у всех опубликованных на ресурсе записей за день или выбранный период) «ВКонтакте» за пять будних дней недели, определенный методом случайной выборки в январе 2020 г. (20–24 января), а также за несколько выходных дней января. ERday «Столицы С» самый высокий среди всех проанализированных пабликов (таблица) и составляет в среднем в будние дни 431 %, в выходные – 342 %.

При этом самый большой отклик (Erpost – коэффициент вовлеченности людей по выбранной публикации) вызвали следующие публикации: поиск хозяина потерявшейся собаки – 40 %, ДТП с пьяным водителем – 27 %, процесс над заслуженным врачом, обвиняемым в убийстве подростка, – 26 %, приезд в Саранск духовника Патриарха Кирилла – 25 %, просьба найти потерянные жителем города ключи – 23 %, возвращение «неубиваемого» (о мужчине, угрожавшем выпрыгнуть из окна многоэтажки), повышение проезда в транспорте на 2 рубля – 21 %, поножовщина – 18 %.

**Показатели ERday «ВКонтакте», %
ERday Values in VKontakte, %**

День / СМИ	«Столица С»	«Известия Мордовии»	«МордовМедиа»	Info RM	«Pro Город Саранск»
Выходные дни					
11.01.2020	304	422	131	56	112
18.01.2020	396	237	107	205	112
26.01.2020	327	221	129	56	86
Среднее	342	293	122	106	103
Будние дни					
20.01.2020	454	282	269	176	125
21.01.2020	485	228	209	204	120
22.01.2020	421	243	186	236	127
23.01.2020	389	248	217	162	147
24.01.2020	407	236	208	143	109
Среднее за неделю	431	247	218	184	126

Таким образом, издание «Столица С» привлекает внимание аудитории за счет экспрессивности своих материалов, использования разнообразия сниженной и высокой лексики, приемов привлечения внимания аудитории, использования «пошлости и „наивного цинизма”» в текстах. Новости размещаются оперативно, чаще всего основаны на фактах, сопровождаются фотографией, при этом издание выигрывает и по количеству размещаемых публикаций, являющихся новостями, а не репостами gif-картинок и мемов. Кроме того, издание представлено во всех социальных сетях (кроме Яндекс-Дзена).

**«Известия Мордовии», «МордовМедиа»,
Info-RM: особенности подачи контента
и взаимодействия с аудиторией**

Газета «Известия Мордовии» также отмечена в рейтингах цитируемости Brand Analytics (2-е место) и, по нашим подсчетам ERday, уступает «Столице С» почти наполовину (см. таблицу) – среднее значение показателей ниже на 160 % в будние дни и на 49 % в выходные. Количество размещенных «ВКонтакте» новостей – около 35 в будние дни, 20–25 в выходные. При этом часть из размещенных записей паблика – картинки, не содержащие никакой новостной информации – gif-изображения, фото животных

с пожеланиями, например доброго утра, картинки-загадки и т. д.

Самый большой отклик аудитории (Erpost) за указанный в таблице период вызвали следующие публикации: 111 % и 55 % – новости о поисковой операции пропавшего человека, 35 % – корм для собак, 19 % – суд над врачом, обвиняемым в убийстве подростка, 29 % – шуточная картинка «Продается дурак» (о хаски), 26 % – подготовка к празднику Крещения, 23 % – gif-картинка, 20 % – жеребенок мальчику в подарок, 17 % – день объятий (фото от подписчика), 16 % – фото из Интернета с шестью пальцами на руке. Таким образом, значительная часть материалов, которые получают лайки и комментарии от пользователей, содержит не новостную информацию, а развлекательный контент.

Издание также представлено в социальных сетях и мессенджерах – «ВКонтакте» (22 тыс. подписчиков), Facebook (200), «Одноклассники» (7,6 тыс.), Twitter (500), Instagram (6,5 тыс.), Telegram (170), YouTube (1,75 тыс. подписчиков, 1,7 млн просмотров), LiveJournal, Яндекс-Дзен. Однако сайт газеты не является официально зарегистрированным СМИ.

В жанровых формах издания преобладают информационные – заметка, отчет. Фотографии

сопровождает не каждый материал, содержат в основном общепотребительную нейтральную лексику, опираются строго на факты и комментарии экспертов. Некоторые содержат анализ читательской активности в социальных сетях, материалы и заголовки к ним чаще всего строятся по принципу перевернутой пирамиды – в самом заголовке содержится основной смысл всей публикации – «В Саранске автобус с пассажирами снес световую опору» (31.01.2020).

Рубрика «Интервью» отличается рекламными материалами – банки ВТБ, «Открытие», Россельхозбанк, страховая компания СОГАЗ-Мед, эстетическая коррекция век и т. д. В паблике газеты «ВКонтакте» некоторые рекламные материалы не размещаются совсем, а у тех, которые все-таки выкладываются в социальную сеть, отклик аудитории низкий.

Таким образом, несмотря на высокие позиции «Известий Мордовии» во многих рейтингах и регулярное появление материалов в новостных агрегаторах, подача материалов, в частности в сравнении с первым анализируемым изданием, не очень привлекательна для аудитории. Тематика новостей охватывает всю республику, темы в основном локальны (90 %), новости всероссийского масштаба касаются преимущественно важных общественно-политических событий (указы президента, вакцинация и т. д.). Отклик аудитории вызывают не столько сами новости, сколько развлекательный контент социальных сетей.

Третьим в рейтинге цитируемости Brand Analytics и по нашим подсчетам реакций аудитории (см. таблицу) является ИА «МордовМедиа» – лауреат международного экономического конкурса «Лучшая компания 2013» (1-е место в номинации «Электронные и печатные СМИ»).

Количество размещаемых новостей – около 25 в будние дни, около 10 в выходные дни, что значительно уступает предыдущим рассмотренным изданиям. Наибольший отклик аудитории при этом вызвали следующие материалы: 31 % – мордовская тяжелоатлетка установила 3 рекорда России, 24 % – грабеж, 23 % – изнасилование подростка, 22 % – исчезновение человека, 21 % – рост цен в транспорте, 20 % – снюсы; не распроданные в Новый год елки, 18 % – грипп в Мордовии; прокуратура принимает жалобы на заработную плату. То есть темы в основном касаются криминала и актуальных социальных вопросов жителей региона.

Спектр рубрик на сайте широк и охватывает все важные темы – от политики и происшествий до бизнеса и медицины. При этом есть отдельные категории «Саранск», «Москва» и «Россия», что автоматически делит темы на локальные и глобальные. Рубрика «Не проходите мимо» со-

бирает новости, которые могут вызвать наибольший отклик аудитории – анонсы мероприятий, помощь в конкурсах репостов, сборы средств для больных детей и т. д. В разделе «Интервью» рекламные тексты соседствуют с беседами с обычными людьми, достигшими успеха после пережитых трудностей.

Материалы написаны в основном в жанре заметок, обычно содержащих комментарий. В кратких текстах сообщений нет оценочности, эмоциональности, используется в основном нейтральная лексика. А уже в заголовках может использоваться сниженная лексика: «Вор-сластена пойман в Саранске» (разг., 31.01.2020), Житель Мордовии «кинул» работодателя почти на 300 тысяч рублей (жарг., 30.01.2020), В Мордовии автомобилист едва не *угробил* пассажирку, слетев с заснеженной трассы (прост., 28.01.2020).

Информационное агентство использует некоторые принципы привлечения внимания: 1. Приоритетность и интерес темы для аудитории [Деметиева, Потапов 2016: 74], внимание акцентируется в основном на общественных опасностях («Прогулка в Ленинском парке Саранска может угрожать жизни горожан», 17.11.2019). 2. Новизна фактов, то есть то, что может показаться читателю необычным и заставит «кликнуть» и прочитать текст полностью («Автомобилист из Мордовии отсудил у владельца лошади компенсацию за повреждение машины», 27.01.2020). 3. Высокий общественный статус («Путин прибыл в Берлин на конференцию по урегулированию ливийского кризиса», 19.01.2020).

Таким образом, «МордовМедиа» специализируется в основном на коротких новостных сообщениях, соответствующих формату информационного агентства. Наибольший отклик аудитории вызывают сообщения о происшествиях и социальных проблемах, для привлечения внимания используются специальные приемы.

Info-RM, по данным Brand Analytics, находится на 4-м месте по цитируемости. В подсчетах ERday он также занимает 4-е место (см. таблицу). Тем не менее два из трех выходных дней показатель был намного ниже «Pro Города» – 56 %, в третий же день – 18 января – он оказался высоким лишь за счет отклика аудитории на одну публикацию, ERpost которой составляет 128 %. Такая маленькая активность аудитории объясняется не столько качеством материалов, сколько их количеством – в выходные дни редакция практически не размещает новостей (особенно в сравнении с предыдущими рассмотренными ресурсами) – 5–10 сообщений. В будние дни частота размещения новостей выше – 25–30 материалов.

Активный отклик аудитории мы отметили у публикаций на следующие темы: 128 % – взрыв

Нивы в Саранске, 99 % – изнасилование, 10 % – использование чужой банковской карты (отрывок из популярного клипа приложен к посту), 8 % – 2 сообщения о ДТП. Такие колебания, видимо, можно объяснить попаданием первых двух постов на какие-то популярные ресурсы, где аудиторией стали не подписчики сообщества Info-RM, а более широкая публика. В остальных случаях активность вполне ожидаема – популярностью пользуются сообщения о происшествиях, криминале. По остальным характеристикам Info-RM мало чем отличается от «МордовМедиа».

«Про Город»: история появления на информационном рынке Мордовии и современное положение

Следующее рассмотренное издание – «Про Город». Чтобы полноценно анализировать его современный контент, необходимо рассмотреть принципы работы издания и его путь на рынке прессы Мордовии.

RNTi – крупнейший российский медиахолдинг, создающий региональные СМИ. Именно с его «Про Городом» были связаны основные опасения и региональной власти в Мордовии, и региональных СМИ. Это очень сложное в организации бесплатное издание, рассчитанное исключительно на прибыль с продажи рекламы. Распространение газеты осуществлялось уникальной и дорогостоящей курьерской сетью по квартирам в Саранске, тираж в 70 тысяч экземпляров автоматически делал «Про Город» крупнейшим СМИ региона.

RNTi – очень отлаженная и успешная структура, укоренившаяся в 22 городах страны. Газеты линейки «Про Город» плотно «зашли» на рынок и вытесняют местные издания в Йошкар-Оле, Чебоксарах и Кирове, имеют большое влияние в Нижнем Новгороде и Ярославле; телеканал «Первый городской», вещающий в Нижнем Новгороде, Кирове, Калининграде и Казани, становился лауреатом «Тэффи».

Управление всей региональной линейкой холдинга осуществляется очень жестко, менеджмент вертикально интегрирован по схеме: «генеральный директор – директор дивизиона – редакционный директор – главный редактор холдинга по офсету/Интернету/телевидению/радио – главный редактор – заместитель-редактор сайта – редакция». Журналисты и редакторы, дизайнеры и верстальщики, продавцы рекламы и директора всех редакций обязаны проходить обучение по скрупулезно разработанным собственным онлайн-курсам и качественным самоучителям.

Крупные медиахолдинги, информационные продукты которых распространяются во множествах регионах и имеющих разветвленную сеть

редакций, вынуждены составлять внутренние своды правил, которые регламентируют практически всю деятельность журналистов. В качестве примеров можно привести «Комсомольскую правду», руководство которой составило свод регламентов и инструкций «Красная папка». С нею должны знакомиться журналисты не только редакций, напрямую подчиняющихся центральной редакции в Москве, но и редакций, которые работают по договору франшизы.

«Красная папка» включает в себя основы работы журналиста – опросники интервью, структуру статьи, заголовки, правила поиска информации и пр. Фактически, цель «Красной папки» состоит в том, чтобы в минимальный срок подготовить к полноценной журналистской работе на высшем уровне человека без опыта и навыков. На практике эта цель достигается.

На основе «Красной папки» были созданы похожие аналоги в других сетевых изданиях. «Про Город» создан как российский аналог шведской газеты-гиганта Metro, однако идею регламентов работы взял именно у «Комсомольской правды». По аналогии с «Красной папкой» сборник регламентов назван «Синей папкой».

Контент проходит утверждение и жесткий отбор у главной редакции холдинга. Это минимум текста, огромное количество разноплановых сайдбаров, качественные фотографии. Материалы не пройдут в печать, если не интересны 85 % потенциальной аудитории. Существует категорический запрет на выражение мнения журналиста, а также запреты на чисто криминальные новости, на спорт, на новости культуры. В номере обязательно должен быть минимум один материал с сексуальным подтекстом. Установлены жесткие шаблоны верстки.

Другими словами, на первый взгляд, холдинг, имея такую ориентацию на потребителя, располагал всеми возможностями укорениться на мордовском рынке СМИ. Но руководство сделало фатальную ошибку, посчитав, что местный рынок ничем не отличается от уже освоенных городов. В этом плане важен исторический региональный контекст. В 2010 г. Саранск вошел в список городов, в которых должно было пройти масштабное международное мероприятие – Чемпионат мира по футболу 2018. В 2012 г. это право было окончательно закреплено, город начал перестраиваться.

Изначально руководители RNTi знали о депрессивности экономики региона, но считали, что подготовка к Мундиалю запустит процесс формирования малого и среднего бизнеса – основных рекламодателей. То, что никаких рекламодателей не появится, что весь бизнес сконцентрирован в одних руках, что Мордовия – террито-

рия монополии, которой реклама не просто не нужна, но враждебна, медиаменеджеры поняли лишь спустя несколько лет. Вплоть до 2016 г. Саранск приносил RNTi огромные убытки. Холдинг продолжал инвестировать в мордовский филиал, рассчитывая, что 2018 г. принесет прибыль. При этом многие требования к руководству и персоналу филиала были применимы к большинству городов линейки, но оторваны от реальности Саранска. В результате наблюдалась аномальная текучка кадров, беспорядок в руководстве.

Осенью 2016 г. произошла ситуация, полностью изменившая весь медиарынок республики. Весь персонал «Pro Города» написал заявление на увольнение и вместе с рекламной базой, шаблонами, курьерской сетью и наработками перешел в созданное уволившимся директором местное издание со схожей спецификой – «Город.ру». Расчет был следующим: «Pro Город» не сможет оправиться от кадрового удара и закроется, ниша освободится, а новое издание сможет ее занять, руководствуясь холдинговыми наработками, но искоренив ошибки и опираясь на местную специфику. На самом деле план был заранее обречен – новая газета опиралась на старую бизнес-модель «Pro Города», которая не могла быть применима в местных реалиях, и значит, без финансовых вливаний из головного офиса не могла быть реализована. В итоге вышло девять номеров новой газеты, чистый ее убыток составил 1,8 млн рублей, после чего издание закрылось. Но газета успела войти в историю мордовской журналистики. В попытке скорейшей ликвидации «Pro Города» и вообще завоевания рынка «Город.ру» пошел на абсурдный демпинг, продавая рекламодателям полосу за 500 рублей. За два месяца существования газеты рекламный рынок был обрушен для всех видов СМИ. Адекватные расценки до сих пор не восстановились.

Руководство RNTi тем временем по срочному договору вернуло одного из главных редакторов прошлых лет, который за полгода сформировал новую редакцию и вывел объем рекламы на прежний уровень. Но газета с обесцененной рекламой приносила еще большие убытки. В итоге в 2017 г. Саранск стал первым городом, в котором RNTi закрыло свой проект. Интернет-версия «Pro Города» (pg13.ru) существует до сих пор, но чисто номинально, ради сохранения корпоративного реноме. Ленту формирует пензенская редакция, что, несомненно, сказалось и на количестве новостей, и на их качестве. Тем не менее по рейтингам цитируемости Brand Analytics и по нашим подсчетам ERday портал находится на пятом месте, конкурируя в выходные дни с Info-RM.

В будние дни частота размещения новостей – 15–20 за сутки, в выходные – около 10. При этом

наибольший показатель ERpost у материалов на следующие темы: 22 % – изнасилование; пропажа человека, 21 % – просьба приютить кота с улицы (с фотографией), 20 % – картинка с надписью (без новости), 17 % – гибель рабочих при демонтаже здания, 14 % – кража детской коляски; убийство. Данные показывают, что отклик аудитории в основном вызывают бытовые темы, а также развлекательный контент.

Анализ материалов показал, что нередко на портале размещаются мультимедийные лонгриды, сопровождаемые не только фотографиями, но и видео (данные камер наблюдения, любительская съемка с места происшествия и т. д.). Часто указание на наличие фотографий и видео содержится уже в самом заголовке и выполняет функцию привлечения внимания (новизны и сенсационности) – «Житель Саранска за месяц три раза “подрался” со шлагбаумом (видео)» (31.01.2020). Тексты при этом чаще всего сухо информативны, в них практически не наблюдается взаимопроникновение жанров.

Заголовки привлекают внимание новизной фактов, в них возможно использование разговорной лексики, в частности имеющей оценочный характер по отношению к герою материала (*сладкоежка, лихач, дебошир, воршишка, парочка*), или эпитетов (*хитрый механик, обидчивая жительница*). Текст новости всегда сопровождается фотографией, но изображения с пометкой «Из архива „Pro Город”» часто повторяются. Темы почти на 100 % локальны, кроме того, в заголовке фигурирует «Саранск» или «Мордовия» – «В Саранске...», «Житель Мордовии...».

В заголовках используется кликбейт, например, такие фразы, как «стали известны подробности», «Так ли это?», «Ключевые заявления», «Что об этом известно?», в которых имплицитно заложен посыл в необходимости ознакомиться с информацией и найти ответ на поставленный вопрос.

Иными словами, принципы подачи контента редакцией «Pro Города», несмотря на трудности и закрытие печатной версии, позволяют до сих пор придерживаться оперативности в подаче информации и вызывать активный отклик аудитории.

Заключение

На основе проведенного нами исследования интернет-порталов и пабликов региональных СМИ можно сделать вывод, что рассмотренные издания вполне успешно адаптируются в новом информационном пространстве. Происходит освоение площадок всех социальных сетей и мессенджеров, число подписчиков на каждой из них регулярно увеличивается. Проанализировав данные рейтингов сайтов изданий и сделав свои

собственные расчеты реакций аудитории в социальной сети «ВКонтакте» (ERday и Erpost), мы составили рейтинг СМИ в зависимости от активности подписчиков. На первом месте находится газета «Столица С» – издание лидирует по количеству подписчиков, количеству размещаемых новостей в день и отклику на них аудитории.

Новости размещаются оперативно, чаще всего основаны на фактах, сопровождаются фотографией. Привлечение внимания аудитории происходит за счет экспрессивности материалов, использования разнообразных стилистических средств и приемов привлечения внимания аудитории, «пошлости и „наивного цинизма”» в текстах.

Обобщая данные других изданий, можно отметить, что новости представляются ими в основном по принципу информационных агентств – оперативные заметки с фактом и комментарием к нему, фотографией и заголовком-хроникой, в отличие от газеты «Столица С», где используется весь спектр жанровых средств, в том числе мультимедийных, а также разнообразие сниженной и высокой лексики, направленное на воздействие на аудиторию. Но если для информационного агентства такой формат приемлем, то полноценный портал, в который сегодня трансформируются печатные СМИ, должен, на наш взгляд, содержать большее или даже подавляющее количество материалов, разнообразных в подаче информации – жанровой, стилистической, мультимедийной (лонгриды, видео- и фотоподборки, инфографика). Кроме новостной информации, издание должно содержать развлекательный контент, учитывая выявленную нами реакцию аудитории газеты «Известия Мордовии» на развлекательные посты, а также оперативно реагировать на запросы аудитории, поддерживать диалог и отвечать на запросы подписчиков.

Обобщая, можно выделить критерии эффективной подачи информации в пабликах и интернет-порталах, которые способствуют отклику аудитории:

- 1) использование принципов привлечения внимания;
- 2) экспрессивность, стилистическое разнообразие;
- 3) жанровое разнообразие;
- 4) наличие развлекательного контента;
- 5) использование мультимедийных форматов;
- 6) кликбейт.

В данном направлении и возможны перспективы развития медиа Республики Мордовии в частности и регионов в целом.

Список источников

Рейтинг СМИ Приволжского федерального округа по цитируемости в соцмедиа, Июнь 2019

// Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/volga-federal-region-massmedia-ratings/> (дата обращения: 01.09.2020).

Рейтинги сайтов. URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/#period=month;geo=ru/834> (дата обращения: 01.09.2020).

Топ-5 новостных сюжетов. Саранск: статистика. URL: <https://yandex.ru/news/top/region/Saransk> (дата обращения: 01.09.2020).

Список литературы

Базилян С. А., Фильченкова А. А. Гонзо-журналистика в России // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 2. С. 1–3.

Бакеева Д. А. Манипулятивное влияние социальных сетей и «лидеров мнений» (на примере интернет-пространства Instagram) // Медиаисследования. 2019. № 6. С. 288–296.

Бегун В. В. Пошлость и «наивный цинизм» как деструктивные качества журналистского текста // Этика речевого поведения российского журналиста: коллект. монография / Л. Р. Дускаева (ред.). СПб.: Астерион, 2009. 268 с.

Брайант Дж. Основы воздействия СМИ. Киев: Вильяме, 2004. 432 с.

Вартанова Е. Л. Медиа в контексте общественных трансформаций: к постановке проблемы // МедиаАльманах. 2018. № 1(84). С. 8–13.

Дементьева К. В. Медиаем и его роль в формировании полиэтничного общества // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 257–279.

Дементьева К. В., Потапов П. Ф. СМИ и общественное мнение: диалектика взаимодействия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 144 с.

Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: АПК и ППРО, 2013. 479 с.

Колесниченко А. В. Востребованность жанров журналистских текстов в онлайн-СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 1. С. 26–42.

Овсеян Р. П. История новейшей отечественной журналистики: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1999. 304 с.

Ослон А. А. Интернет в России / Россия в Интернете. URL: https://bd.fom.ru/report/map/ocherk/143_12920/os010318 (дата обращения: 01.09.2020).

Серова С. А. Лингвистический анализ новостных газетных статей: оценочный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 24 с.

Толковый словарь русского языка. URL: <https://556.slovaronline.com/> (дата обращения: 15.01.2021).

Abdenor J. Digital Gumshoes // Digital Journalism. 2017. Vol. 5, Issue 4. P. 472–492.

Dimmick J., Chen Li Z. Competition Between the Internet and Traditional News Media: The Gratification-Opportunities Niche Dimension // *Journal of Media Economics*. 2004. № 17(1). P. 19–33.

Djierf-Pierre M., Ghersetti M., Hedman U. Appropriating Social Media // *Digital Journalism*. 2016. Vol. 4, Issue 7. P. 849–860.

References

Bazikyan S. A., Fil'chenkova A. A. Gonzo-zhurnalistskaya v Rossii [Gonzo journalism In Russia]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU], 2015, issue 2, pp. 1–3. (In Russ.)

Bakeeva D. A. Manipulyativnoe vliyanie sotsial'nykh setey i 'liderov mneniy' (na primere internet-prostranstva Instagram) [Manipulative influence of social networking services and 'opinion leaders' (a case study of Instagram)]. *Mediaissledovaniya* [Media Research], 2019, issue 6, pp. 288–296. (In Russ.)

Begun V. V. Poshlost' i 'naivnyy tsinizm' kak destruktivnye kachestva zhurnalistskogo teksta [Vulgarity and 'naive cynicism' as destructive qualities of a journalistic text]. *Etika rechevogo povedeniya rossiyanskogo zhurnalista* [Ethics of speech behavior of a Russian journalist]. Ed. by L. R. Duskaeva. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009. 268 p. (In Russ.)

Bryant J., Tompson S. *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Kiev, Vil'yame Publ., 2004. 432 p. (In Russ.)

Vartanova E. L. Media v kontekste obshchestvennykh transformatsiy: k postanovke problem [Media in the context of social transformations: to the problem statement]. *MediaAl'manah* [MediaAlmanah], 2018, issue 1(84), pp. 8–13. (In Russ.)

Dement'eva K. V. Mediamem i ego rol' v formirovani polietnichnogo obshchestva [Media meme and its role in the formation of a multiethnic society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, issue 53, pp. 257–279. (In Russ.)

Dement'eva K. V., Potapov P. F. *SMI i obshchestvennoe mnenie: dialektika vzaimodeystviya* [Media and Public Opinion: Dialectics of Interaction]. Saransk, Mordovia State University Press, 2016. 144 p. (In Russ.)

Dzyaloshinskiy I. M. *Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnye strategii sotsial'nykh institutov* [Media Space of Russia: Communication Strategies

of Social Institutions]. Moscow, Academy of Qualification Development and Professional Re-Training for Education Workers Publ., 2013. 479 p. (In Russ.)

Kolesnichenko A. V. Vostrebovannost' zhanrov zhurnalistskikh tekstov v onlaynovykh SMI [Demand for genres of journalistic texts in online media]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistsika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2018, issue 1, pp. 26–42. (In Russ.)

Ovsepyan R. P. *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistiki: Uchebnoe posobie* [The History of Contemporary Russian Journalism: Textbook]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1999. 304 p. (In Russ.)

Oslova A. A. *Internet v Rossii / Rossiya v Internete* [Internet in Russia / Russia on the Internet]. Available at: https://bd.fom.ru/report/map/ocherk/143_12920-os010318 (accessed 01.09.2020). (In Russ.)

Rating of the mass media of the Volga Federal District by citations in social media, June 2019]. *Brand Analytics*. Available at: <https://br-analytics.ru/blog/volga-federal-region-massmedia-ratings/> (accessed 01.09.2020). (In Russ.)

Ratings of sites. Available at: <https://www.live-internet.ru/rating/ru/#period=month;geo=ru/834>; (accessed 01.09.2020). (In Russ.)

Serova S. A. *Lingvisticheskiy analiz novostnykh gazetnykh statey: otsenochnyy aspekt*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Linguistic analysis of news items in newspapers: Evaluative aspect. Abstract of Cand. philol. sci. diss.] Tambov. 2007. 24 p. (In Russ.)

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at: <https://556.slovaronline.com/> (accessed 15.01.2021). (In Russ.)

Top-5 novostnykh syuzhetov, Saransk: statistika. [Top 5 news items, Saransk: statistics]. Available at: <https://yandex.ru/news/top/region/Saransk> (accessed 01.09.2020). (In Russ.)

Abdenor J. Digital gumshoes. *Digital Journalism*, 2017, vol. 5, issue 4, pp. 472–492. (In Eng.)

Dimmick J., Chen Y. & Li Z. Competition between the Internet and traditional news media: The gratification-opportunities niche dimension. *Journal of Media Economics*, 2004, issue 17(1), pp. 19–33. (In Eng.)

Djierf-Pierre M., Ghersetti M., Hedman U. Appropriating social media. *Digital Journalism*, 2016, vol. 4, issue 7, pp. 849–860. (In Eng.)

**REGIONAL MEDIA AND THEIR FUNCTIONING
IN MODERN COMMUNICATION CONDITIONS
(a Case Study of the Media of the Republic of Mordovia)**

Kseniya V. Dementieva

Associate Professor in the Department of Journalism

Ogarev Mordovia State University

68, Bol'shevistskaya st., Saransk, 430005, Russian Federation. dementievkv@gmail.com

SPIN-code: 9365-4480

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6484-9594>

ResearcherID: AAD-1051-2020

Submitted 12.09.2020

The article analyzes web portals and public pages of regional media, which help the media adapt to modern communication conditions. The material under study is texts published in the five media sources most popular in Mordovia and on their public pages on the VKontakte social networking service. We carried out a content analysis of more than 1,000 media texts and a qualitative analysis of about 500 materials. Basing on that, we ranked the media according to the activity of their subscribers and identified characteristics that allow the media to increase the number of subscribers and promote their activity, such as the expressiveness of materials, the use of various stylistic devices aimed at attracting the attention of the audience. Regional media are successfully using the platforms of all social networking services and messengers, the number of subscribers to each of them is regularly increasing. We have also identified the prospects for the development of regional media: a greater diversity in genres, in stylistic, thematic and multimedia presentation of information, a prompt response to the requests of the audience and subscribers will help to increase the competitiveness in the information market of the region. In conclusion, we offer criteria for the effective presentation of information on public pages and web portals that promotes a response of the audience.

Key words: media; Internet; portal; audience response; communication; news; rating.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 13. Выпуск 3 / 2021

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 28.09.2021. Дата выхода в свет 07.10.2021
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 15,11. Тираж 500 экз. Заказ 143

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке